

84(2Рос=Рус)6

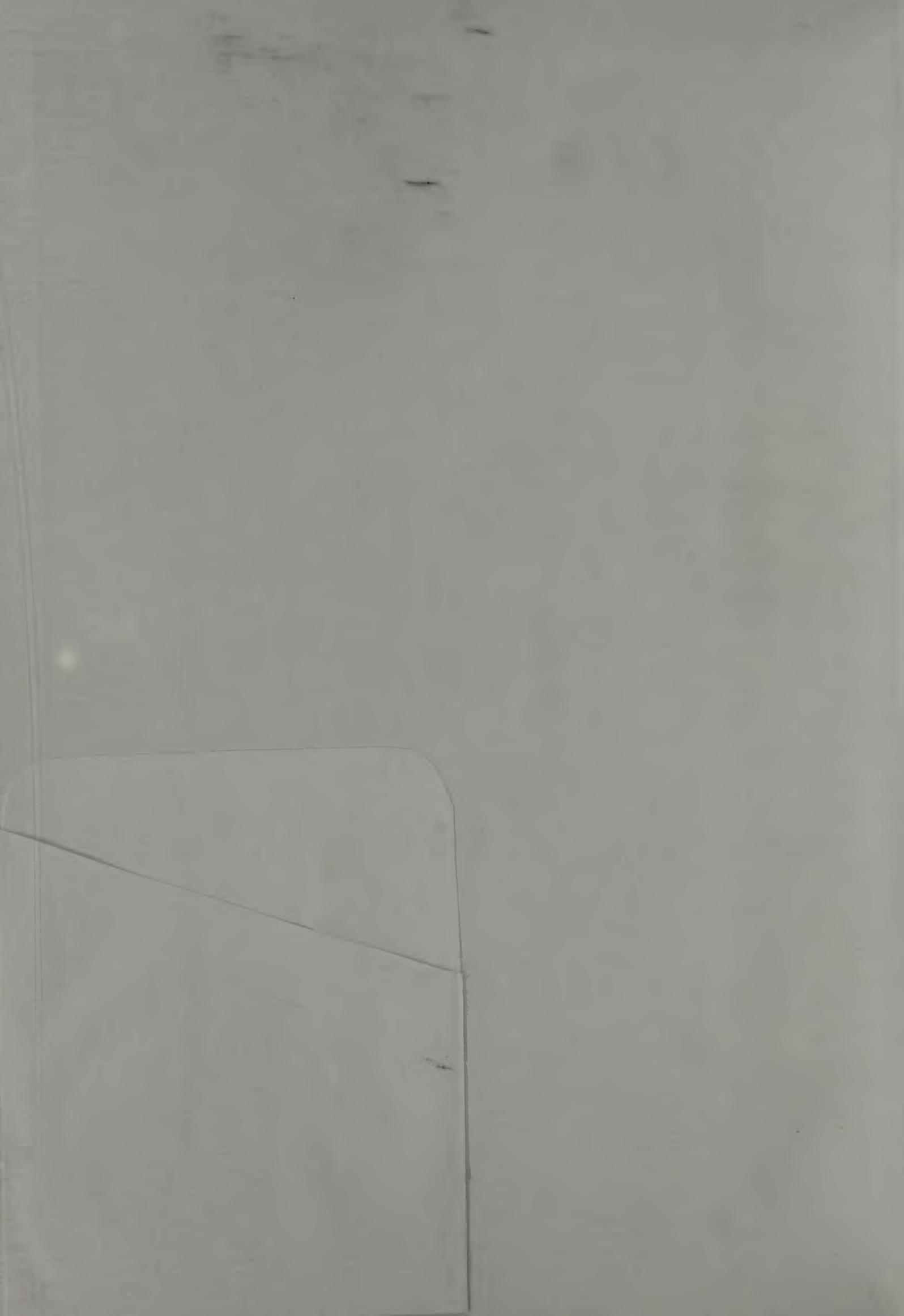
К Р 55

Олег Рихтер

Сургутские истории

Невыдуманные
рассказы, очерки

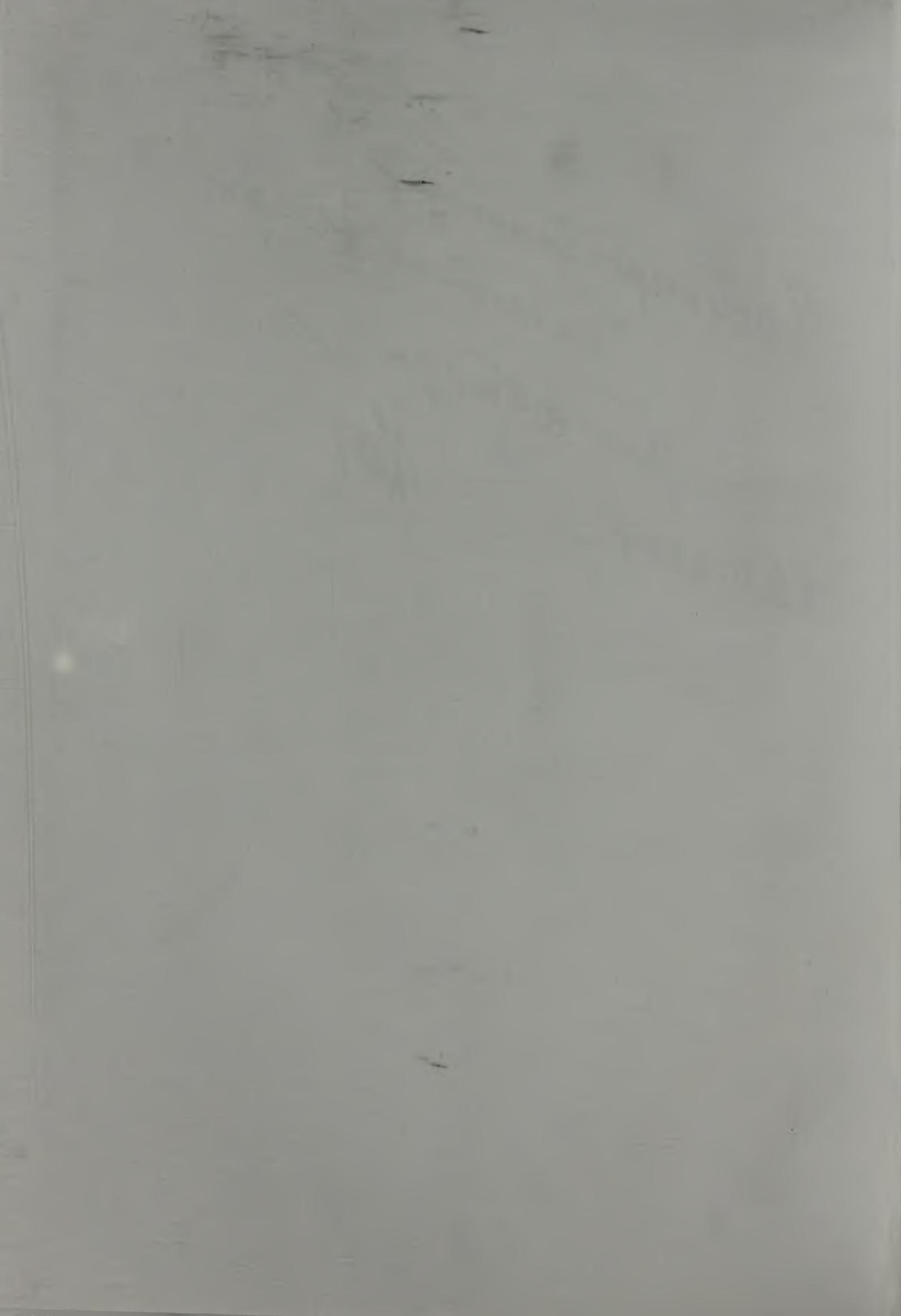

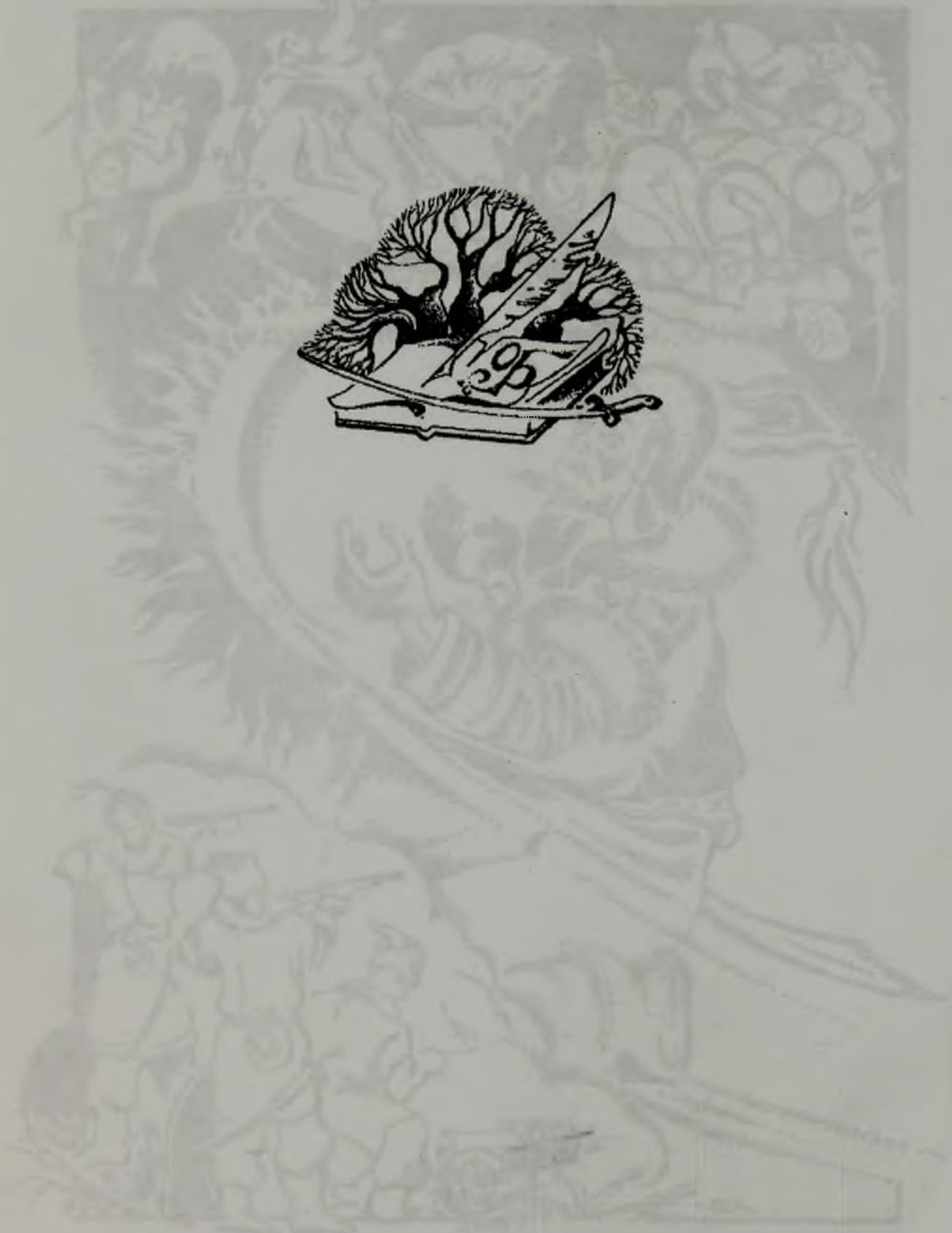
Государственный
Библиотеке ЮЗРМ

от автора

28.XI.2007г

A stylized handwritten signature in black ink, consisting of several overlapping loops and a long vertical stroke extending downwards.

— 0119410

LIBRARY	NO.
DATE	

Олег Рихтер

Сургутские истории

Невыдуманные рассказы, очерки

Иллюстрации Владимира Тугаева

Мандр и К^а
Тюмень
2007

- 0117110 -

Государственная
библиотека
Югры

КО

ББК 28.89
Р 34

Р 34 Рихтер, О. Б. Сургутские истории : невыдуманные рассказы, очерки / Олег Рихтер. — Тюмень : Мандр и Ка, 2007. — 208 с.

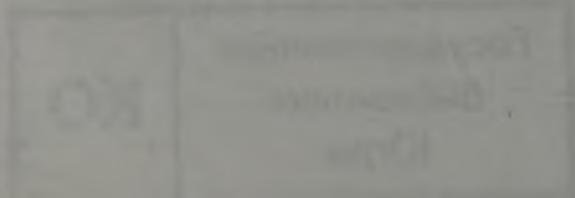
© Рихтер О.Б., 2007.

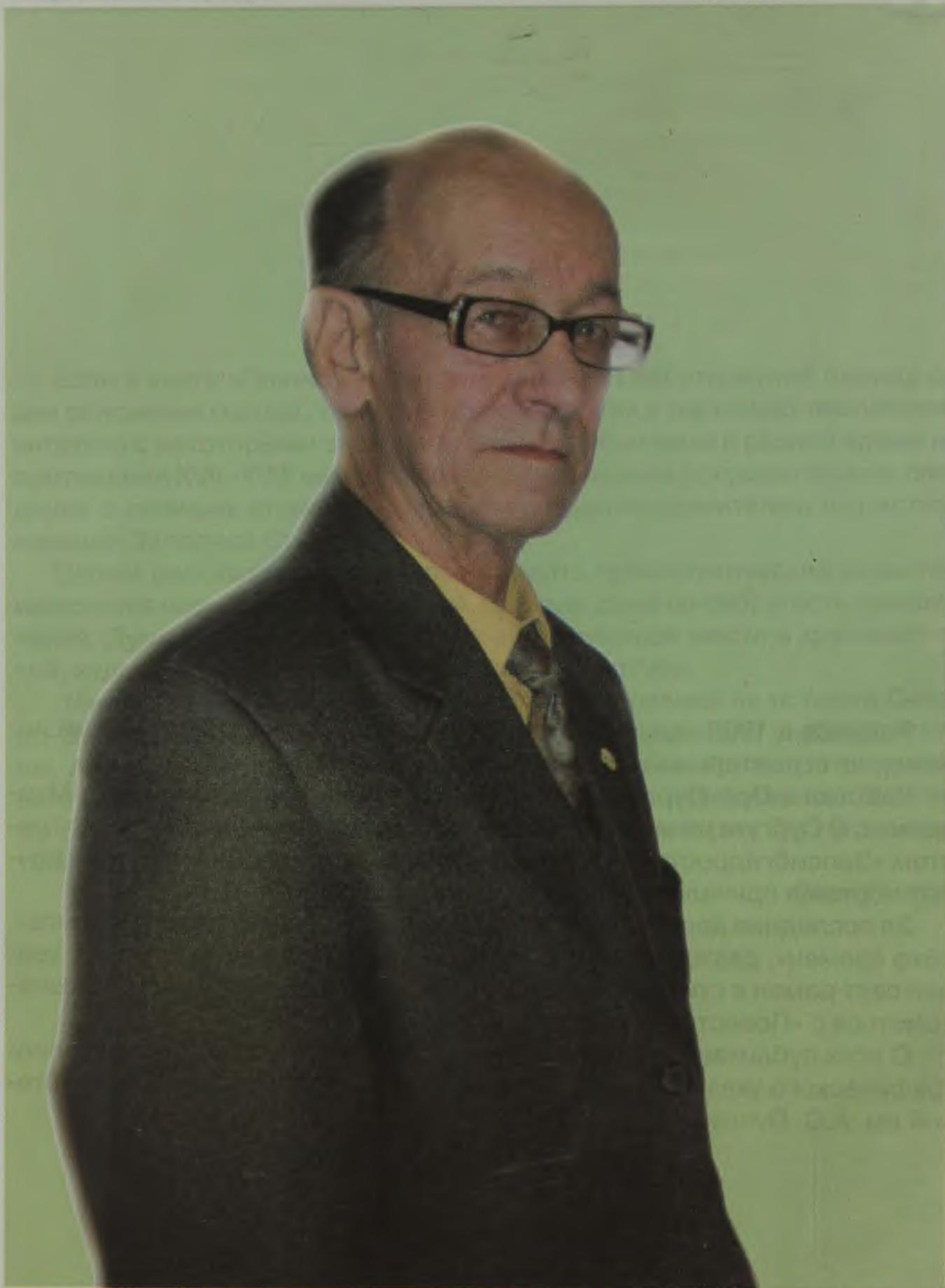
© Тугаев В. (иллюстрации), 2007.

© Мандр и Ка^а (оформление), 2007.

ISBN 5-93020-398-9

— СИ ЕМО —

Родился в 1933 году в г. Ростове-на-Дону. Закончил Ростовский инженерно-строительный институт.

Работал в Оренбургской области, Краснодаре, на Сахалине, в Мурманске. В Сургуте начал работать в 1977 г. в качестве управляющего трестом «Запсибгидрострой», который был создан для строительства речных портов и причалов в Обь-Иртышском бассейне.

За последние десять лет изданы сборники поэзии и прозы «Россыпь», «Эхо времен», дважды переиздавался роман «Сказание о Ермаке», увидел свет роман в стихах «Кучум». В минувшем году читатель смог познакомиться с «Повестью о Сургуте».

О всех публикациях О.Б. Рихтера до 1997 г. можно узнать из библиографического указателя, изданного Сургутской центральной библиотекой им. А.С. Пушкина.

От автора

Если в книге «Повесть о Сургуте» освещен десятилетний период со дня основания города, то «Сургутские истории» в рассказах познакомят читателя с некоторыми знаменательными событиями в разное время на протяжении XVII–XVIII веков, а в очерках освещены документальные сведения о казачьих атаманах, церквях и священнослужителях, о христианизации Западной Сибири.

Своим рассказам я стремился придать приключенческий характер изложения невыдуманных историй, которые сами по себе и есть приключения. Думаю, что эта книга займет определенное место в краеведческой, художественной и познавательной литературе.

Мною использованы «Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири» Уральского государственного университета им. А.М. Горького, опубликованные издательством Уральского университета в 2002 году, работы историков Г. Миллера и П. Буцинского, а также сведения из книги «Древний город на Оби. История Сургута» издательства «ТЕЗИС» (Екатеринбург, 1994).

Олег Рихтер

От автора

Если в книге «Города и люди» — основанная на фактах история, то «Сургутские истории» — это история, основанная на фактах, но с некоторыми вымышленными элементами. В начале 1990-х годов в Сургуте жили люди, которые жили в Сургуте. В начале 1990-х годов в Сургуте жили люди, которые жили в Сургуте.

Сургут — это город, который вырос из ничего. Это город, который вырос из ничего. Это город, который вырос из ничего. Это город, который вырос из ничего.

Многие люди жили в Сургуте. Многие люди жили в Сургуте. Многие люди жили в Сургуте. Многие люди жили в Сургуте.

Сургут — это город, который вырос из ничего. Это город, который вырос из ничего. Это город, который вырос из ничего. Это город, который вырос из ничего.

**Благодарю генерального директора
ЗАО «Запсибгидрострой»
Виктора Викторовича Гончарова
за финансовую помощь в издании книги.**

Автор

Рассказы

Бунт Тынги

1

Скупое октябрьское солнце пронизывало лес низкими косыми лучами. Тени падали на тени, а между ними искрились полоски снежной пороши. Среди могучих стволов сосен и пихты ютилась мелкая поросль и лежали рухнувшие, отжившие свой век, гиганты. Это звериное царство словно напоминало о молодости, старости и смерти. Извилистая, но довольно широкая и набитая копытами тропа вела к городу Сургуту.

Конный разъезд казаков из десяти человек возвращался с охоты. Впереди бежали собаки, а в голове отряда скакал на резвой арабской лошадке подьячий Иван Афанасьев. У него свисали на перевязи две лисицы, рыжая и черно-бурая, а у других охотников было по несколько зайцев. Люди то напевали задорные песенки, то перекликались, подшучивая друг над другом, довольные добычей.

На подьячем был короткий зеленый кафтан для верховой езды, легонькая узорчатая кольчуга, кинжал за широким поясом и сабля. А за плечами саадак — лук и стрелы.

Служилый поляк Яков Плешевский, желая поговорить, поравнялся с Афанасьевым, оставив позади десятника Данилку Голубятника. Искоса поглядывая на подьячего, под кафтаном которого угадывалось сильное жилистое тело, он сказал:

— Дивлюсь я на тебя, Иван. Сейчас ты более похож на вояку, чем на попа. И что так тебя угораздило носить черные ризы? Ведь мог бы большим начальником стать.

Обернувшись в сторону спутника лицом, обрамленным короткой бородкой и подстриженными усиками, улыбнувшись узкими полосками губ, Афанасьев ответил:

— Если потребуется, я и воином стану. А служу в подьячих, чтобы знать, что на всей Руси делается. Но позволь и тебя спросить: почему ты не подался в Москву к своим полякам, когда они захватили Кремль?

— Обрусел я в плену, братец, обрусел. Женился на русской девице — вот и не захотелось возвращаться к прошлому. Да и думалось мне, что недолго быть смуте, так как ваш православный народ никому не переломить, что и вышло.

— Верно сказано! — раздался за спиною поляка голос Данилки. — Никаким иноземцам, ни татарам-мусульманам, ни католикам, не совладать с нами и не обратить в иную веру. А Иванко Афанасьев истинно воин. Мы-то знаем, что он и стреляет метко, и саблей может рубиться, як казак.

— Видел я ныне, видел, что стрелять он горазд, — отозвался поляк. — Но хочу сказать еще о вашем народе... Как бы это выразить? Да-а... Легко он в заблуждение входит. В вере он страстен, а умом ленив. Оттого и беды все, и смута, и царей много поменялось за пятнадцать лет, и предателей было немало.

— Сибири это не коснулось! — сердито сказал Данилка.

— Коснулось, — поддержал Афанасьев Плешевского. — В то время как наш атаман Тугарин бился под Москвой с поляками, воевода Кетского острога посылал лживому царю богатые поминки соболями. А по всей Сибири забунтовали остяки, чтобы, как они говорили, «быть себе царством».

На этом беседа прервалась. Ехали молча, вскидывая иногда взор на небеса, откуда доносились крики птиц, улетающих в теплые края.

Вскоре солнце стало скатываться за вершины деревьев, надвигались ранние сумерки. Но тут, в самый раз, вышли на пустошь от гари, откуда были видны сторожевые башни Сургутского острога и позолоченный купол церквушки.

Пришпорив коней, охотники галопом поскакали к городу.

На воеводском дворе стражник сказал Афанасьеву, чтобы он поспешил в приказную избу. Так велел воевода Елизар Корсаков.

2

В полдень этого октябрьского дня 7124* года, вспенивая водную гладь Оби, устремилась к сургутскому берегу стайка юрких остроносых обласков.

Казак Первуша Колпашник, который нес караульную службу у стругов, с любопытством наблюдал, как около двух десятков изможденных дорогой остяков, обвешанных связками соболей, бобров и черных лисиц, вышли на песчаную косу. «Богатые поминки** привезли инородцы», — сделал он вывод и сказал им:

— Погодите на берегу, а я доложу начальству.

* 1615 год.

** Подарки.

Его атаман, Тугарин Федоров, велел казаку препроводить остяков в съезжую избу, а сам, слегка прихрамывая, пошел к воеводским хоромам, где в это время воеводы полдничали.

Елизар Корсаков и Гаврила Вельяминов были удивлены столь необычному событию и не заставили себя долго ждать. Услышав о поминках, они прервали трапезу и поспешили к остякам, прихватив с собою толмача Ивашку Парабельского.

Остяк, возглавлявший челобитчиков, выложил на стол связки пушных зверьков и сказал:

— Я, князь Ангач с Югана, привел с собою людей юганских, балыкских, салымских, аганских и аслыпских, чтобы известить о насильстве от князя Тынги Бардакова*, его брата Суеты и от их богатырей. После лешевания** они отбирают у нас почти всю добычу, ничего не оставляя на поминки для русского царя и для продажи. Сами богатыри рыбу не ловят, а заставляют ловить нас. Поэтому люди устали, обнищали, голодают и умирают. Жить так невозможно. Просим тебя, милостивый воевода, защитить нас и позволить платить ясак в царскую казну, как все люди обские платят. А мы будем вашему государю служить и прямить.

У воеводы Корсакова от радости перехватило дыхание. Он ликовал: «Вот само собой свершилось то, о чем думалось, но было опасение, что забунтуют остяки по всему уезду». Сделав вид, что обдумывает просьбу челобитчиков, Корсаков провел пальцами по округлым щекам, потер лоб и сказал притихшим остякам:

— Пожалуй, вашу просьбу я приму. Но как уберезетесь от князя Тынги? Не станет ли он мстить и разорять городки, а добычу все же отбирать?

— Не отберет, — ответил князь Ангач. — Лешевать мы начнем, как всегда, в феврале, а весной каждый сам повезет ясак не Тынге, а в Сургут. Князь подождет-подождет и станет юрты объезжать и спрашивать — где же соболя? А люди ответят ему — весь ясак и поминки уже отдали русскому царю. А если князь озлится и начнет людей побивать и юрты поджигать, то мы соберемся и сообща станем с ним воевать.

— Разумно, — согласился Корсаков. — Раз вы так решили, то и быть тому. А чтобы защитить вас от насильства и провежа, ежели такое случится, то шлите гонца с известием в Сургут. Но, быть может, Тынга и сам станет добывать зверя и платить ясак? Захочет ли князь затевать с нами войну?

* В хантыйском эпосе он — Тонья, а в царских указах — Кинема. Но исходя из фамилии потомков — Тынгиреевы, его имя — Тынга.

** Лесной звериный промысел.

— 3 —
— 4 —
— 5 —
— 6 —
— 7 —
— 8 —
— 9 —
— 10 —
— 11 —
— 12 —
— 13 —
— 14 —
— 15 —
— 16 —
— 17 —
— 18 —
— 19 —
— 20 —
— 21 —
— 22 —
— 23 —
— 24 —
— 25 —
— 26 —
— 27 —
— 28 —
— 29 —
— 30 —
— 31 —
— 32 —
— 33 —
— 34 —
— 35 —
— 36 —
— 37 —
— 38 —
— 39 —
— 40 —
— 41 —
— 42 —
— 43 —
— 44 —
— 45 —
— 46 —
— 47 —
— 48 —
— 49 —
— 50 —
— 51 —
— 52 —
— 53 —
— 54 —
— 55 —
— 56 —
— 57 —
— 58 —
— 59 —
— 60 —
— 61 —
— 62 —
— 63 —
— 64 —
— 65 —
— 66 —
— 67 —
— 68 —
— 69 —
— 70 —
— 71 —
— 72 —
— 73 —
— 74 —
— 75 —
— 76 —
— 77 —
— 78 —
— 79 —
— 80 —
— 81 —
— 82 —
— 83 —
— 84 —
— 85 —
— 86 —
— 87 —
— 88 —
— 89 —
— 90 —
— 91 —
— 92 —
— 93 —
— 94 —
— 95 —
— 96 —
— 97 —
— 98 —
— 99 —
— 100 —

— 101 —
— 102 —
— 103 —
— 104 —
— 105 —
— 106 —
— 107 —
— 108 —
— 109 —
— 110 —
— 111 —
— 112 —
— 113 —
— 114 —
— 115 —
— 116 —
— 117 —
— 118 —
— 119 —
— 120 —
— 121 —
— 122 —
— 123 —
— 124 —
— 125 —
— 126 —
— 127 —
— 128 —
— 129 —
— 130 —
— 131 —
— 132 —
— 133 —
— 134 —
— 135 —
— 136 —
— 137 —
— 138 —
— 139 —
— 140 —
— 141 —
— 142 —
— 143 —
— 144 —
— 145 —
— 146 —
— 147 —
— 148 —
— 149 —
— 150 —
— 151 —
— 152 —
— 153 —
— 154 —
— 155 —
— 156 —
— 157 —
— 158 —
— 159 —
— 160 —
— 161 —
— 162 —
— 163 —
— 164 —
— 165 —
— 166 —
— 167 —
— 168 —
— 169 —
— 170 —
— 171 —
— 172 —
— 173 —
— 174 —
— 175 —
— 176 —
— 177 —
— 178 —
— 179 —
— 180 —
— 181 —
— 182 —
— 183 —
— 184 —
— 185 —
— 186 —
— 187 —
— 188 —
— 189 —
— 190 —
— 191 —
— 192 —
— 193 —
— 194 —
— 195 —
— 196 —
— 197 —
— 198 —
— 199 —
— 200 —

Князь Ангач с сомнением покачал головой.

— Злобен Тынга, — сказал он, — однако увидим. Еще прошу разрешить привоз в Сургут, в одно время с ясаком, своих соболей для меня с купцами на нужные товары. Тогда по юртам и отбирать у нас будет нечего.

— Везите. Это и ранее не было запрещено, — сказал Корсаков и, подумав, добавил: — Уедете завтра утром. С ваших слов мы запишем всех ясачных людей в книгу, наделим вас по осьмине на человека хлебом и крупами из государевых житниц, а повара попотчуют вас полбой.

Оставив остяков на попечение атамана Тугарина Федорова, препроводив поминки в амбар, воеводы отправились продолжить трапезу.

— Удачлив ты, Елизар Фомич, — сказал Вельяминов. — Не успел прибыть из Тобольска в Сургут, как на тебе — остяки под государеву руку попросились. Знатный подарок! За это не грех и выпить, да чего-нибудь покрепче.

Расторопный слуга вмиг подскочил к поставцу и наполнил кубки брагою. Воеводы выпили за неожиданный успех. При этом Вельяминов крякнул от удовольствия, закусил соленым груздем и сказал:

— Я вот все думаю, что за шатость такая в Москве? И смута позади, и, наконец, у нас законный наследник престола — государь Михаил Романов, а будто не он, а бояре все еще правят.

— Нет, не бояре, — возразил Корсаков. — Царь Михаил Федорович все делает по подсказке своего отца, патриарха Филарета.

— Быть может, и так. Но почему нас все время дергают, гоняют с места на место? В марте 7122* года ты приехал из Москвы вместе с Иваном Федоровичем Зубатым. Так? Но только успел войти в дела Сургута, как тебя перевели в Тобольск, а меня оттуда на твое место. Теперь Зубатой оказался в Таре, а ты ныне снова появился в Сургуте. Ходят слухи, что по весне вас хотят поменять местами.

Вельяминов вдруг раскатисто захохотал, смахнул слезу со щеки и сказал:

— О себе толком ничего не знаю! Скажи, Елизар Фомич, как в таких условиях мы наладим ясачные дела? Остяки не сдают сполна оклад, накопились большие недоимки за прошлые годы, которые нас обязывают возместить, но, заметь, не жесточью, а лаской. Это господь Бог сжалился над нами и прислал сегодня остяков. Намаемся мы с тобой, друже, в этой Сибири и ни с чем вернемся домой.

Бросив цепкий взгляд на Вельяминова, Корсаков сказал:

— Кое-кто уезжает не с пустыми руками.

— Как это?

* 1614 год.

— А так — принимают от инородцев мягкую рухлядь* по заниженной стоимости, а разницу забирают себе деньгами или соболями.

— Вот молодцы! Я их не осуждаю и сам способен на такое, когда от Москвы нет никакого вознаграждения за наш адский труд.

— А извета** и сыска не боишься?

— Если делать все с умом, то и бояться нечего.

Отдохнув после обеда на лавках, покрытых лосиными шкурами, воеводы отправились заниматься служебными делами.

За двадцать лет со дня строительства города в приказной избе ничего не изменилось — те же слюдяные оконца и полумрак, сальные свечи на рабочих столах, на поставцах ларцы с учетными книгами, царскими грамотами и воеводскими отписками, образ Пресвятой Богородицы в углу, освещаемый лампадой, прокопченные стены и потолок.

— Подождем Афанасьева, — сказал Корсаков, усаживаясь за свой стол. — Пора бы ему с охоты вернуться.

— Вот он-то не уедет с пустыми руками, так как сам добытчик, — изрек Вельяминов. — У него уже черных лис более сорока.

— Завидуешь? Ходи с ним на охоту.

— Нет — это занятие не для меня. Теперь я об ином думаю — сколь соболей мы соберем? Смирится ли князь Тынга с отлучением от него подданных и станет ли сам платить ясак?

— Да-а... Трудные его ждут времена. Надо бы расспросить атамана Зубакина — что за фрукт этот князь? Они ведь вместе ходили в Мангазею к самоеди, на речки Пур и Таз.

— Надо дознаться, — согласился Вельяминов. — Однако вспомни, что прописывалось в указах того времени воеводам. Мол, князь Бардак еще не устоялся, и потому остеречься в посылке его людей с казаками. А ежели пошлют, то самого Бардака иметь при себе в Сургуте. Видать, его сынок не очень надежен был, и потому советовали отца держать в аманатах***.

Подьячий Афанасьев прервал их беседу, появившись на пороге воеводской комнаты. Вид у него был бодрый, над короткой, клинышком бородкой розовели щеки, не сочетаясь с чернотой ризы. Он сразу прошел на свое место, уселся на столец****, положил руки с вытянутыми пальцами на стол и спросил:

* Меха, шкурки зверей.

** Донос.

*** В заложниках.

**** Табуретка.

— Каким делом я должен заняться?

Ему рассказали о дневном происшествии и поручили сделать росписи. По окончании Вельяминов спросил:

— Как охота? Удачная?

— Две лисицы и груды зайцев. Казаки уже сколько-то отнесли в вашу поварню.

Афанасьев взял новую книгу из ларца и вышел.

Вслед за ним отправились в обход по острогу и городу воеводы.

На гостином дворе еще шла торговля. Двор заполонили купцы — бухарцы, таджики, персы и китайцы, которые размахивали перед горожанами шелковыми материями, расхваливали пестрые ковры, серебряную посуду и разные женские украшения.

Разноязычный гвалт разносился далеко за пределы рынка, да так, что звенело в ушах.

Корсаков сказал походя Вельяминову:

— Нашим русским купцам уже и места хорошего торгового не сыскать. Ютятся, как бедные родственники, с самого дальнего края.

3

До ледохода на реках оставалось еще месяца два. Ранее и не ожидали появления остяков с ясаком. Но вдруг в Сургут в середине марта въехала собачья упряжка.

— Зачем ждть открытой реки, когда зимняя дорога короче, а собаки бегут шибко хорошо? — пояснил остяк, прибывший с соболями и поминками, со связками белок и куниц, груды вяленой рыбы и оленины, а также с товаром для торговли.

С этого дня то собачьи, то олени упряжки стали появляться одна за другой, внося суету в монотонную жизнь горожан. Каждый стремился затащить гостя к себе домой, чтобы напоить бражкой и обобрать наивного продавца, заплатив ничтожную цену за настоящее сокровище. Часто это удавалось, несмотря на усилия воевод воспрепятствовать такому грабежу. Однако они и сами были не прочь погреть руки, назначая «разумную» цену за первосортные шкурки.

А весной, когда льдины уплыли в сторону океана, в Сургут устремились обласки. Подьячий Афанасьев только и успевал делать записи в ясачной книге.

В это же время из Тобольска приплыл посыльный от главного воеводы с царским наказом — Корсакову отбыть в Тару для воеводства, а Зубатому вернуться в Сургут.

— Что я тебе говорил, Елизар Фомич? Я как в воду смотрел и видел, что не оставят нас в покое, — сказал Вельяминов. — Теперь снимать вершки будет Иван Федорович, а не ты.

— Еще неизвестно, чем эти вершки обернутся для вас. Моли Бога, чтобы Тынга не озлился. А то хлопот не оберетесь, — сказал сердито Корсаков.

В июне, сдав дела друг другу, Зубатой и Корсаков поменялись местами.

Воевода Иван Федорович Зубатой был человеком подвижным и неунывающим. Он вообще не любил на кого-то или на что-то жаловаться, а все происходящее с ним воспринимал как неизбежную превратность судьбы и всегда говорил: «Значит, так было угодно Богу». Поэтому, прибыв в Сургут, он чувствовал себя как дома. Сразу, покрикивая на холопов за неловкость и нерасторопность, он стал расставлять в своей комнате сундуки с пожитками, прикидывая, удобно ли они расположены, и переставлял их с места на место до тех пор, пока не добился желаемого.

Покончив с расстановкой сундуков, Иван Федорович отправился осматривать крепость в сопровождении Вельяминова, атамана Богдана Зубакина и подьячего Афанасьева. Порядком и чистотой он остался доволен, похвалил пушкарей за содержание пушек, но, спустившись с проходной башни, задрав голову, недовольно поморщился, указав на ворон, усеявших крепостную стену.

— Умные птицы, но я их не люблю, так как лопают падаль, — сказал он.

Зубатой оглянулся по сторонам и спросил:

— А почему все служилые в карауле стоят только с пищалями и без луков? Это не годится. Там, где свинцом не достать цель, туда стрела долетит.

Подозвав караульного казака, воевода повелел:

— Сбегай, братец, в оружейную комнату и принеси два саадака.

Когда казак принес луки со стрелами, Зубатой, глядя на Афанасьева, повел крутыми плечами для разминки и сказал:

— Наслышан я, Иванко, что нет тебе равных в стрельбе. Это мы сейчас проверим. Твоя ворона та, что слева, а моя — справа. Стрелять будем разом по команде.

Афанасьев взял лук и не одну, а две стрелы.

— Не понял, — удивился Зубатой. — Боишься промахнуться с первого выстрела?

— Поглядим — увидим, — коротко ответил Афанасьев, натянув тетиву и держа одновременно левой рукою лук и вторую стрелу.

— Раз, два... три! — прозвучала команда Вельяминова — и две птицы тут же были пронзены. Остальные на какой-то миг взмыли вверх, но и

этого времени хватило, чтобы Афанасьев пустил запасную стрелу. Одна из ворон кувыркнулась в воздухе и камнем упала на землю.

— Батеньки! — всплеснул руками Зубатой. — Чудо какое! Вы посмотрите, братцы, кто у нас ходит под черными ризами? Тебе бы, Иванко, не книжником быть, а наставником ратных людей. Награжу я тебя, награжу прибавкой жалованья, и будешь у меня учить стрельбе служилых казаков да стрельцов.

— Ты тоже хороший стрелок, Иван Федорович, — похвалил Афанасьев.

— Хорош елот, да не тот! Ладно, пойдем читать отписки и указы, книги смотреть да о делах говорить.

Зазвав в приказную избу атаманов и пятидесятников, Зубатой пожурил их за то, что пренебрегают луками. Он велел всех вооружить надлежащим образом, организовав состязание в стрельбе. Затем повел разговор по оценке последних событий, связанных с остяками княжества Тынги.

— Почти все люди Тынги ясак привезли, а сам он не явился в Сургут, — сказал воевода. — Думается, что он затаил зло и скоро его проявит. На острог, конечно, не нападет, но на реке и в лесу может затаиться в засаде. Поэтому всем следует быть настороже, чтобы не попасть под поруху.

Иван Федорович оказался прав. 17 августа в Сургут примчался на обласке остяк и сообщил: «Князь Тынга с тридцатью своими богатырями ходил на балыкских, юганских и обских людей и хотел их воевать». В пути он напал на дощаник ясачников и убил казака Ивана Кайдалова. Его тело казаки везут в Сургут.

4

Огонь костра стрелял искрами, как луки русских. Золотые языки лизали черные щеки большого котла, в котором булькало варево из лосиной головы. На упавшем стволе сосны, обросшем мхом, лежали нарезанные внутренности лося — печень, легкие, почки, сердце и сырое мясо. Люди подходили, выбирали кусок по вкусу и возвращались к костру. Они макали кушанье в миску со свежей кровью и смачно жевали.

Князь Тынга стоял в стороне, наблюдая, с какой жадностью едят его собратья, и думал: «Пусть набираются сил мои богатыри. Война с русскими будет долгой и трудной». Он стал пересчитывать людей, загибая пальцы, и насчитал тридцать человек, оставшихся ему верными. Это были друзья детства и родственники. Теперь его, Тынгу, они называют Большим Сыном. А там, у костра, сидит его сын Сана и младший брат Суета, которых он любит. Вместе с братом они росли, вместе учились стрелять из лука и бросать копья, ходили в ближний урман охотиться на пернатых птиц и зайцев, забре-

Вот и настало время, когда мы должны будем...

— Ты молодец, — сказал он, — ты молодец...

- 0117110 -

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

дали на мелководные, поросшие водорослями озерки и добывали уток. Вот и сейчас он слышит, как звенит небо от утиных стай, напоминая о наступлении осени. И не только это напоминает о ней, а еще и ломота в спине... Быстро пролетели годы молодости, и вот теперь приближается старость.

Тынга провел ладонями по щекам. Они были же сткими, как звериная шкура. «У всех одно небо, одна земля, одна жизнь, — подумал он. — Можно ли отобрать это у бывших своих подданных, изменивших ему и избравших власть русского царя? Нет — сделать это невозможно... Но зачем меня так наказали боги?! Почему отняли все, чем владели еще мои деды?» Озлобившись, он вдруг вытащил из своей поклажи деревянного божка, плюнул в его лицо, разукрашенное кровью, бросил на землю и стал рубить топором. «Это тебе за то, что ты не защитил меня», — сказал Тынга, собрал щепки и бросил их в костер.

Увидев расправу над божком, к нему подошел Суета, обнял за плечи и сказал:

— Я знаю, брат, почему духи рассердились на нас. Мы давно не делали моления у лиственницы, не задабривали духов человеческой жертвой.

Тынга мотнул головой, от чего длинные черные косички, спадающие ниже плеч, зашевелились, поблескивая, как множество беспокойных змеек.

— Где же мы найдем такую жертву? — спросил он. — По обычаю она должна быть из княжеского рода враждебного нам племени. Но таких поблизости нет.

— А разве князь Ангач не стал врагом, отвратив всех людей княжества от твоей власти? Разве он не остерегся от мести и не собрал войско, забросав нас стрелами, когда мы шли по Югану? У него есть красавица дочь, которую мы можем украсть.

Как у хитрой злой росомахи, блеснули глаза Тынги.

— Ты молод, но мудр, брат, — сказал он, злобно ослабившись желтыми зубами. — Мы украдем у Ангача красавицу дочь и... — внезапно он умолк, всматриваясь в светлую полосу убывающего дня над вершинами сосен. Там струился едва заметный дымок.

Елань, где расположились богатыри для отдыха после объезда полупустых юрт соплеменников, была в версте от устья Тром-егана, то есть от зимнего городка, построенного еще отцом Тынги, князем Бардаком. Теперь даже ночевать там было опасно. Казаки не раз бывали в нем и, конечно, в поиске непокорного князя заглянут туда в первую очередь. Судя по дымку, так и случилось.

Тынга долго не раздумывал. Он приказал воинам прервать ужин и взяться за оружие. Звериной тропой он повел их к городку.

Дощаник десятника Третьяка Огородника, оставив позади могучую Обь, вошел в устье Тром-егана и поплыл вверх по реке в поиске князя Тынги, чтобы зазвать его в Сургут для переговоров с воеводами. До остяцкого городка было рукой подать, но плыли медленно, осторожно, зорко вглядываясь в близкие заросли берегов. Возле каждого казака лежали по две заряженных пищали и тлели заранее подоженные фитили. А лесные кущи молчали, не проявляя никаких признаков жизни. Стояла такая тишина, что стыло сердце. Поэтому гребцы мгновенно бросили весла и схватились за оружие, когда внезапно услышали громкий хруст сучьев. Однако нарушителем тишины оказался всего-навсего лось, высунувший из-за кустов голову с увесистыми рогами.

— Фу, сатана! — выругался один из казаков. — Чуть было не пальнул с испугу.

— Тише, братцы, нам нельзя себя обнаруживать, — вполголоса сказал десятник. — А вон недалече и городок. Выйдем здесь на сушу и пойдем пеше.

Неслышно подобрались казаки к поселку княжеских богатырей, но он оказался пуст — ни души. Безмолвны были дома-полуземлянки и ветхие чумы, покрытые плешивыми лосиными шкурами. Только бежала среди них хромая собака, которая не лаяла, а приветливо помахивала хвостом-колечком. Наверное, она была голодна и радовалась появлению людей.

Казаки стали осматривать содержимое помещений, но ничего стоящего внимания не нашли. В домах и чумах было грязно и воняло каким-то гнильем, а в священных углах, словно стражи, стояли домашние духи в собольих шапках, будто ожидающие лучших времен.

Трижды свистнув, Третьяк созвал казаков и сказал:

— Более тут делать нечего. Утром поплывем в Сургут. А сейчас устраиваем на ночь стан на свежем воздухе, так как в этих басурманских домах можно задохнуться. Разжигайте, ребятки, костер у леса под защитой от ветра. Повечеряем и ляжем спать.

— А караулить будем? — спросил молоденький, первого года службы, казак Иванко.

— Само собою, как всегда. Однако в этом безлюдье можно стоять в карауле и по одному. Но меняться будем через каждые два часа.

— А с ладьей как быть? — опять спросил Иванко.

— Пусть там и стоит, где оставили, — ответил Третьяк. — Только принесите, братцы, поклажу.

Костер разожгли большой, чтобы всем было тепло. Первый назначенный десятником караульщик Петруха отошел саженой на двадцать к реке и сел под сосною, прислонившись к ней спиной.

Прошло не менее часа, пока шли приготовления к ночлегу и варилась в котле полба. Во время еды Иванко сказал, что озяб и пошел забрать кожух с дощаника.

Над речкою стелился туман, заволакивая дымкою прибрежные поросли рябины и кустарника, позолоченные осенью. Облачившись в теплую одежду, Иванко постоял и послушал, как шуршит песок от набегающей волны, понаблюдал за низко пролетающими стайками уток в густеющих сумерках, помечтал, как, вернувшись в Сургут, пойдет охотиться на болота, и затем не спеша побрел вдоль берега к лагерю. Приблизившись к сосне, он увидел, что караульщик сидит, низко склонив голову на грудь. «Намаялся Петруха и уснул», — подумал Иванко и толкнул его в плечо. От толчка тело караульщика сползло набок, голова откинулась, и из перерезанного горла брызнула кровь. В ужасе Иванко отскочил в сторону, присел на корточки и осмотрелся. В промежутке между ним и костром мелькали тени людей, скрывающихся за стволами деревьев.

Иванко хотел закричать, предупредить товарищей, но не успел. Десятки лучных стрел обрушились на казаков, пронзая их тела. Вскрики и стоны разорвали тишину. Кто-то сразу упал замертво, кто-то пытался встать, схватившись за оружие. Но нападающие без промедления бросились к своим жертвам и стали копьями и саблями добивать раненых. Все было кончено за считанные секунды.

Ошеломленный Иванко отполз саженой на пятьдесят от места побоища, вскочил на ноги и бросился к дощанику. Стараясь не шуметь, он столкнул лодку на воду, дав ей самопроизвольно плыть по течению, и только в устье взялся за весла. Обь приняла его и понесла в сторону Сургута. Густые сумерки и туман скрыли дощаник от посторонних глаз.

6

Прежде всего остяков интересовала добыча. Они вытряхивали на землю содержимое кулей и котомок, стаскивали с убитых сапоги, снимали одежду и занимались дележом. Все были так охвачены алчностью, что в течение часа или двух никто не подумал — а на чем же прибыли сюда казаки?

Первым спохватился князь Тынга. Он пересчитал трупы, подозвал Суету и сказал:

— Убитых девять человек, среди них десятник — значит, не хватает одного. Нужно немедля искать его и лодку.

— Поздно искать. Ночью да в тумане не найдем беглеца. Только время потеряем, — возразил Суета. — Давай лучше подумаем — где укроемся от мести казаков, которые уже завтра могут броситься в погоню. Быть может, уйдем в Люкси-пууль и там перезимуем?

— Нет, там мы окажемся в ловушке. В первую очередь воеводы начнут искать нас по Югану и Балыку. Поэтому мы явимся туда украдом только для того, чтобы выкрасть дочь князя Ангача, и сразу побежим в сторону Нарыма, на реку Вах. Тогда никто не узнает, где мы укрывались.

— А что потом будем делать?

— Там и зазимуем. Постараемся сыскаться с Анной, вдовой князя Игичея Алачева. Я слыхал, что ее выпустили из тюрьмы. Однако она ненавидит русских и может смутить в нашу пользу кодских людей и иртышских татар, а мы попробуем смутить кетских ордынцев, что отвлечет от нас внимание воевод. Ты прав, что терять времени нельзя. А если казаки нагонят нас на Югане, то уйдем от них по протокам и болотам, где их стругам не пройти. А теперь немедля уходим.

— А не найдут ли воеводы нас и на Вахе?

— Не думаю. После казни обдорских и березовских людей, осаждавших Березов, Анну и брата Игичея Онжу за участие в бунте и смуте лишили права владения волостью на Вахе. С той поры там нет сильной власти, а казаки приходят только весной за ясаком. Лучшего укрытия нам не найти.

Упрятав большие ладьи и действуя по избранному плану, Тынга со своею братией повел быстрые остроносые лодочки по течению к Юганской Оби. Делая короткие привалы, богатыри вскоре достигли намеченного места. Высадившись на берегу заводи, в зарослях камыша, они пробрались к юртам князя Ангача.

На краю княжеского селения стоял новый чум, покрытый лосиными шкурами. Тынга и Суета вместе с двумя людьми подкрались к нему и заглянули в просвет полога. Внутри была женщина с ребенком лет четырех-пяти.

— Это младшая жена князя и его сын, — шепнул Суета.

— Не будем тратить время и рисковать в поисках красавицы дочери, — сказал Тынга. — Вместо нее заберем этих.

Они ворвались в чум, схватили мать и мальчика, набили их рты мхом, который заранее прихватили с собой и, взвалив пленников на плечи, благополучно вернулись к лодкам.

Путь до Ваха был долгим — две недели. Когда до устья оставалось плыть не более дня, свернули в узкую протоку между холмов, поросших застарелыми лесами.

Тынга, прихватив с собою шамана Ослопейку, вышел с ним на берег. Они забрались на холм и долго ходили по нему, осматривая деревья. Спустившись вниз, князь сказал брату:

— Мы нашли место для камлания, сделаем его священным. Этим сейчас занимается шаман.

Остяки разбили лагерь у подножия холма и стали отдыхать в ожидании указаний князя.

Вскоре шаман закончил приготовления, и остяки отправились к святому месту. Туда же повели и женщину с ребенком.

Все собрались у старой лиственницы, обвешанной стараниями шамана разноцветными ленточками, шкурками белок, лосиными рогами, копытами и нитями с ракушками и камешками.

Князь Тынга произнес речь:

— Мои храбрые воины, мои богатыри! Мы объявили войну русскому царю и его воеводам. Нам нужна свобода, чтобы быть себе царством. Русские грабят нас, заставляя отдавать соболей. Они разъединили нас с нашими подвластными людьми. Можем ли мы терпеть это? Нет — не можем! Мы должны бороться за правду! Русские сидят за стенами острогов с огненными посохами, и нам не взять их крепостей. Но есть другой путь — уничтожить казаков украдом и по частям в урманах и на реках, как мы сделали недавно. Пусть духи услышат нас и помогут, а мы, продолжив войну, одарим их знатной жертвой, как это делали наши отцы и деды.

— Жертву духам! Жертву! — неистово завопила толпа богатырей.

Шаман Ослопейка очертил возле лиственницы круг и заплясал в нем, ударяя в бубен колотушкой. Он строил страшные гримасы и кричал, что видит, как злые духи, живущие в лиственнице, благосклонно готовы принять жертву, обещая удачу в войне и победу над врагом.

Двое богатырей Тынги вырвали из рук матери ребенка, обмотали его жгутами и положили под дерево, а шаман прикрыл ему глазницы медными кружочками. Став на колени лицом к лиственнице, он погрузился в моление.

Бедная мать, рыдая, бросилась в ноги князя, целуя сапоги и умоляя пощадить невинного ребенка. Но Тынга отшвырнул ее носком сапога.

Тогда из толпы вышел палач, остяк Капалчейка. Он склонился над жертвой и пронзил хрупкое тело мальчика обоюдоострым клинком.

Весь Сургут погрузился в траур. Весть, которую привез Иванко, ошеломила горожан. Его подробный рассказ о гибели товарищей, о том, как

добивали раненых, вызвал в сердцах казаков жгучую жажду мести. Все поголовно желали участвовать в карательном походе, осаждая приказную избу.

Воевода Иван Федорович Зубатой понимал, что выступать нужно немедленно, по горячему следу. Он лично занялся формированием отряда, назначив во главе его атамана Богдана Сидоровича Зубакина, когда-то хорошо изучившего в совместном походе на север характер и привычки князя Тынги. Быть может, это поможет в его поиске? Кроме того, следовало поспешить с вывозкой погибших с Тром-егана, пока птицы смерти не расклевали их обнаженные тела.

Для посылки были отобраны пятьдесят лучших казаков и пятеро остяков княжества, знающих окрестные места, все городки и людей, проживающих в них. Выделил воевода и пушку, что являлось редким исключением из правил. Пять стругов оснастили всем необходимым снаряжением для длительного пребывания в пути и выдали двухмесячный запас продуктов. Именно столько времени предположительно оставалось до наступления зимних холодов и ледостава. За такой короткий срок, да в осеннюю непогоду, да еще на необъятных водных просторах, следовало найти маленькую кучку бунтовщиков, затаившихся в каком-нибудь потайном месте. В успех поискового похода верилось с трудом. Но горячие головы надеялись на удачу.

— Где собираешься искать разбойника? — спросил воевода Зубакина.

— Толком еще не знаю, — сказал атаман, пожав плечами. — После того как отправлю с Тром-егана убиенных, сразу пойду на Юганскую Обь, в родовые места Тынги. Может, кто-то подскажет, где он прячется. Хотя мне не верится, что он укроется на своих реках, однако Большой Юган, Малый Юган и Балык проверить следует. Зимовать-то ему где-то нужно, и крышу иметь над головой, и еду. Все это не так просто найти, опасаясь доноса.

— Разумно, разумно... — согласился воевода. — Но я думаю, что побежит он далеко, где ныне его не достать. И все же не пройти по его владениям — будет ошибкой. Пусть узнает, что там идет сыск.

Утром задул прохладный северо-западный ветер, который разогнал тучи и развеял туман. Пользуясь попутным дуновением, гребцы подняли паруса для облегчения хода против течения и уже к полудню следующего дня достигли устья Тром-егана.

На место побоища жутко было смотреть. Голые окровавленные тела лежали в уродливых позах. При появлении казаков вверх взмыла стая ворон, которые уселись на ближайшие вершины деревьев, видимо, надеясь продолжить поживу.

Из тел убитых извлекли куски надломанных стрел, завернули каждого казака в кусок парусины и отнесли в струг. Возле входа в Юганскую Обь простились с погибшими, сделав залп из пищалей. Теперь предстояло сосредоточить все мысли и усилия только на поиске злохитростных убийц.

В пути атаман Зубакин никак не мог решить — плыть или не плыть на Балык? Ведь на это уйдет не менее двух недель. Его сомнения развеял случай. У слияния с Обью, ниже устья реки Лямин, повстречался остяк, который сообщил, что он сам виделся и говорил с князем Ангачем, преследующим Тынгу. С его слов, у него была похищена жена, малолетний сын и дощаник. Где теперь князь — ему неизвестно. Может, он поплыл по Оби. Но вероятнее всего — рыщет по Большому Югану, так как Тынга родом из тех мест.

Получив такое известие, Зубакин развернул струги в обратном направлении. Походив вначале по Большому Югану, а затем — по Малому, он убедился, что Тынга здесь не появлялся.

Время ледостава неумолимо приближалось. Дни стали коротки, а ночи казались нескончаемы. И хотя в дневную пору чаще светило солнце, оно уже не было щедрым. Холодные ветра, пронизывающие насквозь кушаки, леденили не только тела, но и души. Многие заболели от простуды, а один даже умер. Следовало возвращаться домой.

Когда вышли на Обь и направились в Сургут, один из остяков, глядя в обратную сторону, вдруг сказал Зубакину:

— Однако посмотри, атаман, — видишь юрту на берегу?

— Что-то не примечаю.

— Далеко она. А ты по дымку приметь. Видишь?

— Теперь вижу. Ну и что?

— Однако я знаю, кто в ней живет.

— И кто же?

— Женка князя Тынги с детьми.

Зубакина словно хлестанули плетью. Он подскочил к остяку, схватил за плечи, яростно затряс и закричал:

— За борт тебя выброшу! Мы дважды мимо проходили! Почему не сказал?!

— А ты, однако, не спрашивал. Я вот теперь сам подумал, что надо бы сказать, — и сказал.

Немедля развернул атаман струги и направил их к юрте.

Остяк, поглядывая с опаской на грозного начальника, спросил:

— Не будешь трясти, если еще что-то скажу?

— Что еще?!

— А за той юртой есть и другие. В них семьи богатырей живут.

Зубакин раскатисто захохотал.

— Ну, старый пес, погоди! Сначала я тебя выпорю, а потом уже награжу.

Ликовал атаман, взбодрились изнуренные казаки, исчезло уныние. Теперь никто не посмеет их упрекать. Князь Тынга, словно ветер в поле — сегодня здесь, а завтра в другом месте. Попробуй его поймать! А вот родня князя и семьи братьев богатырей уже стали аманатами. Сидят в головном струге малолетние дети Тынги, Елта и Ларых, с любопытством теребят бороды казаков и не понимают, почему плачет мать.

Большая толпа собралась на берегу речки Сургутки. Казаков из дальней посылки встречали и музыкой, и слезами радости. Рыдала только безутешная вдова умершего в пути от простуды казака.

— Князь Тынга со своими людьми исчез безвестно, — доложил Зубакин воеводам, — но, с Божьей помощью, повезло забрать его малолетних детей и жену да семьи родственников.

— Иного я и не ожидал. Но где-то он все равно проявит себя, — уверенно сказал Иван Федорович Зубатой.

8

На реке Вах князь Тынга чувствовал себя, как в своей вотчине. Столь большого искусного войска здесь давно никто не видел. Войдя в главный городок местного князька, состоящий из пятнадцати домов, он собрал всех жителей на городской площади и смело заявил мужчинам:

— Если кто-то осмелится донести в Сургут о нашем пребывании у вас в гостях, то ваши семьи будут преданы смерти.

Конечно, после такого предупреждения никто не мог подвергнуть себя и сородичей обещанному наказанию, а напротив, каждый стремился угодить воинственному князю, построив для пришельцев зимние чумы и снабдив их запасами вяленой рыбы и мяса.

Уверившись, что убежище для зимовки выбрано им удачно, князь Тынга решил обезопасить себя на будущее, когда он весною выйдет на Обь. Для этого он выбрал из своих людей самого изворотливого и хитрого человека и послал его с изменными стрелами* к самоедам в Кетскую волость, к тунгусам, и к кузнецким татарам Томского уезда, дав напутствие:

— Сначала ты разузнай, кто более всего ненавидит русских, тому и вручай стрелу. Чтобы не попасть под подозрение казаков, пойдешь с местными людьми, будто ты один из них. А явились, мол, с поминками для

* Призыв к совместному бунту или к войне.

воевод и жалобой на сургутских казаков, которые приходят украдом и жесточью отбирают соболей. Вернуться ты должен до зимы, чтобы донести до меня всякие известия.

Другого человека князь послал в Коду разыскать Анну Алачеву, рассказать ей обо всем и попросить заняться смутой на нижней Оби.

Таким образом он хотел отвлечь на время от себя внимание воевод, чтобы воспользоваться осуществлением кровавых замыслов в следующее лето и успеть снова безвестно раствориться на сибирских просторах.

Покончив с неотложными делами, зная, что долгая зима может быть голодной, несмотря на запасы местных жителей, Тынга со всеми своими людьми занялся охотой на крупного зверя, а жителей городка заставил собирать ягоды и ловить для засолки осетров и муксунов. Благо что он поступил разумно, прихватив в свое время с Тром-егана несколько бочонков с солью.

Выходить на большую воду, на Обь, он всем запретил, опасаясь случайных встреч с русскими, которые могут выследить и обнаружить его становище, лишив крова и сытной зимовки.

Только-только обжились пришельцы, как ударили крепкие морозы и замерли реки, а жадный рот вьюги поглотил поселок, засыпав его снегом. Не успели посланцы Танги вернуться по воде из дальней посылки.

Но однажды ледяная дорога донесла до городка дробный звон копыт — и олени с ветвистыми рогами, подгоняемые седоком с длинным хореем, примчали упряжку. Из нарт навстречу вышедшему из чума князю выпрыгнул его посланец и сказал:

— Долго-долго ехали, шибко замерзли, мне и тунгусу, что меня привез, надо отогреться.

Тынга впустил их в свое жилище. Там в углублении, обложенном камнями, над раскаленными углями висел котел с травяным взваром.

Посланец и тунгус зачерпнули горячий напиток и приникли ртами к кедровым черпакам. Выждав минуту, Тынга нетерпеливо сказал:

— Теперь сказывай!

Остяк провел рукавом по губам и стал последовательно излагать о выполнении поручения:

— Вначале я поехал к кузнецким татарам, так как к ним самая дальняя дорога. Татары сказали, что и без нашей смуты они решили бунтовать летом. От них я отправился на Кеть и там узнал, что самоеды забунтовали, убили десять казаков и убежали вверх по реке. Какого-то человека их племени, крещенного русскими, посылали к ним на уговоры вернуться и покаяться. Они послушались и вернулись к семьям, пообещав воеводе

исправно платить ясак. Тот их помиловал, не стал казнить, а наказал только плетями. Поэтому в бунте они мне отказали. Тогда я поплыл на реку Чулым, где удалось смутить ясатчиков. Изменную стрелу они взяли. От них я вернулся на Кеть, где река уже стала замерзать. Тогда я дождался крепкого льда и на собачьей упряжке доехал до самого верха, до тунгусов. Они не любят русских, пообещали снова смутить кетских людей и вместе с ними напасть на острог. Для обратной дороги тунгусы дали оленей. И вот я здесь.

— Ты молодец, — похвалил Тынга. — Теперь можешь поселиться в своем чуме, который подготовлен. А когда тунгус собирается уехать?

— Позволь остаться ему со мной. Опасно одному пускаться в такой дальний путь в великую стужу. Тунгус сказал, что ты можешь забрать оленей и даже съесть их, если будет голод.

— В этом не будет надобности. У нас до весны хватит еды. К тому же ты сам знаешь, что мы не едим оленей. Они для нас священны, и наша тамга — олень.

Долгими зимними вечерами Тынга размышлял, строя планы на весну и лето.

«Рыба и зверь идут в ловушку, — думал он. — Почему бы не заманивать в засаду проплывающие по Оби лодки? Узкое русло Ваха у городка и его заросшие берега удобны для нападения. Из-за кустов можно с успехом расстреливать заезжих сюда купцов и даже казаков, избегая схватки и сохраняя жизни своих людей. Много разных товаров возят купцы. Завладеть ими — большая удача. Кроме того, они берут с собой для еды немалые запасы хлеба, круп и соли. Все это очень пригодится, когда пустимся в плавание по большой воде. Ведь еще неизвестно, где будет найдено убежище на следующую зиму».

Так мыслил Тынга, уверяя себя, что у него хватит ума и хитрости, чтобы избежать погони и уйти безвестно в иные места.

Весна пришла, как обычно, в мае. На реке ломался ревущий лед, вздымались воды и затапливали пологие части берегов, чайки кружили над сором, оглашая окрестности надрывными криками, высоко в небе парили коршуны, высматривая добычу. Наступила пора для разбоя.

Трех остяков отправил на Обь Тынга, чтобы заманивать купцов.

В июне из Верхотуринска прибыли в Сургут купцы на шести каюках. Завершив торговлю на гостином дворе, они стали собираться в путь на Нарым и Томск. Воевода Зубатой Иван Федорович решил воспользовать-

ся таким случаем и присоединить к каравану дощаник с восьмью сборщиками ясака и двумя холопами.

Казакам, помимо сбора ясака на реках Аган и Вах, он поручил доставить воеводе Кетского острога отписку, в которой извещал о разбое князя Тынги в уезде и предостерегал о возможном его появлении на верхней Оби. А своих холопов воевода наделил деньгами и наказал им купить по сносной цене бобров, куниц на шубу, а также взять поминками на Вахе голубых белок, которые только там и водятся.

Громоздкие каюки были неходкими и неповоротливыми. Шестеро гребцов на каждом из них прилагали невероятные усилия, чтобы, преодолевая встречное течение, пройти за день хотя бы десяток верст. Если до устья Тром-егана шли трое суток, то до Ваха смогли доплыть только за двадцать дней. Измотанные люди были рады, когда им повстречались остяки на обласках, которые сказали, что зимою много добыто соболей, бобров и белок, что они ждут торговых людей и приготовили поминки для гостей, что у них есть свежая рыба, мясо диких птиц и зверей.

Такое известие повлияло на решение купцов — не идти далее разрозненно, чтобы не мешать друг другу в торговле, а всем караваном войти в реку. Так и поступили, вытянувшись в цепочку, замыкаемую дощаником казаков.

Местные остяки встречали заезжих гостей на невысоком яру, приветливо размахивали связками пушных зверьков.

— Они хотят, чтобы мы вынесли товар на берег! — крикнул один из купцов.

— Я бы остерегся! — откликнулся другой. — Что-то не нравится мне их такое дружелюбие! Пусть по одному приходят на каюки!

Однако ретивый купец не внял совету и приказал своим работникам выносить кули, ящики и бочонки из трюма. Глядя на его решительные действия, многие люди стали выпрыгивать на берег, чтобы осмотреться. Их примеру последовали и холопы воеводы, и двое ясатчиков-казаков, которым, так или иначе, нужно было заняться своим делом. Остальные люди нерешительно топтались на палубах.

Князь Тынга, наблюдая из кустов за происходящим, досадливо кривил рот, крепко сжимая рукоять тяжелого палаша. Он боялся, что праздничношатающиеся люди могут обнаружить засаду и тогда нападение потеряет остроту внезапности. Поэтому он дал знак к атаке.

Поток стрел обрушился на палубных гребцов и тех людей, которые сошли на берег. Но на всех стрел не хватило. Многие успели укрыться за бортами судов. Тогда Тынга и его богатыри, словно разъяренные звери, бросились вдогонку за невооруженными убегающими людьми, пронзая

...и встал, и вышел из пещеры. Он пошел к реке, и там увидел, что вода в реке мутная и горькая. Он пошел к дереву, и там увидел, что листья дерева горькие и мутные. Он пошел к горе, и там увидел, что горы горькие и мутные. Он пошел к долине, и там увидел, что долины горькие и мутные. Он пошел к долине, и там увидел, что долины горькие и мутные.

...и встал, и вышел из пещеры. Он пошел к реке, и там увидел, что вода в реке мутная и горькая. Он пошел к дереву, и там увидел, что листья дерева горькие и мутные. Он пошел к горе, и там увидел, что горы горькие и мутные. Он пошел к долине, и там увидел, что долины горькие и мутные. Он пошел к долине, и там увидел, что долины горькие и мутные.

их копьями и клинками. Запрыгнув на судно, с которого выносились товары, князь обрушил палаш на головы незадачливого купца и его слуг, но в следующее мгновение замер на месте, так как раздался залп пищалей из дощаника казаков и загремели выстрелы с каюков.

Тынга увидел, как несколько его воинов замятво упали на землю, и немедля дал сигнал к отступлению. Он не стал испытывать судьбу, опасаясь новых потерь.

На берегу снова появились местные остяки, но теперь с поднятыми руками. Они кричали:

— Не стреляйте! Тынги нет! Он ушел в урман! Идите сюда!

Десятник казаков послал к ним толмача. Вернувшись, тот сказал:

— Князь Тынга пригрозил местным людям предать смерти их семьи, если они откажутся заманивать нас. Но теперь мы можем без боязни подобрать убитых и раненых.

Под прикрытием людей, вооруженных пищалами, другие стали переносить погибших на каюки. Всего убитыми насчитали семнадцать человек. Из них два казака и два холопа воеводы, а остальные — купец со слугой и гребцы. Из пятидесяти девяти человек остались в живых сорок два, а пятеро были ранены. Со стороны врага убитых лежало шестеро.

Выбравшись на Обь, караван взял курс на Сургут.

10

Теперь дальнейшее пребывание на Вахе было более чем опасно. В любое время могли нагрянуть казаки, и поэтому Тынга не стал терять даром время. За два дня он подготовился к долгим скитаниям, похоронив убитых и загрузив все лодки запасами еды. Он решил плыть на Чулым, откуда, в случае необходимости, можно перебраться к тунгусам.

Дорога была дальняя, почти шестьсот верст. Нарымский и Кетский остроги беглецы миновали благополучно, благодаря пятиверстной ширине Оби в тех местах. Чтобы избежать встреч с судами, впереди, на значительном расстоянии, плыли разведчики, что позволяло Тынге своевременно затаиться в прибрежных тальниках.

В реку Чулым войско бунтовщиков свернуло незаметно и поплыло к ее верховьям до юрт князя Урунка*.

Тынга знал, что сын нарымского князя Вони убежал сюда после гибели непокорного отца при разгроме русскими его войска.

* Два года был аманатом в Тобольске. Отпущен воеводами Сургута в обмен на ясак до военных действий в Нарыме.

Урунк сочувственно выслушал беглеца, говорившего с ним на одном языке, отличающемся от остяцкого. Он помог ему построить жилье до наступления зимних холодов, но сказал:

— Бесплезно воевать против московского царя. На его стороне — сила. Будет лучше, если ты покаешься, как сделал я, и вернешься в свои юрты. Худо жить вдали от родных мест. Не бегать же тебе, пока не перебьют всех твоих людей?

Часто в зимнюю пору обдумывал Тынга эти слова. Он снова и снова мысленно возвращался в места, где родился и вырос, в Люкси-пууль, что означало — Городок искусных воинов. С этими воинами-богатырями его отец, князь Бардак, покорил всех приобских остяков, затратив на это многие годы и создав великое княжество, простирающееся от Балыка до Агана. И вдруг все рухнуло в один миг. Как же поступить теперь, когда руки в крови? Простят ли русские его злодеяния, если он появится в своем улусе и покорится?

Чтобы принять окончательное решение, он позвал брата Суету, сына Сану и спросил их:

— Не вернуться ли нам летом на Юган с повинной? Русский царь такие головы не сечет.

— Это мне известно, — сказал Суета. — Ты сам знаешь, что кетских бунтовщиков, которые убили десятерых казаков и явились просить помилования, наказали только плетьюми и отпустили. Русским нужны живые, а не мертвые ясачники.

— Тогда по первой воде отправимся к своим юртам, — уверенно сказал Тынга.

Суета напомнил:

— А ты не забыл, брат, о мести князя Ангача?

— Помню, а чтобы с ним помириться, отдадим ему для жертвы одного из наших родственников.

Воины Тынги очень обрадовались решению князя. После скитаний, долгих и изнурительных, каждому хотелось вернуться под родной кров к женам и детям.

Быть может, и наладилась бы жизнь воинов-богатырей, если бы по пути к дому они не ограбили дощаник, везущий в Томск четыреста рублей жалованья, убив шестерых казаков.

Сообщение томского воеводы Бабарыкина об ограблении и убийстве прошлым летом на Оби, между устьями Ваха и Тыма, поставило последнюю точку в терпении воеводы Зубатого.

Недавно в Сургут прибыл посланец от князя Ангача и донес, что осенью в Тынгины юрты на Большом Югане вернулись воры, которые два года назад украли у князя жену и сына и увезли безвестно. Богатыри там зимовали и теперь живут, внося смуту среди юганских, балыкских и салымских людей, угрожая и уговаривая не платить русским ясак.

Зубатой вспомнил, что именно прошлым летом из Тобольска мимо Сургута проплыли томские казаки с одиннадцатью кулями, набитыми копейками. По времени все совпадало. Грабителем и убийцей был не кто иной, как князь Тынга.

Воевода и его помощник созвали на совет атаманов подьячего Афанасьева и толмача Парабельского.

Иван Федорович перечислил все зверства Тынги и сказал:

— Пора положить этому конец! Теперь мы знаем, где искать вора, и имеем поддержку князя Ангача с остяками. Следует немедленно выступить в те места отряду с лучшими людьми из острожных казаков атамана Тугарина и из городского гарнизона атамана Зубакина.

Воевода помолчал с минуту, обвел всех загадочным взглядом и изрек:

— А назначаю я головою отряда подьячего Ивана Афанасьева.

Все присутствующие изумленно открыли рты.

— Да-да — вы не ослышались. Сядь, Иван, — сказал Зубатой Афанасьеву, который соскочил со стола. — Я объясню свой выбор. Во-первых, мой помощник Гаврила Григорьевич нужен мне здесь для сношения с Тобольском по важным делам, во-вторых, Тугарину лазать по урманам и болотам с хромой ногой как-то неуместно, он и так достаточно находился и навоевался. В-третьих, Богдан Сидорович уже ходил ловить Тынгу — с него достаточно, пусть оберегает нас в остроге, а Треньку Деева нельзя отлучать от литвы и поляков, так как заменить некем. Мне же самому, вы знаете, как первому воеводе, покидать Сургут царем запрещено, хотя я с великим удовольствием пошел бы ловить злохитростного убийцу. Кто же у нас остается? Иван Афанасьев. Почему бы не послать его?

— Но он же... — хотел возразить Зубакин, почувствовав себя униженным, и осекся, так как воевода перебил его:

— Знаю-знаю, Богдан, что скажешь. Ему, мол, только бумаги писать, а не воевать. А ты возьми лук и попробуй посостязаться с ним в стрельбе. Или сходи в лес, выследи зверя и подберись к нему не спугнув. Афанасьеву это проще пареной репы. Для него любой урман, как дом родной. Уж я это знаю. С ним пойдет и наш толмач Парабельский, который того же роду-племени, что и князь Тынга, и знает, как к нему лучше подбираться.

Обращаясь уже к Афанасьеву и Парабельскому, Зубатой сказал:

— Обложив зверя, более надейтесь на луки, чем на пищали. Затинных, с дулами в полторы сажени, возьмите по две на струг. Этого хватит, чтобы стрелять на воде или пугнуть издали бунтарей. На них особо не надейтесь, так как и таскать тяжело, и вдруг дождь помешает поджечь фитили. Еще вот что — месть мостью, за убийство товарищей, а все же каждого бунтаря старайтесь взять живцом.

12

15 июня 7127* года вышел из Сургута отряд казаков.

Плыть было приятно, так как в это время, наконец, наступило сибирское лето. Сбросив с себя верхнюю одежду и даже рубахи, казаки с наслаждением впитывали солнечное тепло, подставляя обнаженные тела под ласковые полуденные лучи. Однако ближе к вечеру ветерок над водой еще веял прохладой и заставлял вновь возвращаться к кушкам.

В пути часто появлялись встречные обласки, на которых остяки везли в Сургут ясак. Они все подтверждали, что князь Тынга не покидал своих юрт.

Когда отряд, свернув с Юганской Оби, уже шел к верховью Большого Югана, остяк князя Ангача, сопровождающий казаков, указал место, где нужно остановиться и выйти на берег.

Этот день был жарким, безоблачное небо — лазурным, и не верилось, что под ним прольется кровь.

Тынгины юрты стояли на берегу живописной лывы. Они четко вырисовывались на фоне небесной голубизны, а главное — можно было различить, как суетятся возле них фигурки вооруженных людей.

Афанасьев сказал Парабельскому:

— Наверное, у князя Тынги хорошая разведка. Он узнал о нашем приходе и готов воевать. Ну что же — повоюем.

Осторожными перебежками, под защитой деревьев и кустов, казаки стали сокращать расстояние. Однако их ожидала засада. Несколько человек, сраженных стрелами, упали в траву. Но возмездие не заставило долго ждать.

Меткие выстрелы Афанасьева и Парабельского навсегда успокоили горстку злодеев. На это ушли считанные секунды.

Приблизившись к юртам на расстояние выстрела из огнестрельного оружия, Афанасьев отдал команду сделать залп из затинных пищалей. Гром, пламя и дым, разрушительная сила дюймовых ядер, вспыхнувшие от

* 1619 год.

стрел с пучками горящей соломы берестяные чумы породили панику у осажденных.

Не видя казаков, они наугад стреляли из луков, а многие, скрывающиеся в юртах и чумах, стали выскакивать наружу.

Афанасьев не спеша выпускал стрелу за стрелой, целясь только в ноги вооруженных людей. В конце концов остяки вынуждены были сдаться, побросали оружие и подняли вверх руки.

Всех пленных усадили на берегу и стали оказывать помощь раненым. Затем началось дознание — кто есть кто? Один из остяков сказал Парабельскому, что тут есть люди, которых силою заставили воевать против русских. Князь Тынга, который сидел тут же с пробитой ногой, бросил злобный взгляд на доносчика и пообещал расправу.

Тех, кто воевал не по своей воле, отсадили отдельно, и им Афанасьев сказал, что отпустит их по домам, если они дадут клятву, что всегда будут русскому царю прямить и не бунтовать, на что пленные с радостью согласились.

Из леса казаки принесли трех погибших и двух раненых товарищей, а также трупы княжеских воинов. Среди них оказался Суета, брат князя, возглавлявший засаду. Из тридцати богатырей, когда-то составлявших дружину Тынги, теперь остались в живых только одиннадцать человек. Кроме князя в числе пленных оказался его сын Сана, соратники — Капалчейка, Ослопейка и другие. Всем им связали руки и повели к стругам.

Никто не заметил, каким образом сумел освободиться от пут Тынга. Когда шли по яру, он вдруг оттолкнул в сторону казака и прыгнул в речную стремнину. Его долго искали, но не нашли. Он, как говорят, канул в воду.

— Наверное, утонул злодей, — высказал предположение Афанасьев, но прибывший к месту сражения князь Ангач сомнительно покачал головой и сказал:

— Однако он хороший ныряльщик и пловец. Вам теперь Тынгу не найти, а от меня ему не скрыться. После я доберусь до него.

13

На обратном пути Афанасьев отправил в Сургут ходкую лодку с сеунчем*, чтобы известить об удаче и скором прибытии отряда.

— Это не из хвастовства, — пояснил он Парабельскому, — а чтобы унять тревожное ожидание в городе.

Казаков встречали торжественно и шумно.

* Вестник победы.

Пели медные трубы, рассыпали дробь барабаны, на высоких флагштоках развевались знамена и хоругви. Белый поп Дмитрий Тарасьев прямо на берегу прочитал молебен. С каждой минутой праздник набирал силу. Горожане выкатывали во дворы и на городскую площадь бочонки с ягодными винами, медами и брагою. Казаки отплясывали гопак, женщины водили хороводы и пели. Все пили, ели и веселились до глубокой ночи. Только в домах погибших казаков царила траурная тишина и раздавались рыдания.

Сразу по прибытии отряда Иван Федорович Зубатой велел освободить тюрьму от людей с мелкими провинностями и поместить туда пленных. Княжеского сына он спросил:

— Много ли ты душ сгубил своими руками, сынок вора?

— Ни одной, — ответил Сана. — Я даже животных жалею. Но мешать другим не мог.

— А я верю тебе, — вдруг сказал участливо воевода, — но все равно ты в ответе за отца и остальных и долго будешь сидеть в тюрьме.

Высказав такой приговор, Зубатой распорядился поместить Сану отдельно в лучшую комнату и относиться к нему уважительно, как к князю.

После этого он позвал своих приближенных за праздничный стол в воеводские хоромы, где поздравил с победой Афанасьева и Парабельского и пообещал представить их к царской награде. Он дотошно расспрашивал обо всех деталях похода и сражения, ахал и охал, хвалил за одно и упрекал за другое — за то, что недостаточно обереглись и попали в засаду, что упустили князя Тынгу.

— Пока никому не говорите, что обмишурились, что он убежал, — увещевал воевода. — Я об этом и отписывать не буду. Говорите, что он хотел убежать, бросился в реку и утонул. А быть может, так и случилось? Может, он утоп?

— Не могу сказать с уверенностью об этом. Подождем известий от князя Ангача, — ответил сокрушенно Афанасьев.

— Да ты не печалься, братец. В том нет твоей вины. Пей да празднуй!

Нырнув глубже, Тынга долго плыл под водой вдоль берега по течению, пока не наткнулся на густые поросли тальника. Не высовывая головы, он вытянул губы, сделал глоток воздуха и поплыл дальше. Отплыв на безопасное расстояние и убедившись, что нет погони, он выбрался на берег и заполз в густую кущу.

Из раны на ноге сильно струилась кровь. Повязка, которую наложил казак, сползла и не помогала. Нужен был жгут, но ничего подходящего у

него не оказалось. Обдумывая, что ему предпринять, пока не потеряно сознание, он решил добраться до своей юрты, куда, без сомнения, уже не заглянут казаки.

Опасаясь высунуться из высокого спасительного разнотравья, он на четвереньках двинулся в нужную сторону. Заглянув в юрту и оглядевшись по сторонам, Тынга вполз вовнутрь. Сев на невысокое возвышение с противоположной стороны от входа, он подобрал с пола нож, срезал шнурок с курильницы и перетянул им ногу выше повязки. Истечение крови приостановилось, но нога онемела, и он почувствовал усталость. Сидя, Тынга задремал. Спал он недолго, но успел увидеть во сне свою умершую мать, которая протягивала к нему руку с ковшом воды, а он, испытывая жажду, не мог до него дотянуться.

Вздрогнув от того, что кто-то вошел в юрту, он проснулся. Перед ним, с копьём в руке, стоял князь Ангач.

Тынга улыбнулся и с трудом произнес:

— А-а... Это ты... А я думал, что пришли за мною казаки.

— Зачем ты убил моего сына?! — грозно спросил Ангач.

— Так вышло... Давай помиримся... — предложил Тынга, еле шевеля языком.

— Я спросил, зачем ты убил моего сына?! — последовал тот же вопрос.

— А-а... Я принес его в жертву духам по обычаю наших предков... Если хочешь, выбери любого из моих родственников и предай смерти.

— Твоих родственников всех увезли. Остался только ты, кто больше других заслуживает смерти, — сказал князь Ангач.

Он поднял руку с копьём и сильным ударом пронзил насквозь ненавидимое тело.

Тынга встал на ноги и пошел к выходу. Ангач растерянно отпрянул, уступая ему дорогу.

Выйдя из юрты, Тынга упал. Небо опрокинулось — и он умер.

Соболиная лихорадка

1

Июль сибирского лета — это время обманов. Только установится жаркая погода, только скажешь: «Наконец поживем в тепле и сухости!» — как задышит прохладой ледовый север и заморосят нудные неприятные дожди. Другое дело, когда вдруг упругие и знойные юго-западные ветра возьмут верх. Тогда согреваются тела, а души радуются скоротечным ливням, громоханиям и сверканиям небес.

Именно в такой день прибыли на каюках* в Сургут новые воеводы Иван Романович Безобразов и Федор Григорьевич Шишкин, а с ними сорок человек родственников и холопов. На берегу их встречали воеводы Кутузов и Фефилатьев, а также атаманы.

— Слава богу, дождались! — сказал Кутузов. — Надоело сидеть в этой дыре! Хлопот много, а прибытка никакого!

— Так-то и никакого? — подмигнув, спросил Безобразов.

— Как хочешь понимай! — Кутузов пожал плечами.

— Ладно, разберемся. А теперь скажи — куда мне всю свою братию девать и поклажу?

— Временно расселим у посадских. А потом сам решишь. И для чего ты такую ораву притащил?

— А чтобы мы с Шишкиным не заскучали. Ты еще не сказал — куда нашу рухлядь сложить?

Кутузов взглянул на гору кулей, ящиков и бочонков, которую возвела на берегу шустрая братия, и посоветовал:

— Пусть в амбар снесут, да поторопятся, а то дождем промочит. Тучка-то грозовая надвигается.

* Русское грузовое судно с двускатной крышей, каютой на корме и загнутым носом, длиной от 16 до 24 метров, шириной 6–9 метров.

Безобразов сразу засуетился, подгоняя холопов, которые и так чуть ли не бегом стали переносить тяжелые, окованные железом ящики и сундуки, бочки с винами и медами.

«Извивается как уж», — подумал с неприязнью Кутузов, наблюдая за вертлявыми передвижениями сухощавого Безобразова.

Убедившись, что имущество в безопасности, Безобразов подошел к встречающим. Кутузов сказал:

— Твоими людьми займутся атаманы, а мы пойдем да отобедаем.

Так уж было принято — накормить сменщиков после долгого пути, а во время трапезы обменяться сведениями.

За столом в воеводских хоромы Безобразов рассказывал:

— Ныне в Москве только и разговоров о Сибири — кого царь пожаловал по службе за великое радение и прибыль в казну, кого за своим столом доброй шубой или деньгами одарил и прочее. А тех, кто сам вернулся в новой шубе или с соболями, сразу попадают под подозрение. Я вот думаю, что зря они мягкую рухлядь* везут на показ. Как ты об этом разумеешь, Иван Захарьевич?

— А никак. Мне и Григорию Ивановичу везти нечего, — ответил Кутузов.

— Так-то и нечего? — Безобразов снова подмигнул, как на берегу.

— Перестань мне подмигивать! — рассердился Кутузов. — Если не веришь, то делай сыск.

— Да ты не обижайся! Я ведь шучу. Лучше поведай до передачи дел, как собран ясак. Есть ли недоимка?

— Есть, но небольшая. За счет умерших и увечных. Вообще, ясак сдавался по полному окладу. Ясачники сами везли в город мягкую рухлядь. В этом заслуга не моя и Фефилатьева, а воевод Зубатого и Вельяминова, которые побили бунтовщиков. Кстати, те, которых взяли в плен, уже три года сидят в нашей тюрьме. Среди них и старший сын главного бунтаря Тынги, зовут Сана. К нему особое расположение, как к князю.

— Это интересно. Надо будет на него посмотреть.

— Еще насмотришься. Прошу только, чтобы скорее нас отпустил. Да, еще... Хочу предупредить, что иртышские татары и зыряне повадились ходить на Юган и промышлять соболей на угодьях наших остяков. Я отписал об этом государю Михаилу Федоровичу. Этим декабрем он издал сразу два указа о запрете иным людям охотиться на Югане. Но этой зимой они опять объявились. Без сильной власти местных князей никакие царские указы не помогут.

* Меха, шкурки зверей.

Безобразова не пришлось долго уговаривать об ускорении приемки дел. Он сам торопился развязать себе руки и уже на третий день проводил Кутузова и Фефилаьева.

Помахав рукою вслед отплывающим каюкам и стругам*, он сказал Шишкину:

— Времени до осени и зимы у нас мало, а сделать нужно многое. Поэтому, не откладывая на завтра, соберем сегодня всех начальников.

Уже через час в съезжую избу сошлись казачьи и стрелецкие атаманы, сотники, пятидесятники и десятники, церковные служители и подьячий Иван Афанасьев. Безобразов перед ними выступил с пространной речью:

— Я знаю, о чем вы думаете: «Новая метла по-новому метет». И будете правы. Так, как вы жили-служили, — не годится! Прежние воеводы делали все не по государеву наказу, а самовольством творили кривой суд, причиняя убытки и насилия. Теперь у вас будет праведный суд и заступничество. Все будут жить в довольстве, покое и тишине. Для соблюдения закона и порядка я назначу приказчиками своих людей. Их слово будет моим словом, мой приказ станет их приказом. Вам остается только слушаться и подчиняться без всяких возражений. Тех соболей, которые вами собраны в прошлом году, мало для царской казны. Нужно куда больше! Прежде всего вы немедленно пошлете по всем юртам людей для переписи населения. Я хочу знать — сколько остяков ходит промыслять зверя, сколько в юртах старых, немощных и увечных, сколько детей и какого возраста, кто и когда получил увечье или умер, есть ли беглые и прочее. Из каждой волости нужно отправить в Сургут по два человека лучших остяцких людей для моей с ними беседы. Ходить будете с приказчиками. Есть вопросы?

— Нет, — ответил за всех подьячий Афанасьев. — Есть только замечание.

— И какое же?

— Воеводы Иван Захарьевич и Григорий Иванович не воровали и никакой тесноты нам не чинили.

— А это мне лучше известно, воровали они или нет, — отрезал Безобразов. — Ты пока останься, а остальные могут идти.

Когда все ушли, он спросил:

— Ты что, братец, против меня смуту затеваешь? Может, изветы** начнешь писать?

* Лодка, выдолбленная из ствола дерева, с наращенными бортами, остроносая с двух сторон, вместимостью до 20 гребцов. На таких лодках плавали казаки. Ермак на них завоевывал Сибирь.

** Доносы.

— Не собираюсь, я не доносчик. Только не люблю, когда кого-то оговаривают без доказательства, — сказал Афанасьев.

— Если не собираешься доносить, то прощаю. Ладно, не буду с тобой ссориться. Я не себялюбец и незлопамятен. А о тебе уже многое узнал. Не простой ты подьячий. Ой, не простой! И служилых обучал ратному делу, и бунтовщиков побил, и полон привел. Как думаешь — сынок Тынги смирился, сидя в тюрьме?

— Уверен, что смирился.

— Это хорошо. Может, отпустить его для нашей пользы?

— Можно и отпустить.

После военного похода на Юган подьячий Афанасьев уже редко облачался в черные ризы. Теперь он носил черного цвета кафтан, темно-зеленые шальвары, вправленные в сафьяновые сапоги с высокими голенищами, и всегда имел при себе оружие — кинжал за широким кожаным поясом и саблю в чехле, украшенном серебром. Вместо саадака* за спиной, который он брал на охоту и в случаях выезда из города, у правого бедра висел маленький колчан с дротиками.

— Воспользуюсь твоим советом, — сказал Безобразов, довольный результатом выяснения отношений, и попросил: — Не по моему указу, а по совести — проследи за переписью и в книгу все запиши подлинно.

— Сделаю! — пообещал Афанасьев и вышел из избы.

Ему в лицо ударил шквалистый ветер. Тяжелая черная туча напозла на Сургут. Засверкали молнии, и загромыхало небо. Разразилась гроза.

2

После назначения на должности приказчиков своих и Шишкина родственников воевода Безобразов решил личным примером научить их работе с остяками. Подходящими для такой затеи были близлежащие городки князя Барса, расположенные в направлении нижней Оби, к которым не было необходимости добираться водным путем. Составив конный отряд, он вслед за Афанасьевым, знающим дорогу, повел разъезд лесною тропой вдоль высокого яра.

В первом однодомном городке жители еще помнили воеводу Якова Борятинского, который побывал здесь двадцать лет назад и наказал плетью соседа за незаконную торговлю с купцом. Теперь такое обращение с местным населением было запрещено царскими указами, но остяки не верили в свою неприкосновенность.

* Чехол для лука и стрел.

Пожилой прихрамывающий мужчина вышел из дома, прикрикнул на свору лающих собак, загнал их в клеть, распахнул ворота и, заискивающе улыбаясь, впустил приезжих во двор.

— Показывай свое семейство и всю мягкую рухлядь, — сказал Безобразов.

Перед воеводой выстроились все домочадцы, которые испуганно переминались с ноги на ногу и не отрывая глаз разглядывали цветную одежду и дорогое оружие приезжих людей. Остяк стал объяснять, кто есть кто:

— Одна женщина — моя жена, а другая — вдова моего брата, недавно умершего от болезни. Сынку брата пятнадцать лет, а моему уже двадцать пять. Он женат и имеет двух малолетних детей. В семье вместе со мной восемь человек.

Безобразов сказал Афанасьеву:

— Сверься с книгой — сколько тут числится ясачников?

— Двое, — ответил подьячий.

— Только-то? Это почему?

Хромоногий остяк, тяжело вздохнув, сказал:

— Однако теперь и двоих нет. Один добытчик остался — мой сын, так как брат умер, а меня освободили из-за увечья.

— Кто освободил? — удивленно спросил Безобразов.

— Воевода Кутузов, — пояснил Афанасьев за остяка.

— Какое он имел право без царского указа? — возмутился Безобразов. — Ведь не было указа? Или был?

— Не было, — ответил Афанасьев.

— Вот тебе и пример служебного радения, защитник! — съязвил Безобразов и сказал: — Пиши! Числить ясак по девять соболей за увечным и умершим. Это пока не получим царское освобождение от их окладов. И за сыном покойного запиши пять соболей.

— Ему ныне исполняется только пятнадцать лет, а по указу положено брать с восемнадцати, — напомнил Афанасьев.

— А ты посмотри, какой детина вымахал! Врут, поди, о его годках. Пиши! — сказал Безобразов и обратился к увечному: — Всего сдадите ясака тридцать два соболя.

— Да где же их взять? — изумленно всплеснул руками остяк.

— Как где? В лесу! Там, где промысловый русский добывает не менее сотни за год. Если не принесете, то посажу в тюрьму твоего сына, а жен и детей продам в холопы. Теперь показывай мягкую рухлядь. Где она?

— В лабазе.

Безобразов велел своему человеку залезть по лестнице в лабаз и вытащить все, что там есть.

— Ну и ну! — воскликнул он, разглядывая связки шкурок. — Соболей тут половина сорока, пять черных и три красных лисицы, пять бобров, десять куниц и три сорока белок. И ты, увечный, спрашиваешь, где взять? Вот из этой кучи и взял бы. Только теперь мы сами возьмем! Двенадцать соболей тут не хватает. Чтобы покрыть их цену, забираем всю рухлядь. Так будет справедливо. А что еще добудете, то продавай или меняй с купцами на хлеб и прочее. Да не проворуй в следующем году, а то будет худо твоей семье, о чем я говорил.

По пути к следующему городку Безобразов вдруг остановил коня и сказал:

— Вот что, братцы, — с меня и этого хватит. Теперь сами управитесь. К князю Барсу тоже загляните. Думаю, что научил вас, как людей переписывать. Буду ждать в Сургуте добрый ясак, который соберете. Уже потом поедете врозь по другим волостям. А ты, Афанасьев, будь сейчас с моими людьми и все в книгу записывай.

— Не изволь беспокоиться. Сделаю по-твоему, хотя и не разделяю сего рвения. Тебе не кажется, что кто-то кроме меня может государю послать извет?

— Э-э-э, братец, пока пошлют, пока до Москвы дойдет, пока следствие назначат — меня уже и в Сибири не будет. А тогда я скажу, что все из зависти наговаривают. Мне и поверят.

3

Конный отряд приказчиков вернулся в Сургут только через три дня. Вроде бы и посылка близкая, всего верст двадцать, но уже после четвертого городка прилетела неведомо откуда сосновая стрела с наконечником из острого каменного околыша и вонзилась в ягодицу одной из лошадей. Несчастное животное громко заржало, встало на дыбы, сбросив седока, и смяло ряд стройного шествия. Все лошади заметались между стволами деревьев. Их с трудом удалось успокоить. Приказчики были напуганы и стали проявлять осторожность, замедлив свое дальнейшее продвижение от городка к городку. Оттого и потребовалось больше времени на весь поход.

Афанасьев осмотрел стрелу и загадочно улыбнулся. Стрела, несомненно, была изготовлена наскоро неизвестным стрелком, который не собирался никого убивать, а только хотел попугать. Иначе он бы воспользовался металлическим наконечником и оснасткой из орлиного пера.

Наверное, терять такую стрелу, необходимую на охоте, ему было жаль. Никому ничего не сказав, Афанасьев сунул поделку в свой саадак.

Несмотря на приключение, приказчики все же полностью выполнили наказ воеводы и привезли в Сургут не просто «добрый» ясак, а огромное количество мягкой рухляди, не обойдя вниманием и холопов князя Барса. Это более всего обеспокоило Афанасьева. Такой грабеж подрывал авторитет власти в глазах сородичей князя, что являлось серьезным вмешательством в политику Москвы. Он решил сказать об этом Безобразову и посоветовать вернуть изъятых соболей.

Атаманы Тугарин и Зубакин встретили Афанасьева на въезде в воеводский двор. Им не терпелось узнать, почему воевода Безобразов вернулся из разъезда очень скоро и с довольным видом потирал руки.

— Немудрено, что вы удивлены, — сказал Афанасьев. — У него опасная болезнь.

— Он что — того? — спросил Зубакин, повертев пальцем у виска.

— Что-то вроде этого, — ответил Афанасьев.

— И какая же это болезнь?

— Соболиная лихорадка.

— Фу! Сказал новость! Кто у нас этим не болеет?

— А тут особый случай!

4

Когда Безобразов пришел в приказную избу, там уже сидел за столом воевода Шишкин, который, охая и ахая, вертел в руках какую-то бумагу.

— Вот, посмотри, Иван, какой царский указ доставил посыльный из Тобольска. На заставах сажают из посадских людей целовальников* и таможенных голов, и теперь воеводам запрещено брать всякие пошлины. Десятину на подворье уже не станут привозить.

— А ты, Федор, чтобы не печалиться, спрячь на время указ. Пока всем одно ведомо, что воеводам дозволено делать всякие дела по своему высмотру и как бог на душу положит.

— Однако на заставах этот указ уже есть. И вот что еще в нем прописано: «Таможенным головам у сибирских воевод обыскивать соболей, а что из мягкой рухляди найдут, то брать на государя все без остатка».

— Это уже хуже худого! Обходить заставы стороною по тропам тягостно и опасно, хотя и можно рисковать. Легче обойти сам указ. Почему бы

* Сборщики налогов и пошлин.

не продавать своих соболей здесь, в Сибири, а вывозить деньги, которые не подлежат сыску?

— Ну ты и голова! — восхищенно сказал Шишкин. — Давай так и сделаем. Только поторопиться надо.

— До нашего отъезда из Сургута успеем. Я об этом позабочусь!

Многие задумки как занозы не давали покоя Безобразову. «Нужно сделать так, чтобы и царю была прибыль, и самого себя не обидеть», — рассуждал он и строил планы.

Вспомнив, что в тюрьме сидит знатный узник, воевода отправился к нему.

Князь Сана пребывал в унынии. На его столе были кушанья из воеводской поварни — круглый хлебец, говяжий взвар и жаркое из куропаток. Но еда стояла нетронутой. При входе посетителя узник встрепенулся и с опаской заглянул в глаза воеводе.

— Скучаешь? — спросил Безобразов.

— Маленько скучаю, — вяло ответил Сана.

— Сейчас я тебя развеселю, князь, — пообещал воевода и велел слуге принести ему такое же жаркое из дичи да еще два кубка и кувшин с венгерским вином.

От хмельного питья и от неожиданного общения Сана взбодрился. Сонливое уныние сменилось блеском глаз, но щеки нервно подергивались.

— Уже три года ты в заточении. Надоело сидеть за решеткой? — спросил Безобразов.

— Шибко надоело! Выпусти меня!

— Может, и выпущу, если придем к согласию.

— Что для этого нужно?

— Во-первых, ты должен дать клятву, что не забунтуешь, как твой отец, и никогда не причинишь зла русским людям. Напротив, ты будешь во всем нам помогать. Во-вторых, ты станешь защитником своих соплеменников от пришлых иртышских татар, зырян и прочих, которые приходят на Юган и выбивают там соболей. Для этого ты возьмешь себе холопов и научишь их искусно сражаться. А каждой весной ты должен объезжать все юрты и выгонять ясачников в Сургут, заставляя их везти добрых, а не худых соболей.

— Я согласен, — сказал Сана, — но боюсь, что князь Ангач станет мстить за убийство сына моим отцом и между нами может возникнуть война. Отпусти из тюрьмы моих людей. Они искусные воины, смогут меня защитить, помогут мне укрепиться и собрать войско.

— Войны между вами не будет. Вместе с тобою я пошлю казаков, которые привезут Ангача ко мне. Тут я ему скажу, что сын не в ответе за

отца, что следует забыть старые обиды. Я велю ему быть с тобою заодно, а не враждовать. Договорились?

Сана встал и торжественно произнес:

— Я готов дать клятву по обычаю наших предков, которую не смогу нарушить. Я обещаю зла на русских не таить, помогать в сборе ясака, защищать своих людей и во всем прямить сургутским воеводам и московскому царю. Для моей клятвы нужно разрубить собаку на две половины, между которыми я пройду, и положить шкуру медведя.

— Вот и ладненько! — подвел итог Безобразов. — Завтра утром дашь клятву и отправишься на Юган. Собак тут хватает. Поймаем одну и разрубим. Но где я найду шкуру медведя? Ладно, поищем.

Вернувшись в приказную избу, Безобразов позвал Афанасьева и спросил:

— Ты не знаешь, Иван, почему остяки дают клятву на шкуре медведя? Можно ли верить такой клятве?

— Вполне. Когда с медведя снимается шкура, то он похож на голого человека. Поэтому остяки считают медведя сыном своего главного бога, который спустил его на землю.

— Ну и ну! Оказывается, у них медведь — чуть ли не наш Иисус!

5

В один из июльских дней Безобразов и Шишкин решили ближе ознакомиться с городом и посмотреть, чем занимаются горожане.

— Быть может, что-то усмотрим для нашей пользы, — сказал Безобразов, вышагивая по улице и заглядывая во дворы.

Навстречу воеводам, выехав из леса, приближалась телега, нагруженная дровами. Когда она поравнялась с воеводами, Безобразов сказал Шишкину:

— Дровосек-то, видать, остяк.

И спросил возницу:

— Кто ты таков и кому везешь дрова?

— Холоп я у десятника Третьяка Вершинина. Ему и везу.

— Как же ты попал в холопы?

Возница натянул поводья, остановил лошадь и разъяснил:

— Когда Третьяк был годовальщиком в Кетском остроге, а мы бунтовали, он меня взял в плен, но не посадил в тюрьму, а привез в Сургут. С тех пор я у него работаю. И это лучше, чем зимою промышлять соболя и платить ясак. Третьяк добрый. Он позволил мне забрать сюда жену и сына.

— Вот дела-а-а, — удивился Шишкин и предложил: — Давай, Иван, посмотрим на житие-бытие нашего десятника.

— А я и сам очень этого желаю, — сказал Безобразов и велел вознице ехать ко двору.

Услышав скрип колес, Третьяк соскочил с обрубка толстой лесины, на которой сидел спиной к воротам, и увидел, что вслед за телегой во двор входят воеводы. Он не растерялся, будто это случилось не в первый раз, и пошел им навстречу, приветливо улыбаясь.

— Рад, очень рад дорогим гостям, — сказал он. — Не желаете ли пройти в горницу?

— В горницу еще успеем, — сухо оборвал его Безобразов. — Сначала ознакомь нас с хозяйством и разъясни — чем занимаешься и почему не на службе?

— А у меня сегодня выходной день. Атаман Тугарин Федоров сказал, чтобы на службу я заступил завтра утром. А в сей час я выделял лосиную кожу. Такую кожу можно продать на рынке за хорошую цену.

— Так-так... А что у тебя за строения в глубине двора?

— Там сараи, конюшня, овин и клетки. У меня две лошади. Одна из них скаковая — для разъезда. А вот эта, — он указал на лошадь, запряженную в телегу, — чтобы все возить по надобности. Заготовлю дрова на зиму, а потом и сено. Есть еще две коровы и бычок на вырост, есть десяток овец, гуси, утки и куры. Держу пять собак для охоты и для нарт.

— А что за рыба на бечеве висит?

— Там всякая. Вялю на корм собакам.

— Богато живешь! — сказал Безобразов.

— На жизнь пока не жалуюсь, слава богу.

— Ладно, идем в горницу!

Вслед за хозяином воеводы вошли в сени. Они были похожи на длинный коридор, где с левой стороны размещались полки со всякой домашней утварью, не вызывающей никакого интереса. Зато взглянув направо, Безобразов тут же замер на месте. С нескольких вешалок свисали шкурки черно-бурых лисиц, бобров и соболей высшего качества. Постояв минуту в раздумье, воевода шагнул через порог двери в горницу.

Усадив гостей, Третьяк крикнул:

— Ну-ка, хозяйшка! На стол все мечи, что есть в печи!

Из дверей второй половины дома вышла дородная женщина средних лет, с миловидным лицом и пухленькими руками, которыми держала поднос с караваем хлеба.

— Только что испекла, еще горяченький, — не сказала, а будто пропела она мелодичным голоском. — А сейчас принесу из погреба холодненького молочка. В такую жару, как ныне, в самый раз попить.

Быстро обернувшись, она поставила на стол глиняный кувшин, который сразу запотел, и спросила:

— Может, бражки желаете? Или принести черемхового меда? Еще есть и малиновый.

— Давай попробуем черемхового, — сказал Безобразов.

Вскоре стол был заставлен всякими холодными закусками, пучками пряной зелени, серебряными тарелками и кубками.

Воевода Шишкин от удивления открыл рот и спросил:

— У нас в Сургуте всякий служилый так живет?

— Нет, не всякий. Кто ленится, тому нечего поставить на стол, кроме пареной репы, — ответил Третьяк.

Безобразов пригубил кубок, посмаковал и затем выпил все содержимое до дна.

— Доброе питье. Сам изготовил? — спросил он.

— Конечно сам.

Воевода вдруг впился в лицо Третьяка колючим взглядом, глаза в глаза, и сказал:

— А теперь признайся честно, а мы не будем в претензии — воровством все нажито?

— Ну вот — доехали! — сказал Третьяк, ничуть не растерявшись. — Своим горбом все нажил!

— А серебро да соболя? Это как объяснишь? А холоп, незаконно изъятый тобою из ясачников в ущерб царской казне?

— По закону! Все по закону! — твердо отпарировал Третьяк. — Работника моего Ерошкой Третьяковым величают. Так нарек его наш белый поп Дмитрий Тарасьев. А крещеные от ясака отлучены царским указом еще двадцать лет назад. Что касается посуды серебряной, то я купил ее у бухарцев, заплатив соболями. А мягкую рухлядь приобретаю у заезжих остяков в обмен на топоры, ножи и хлеб. В чем же мое воровство?

— Все-то у тебя гладко получается, братец! Ну ладно, верю, что не врешь, — примирительно произнес Безобразов. — А скажи — приходилось ли расплачиваться деньгами за соболей? Они ведь дорого стоят.

— Бывает, что покупаю. Но только плачу не более чем полцены.

— Это интересно. Поделись для опыта.

Чувствуя, что гроза позади, Третьяк решил открыться.

— Чего греха таить, — сказал он. — Приедут остяки, зазовешь их в гости, попоишь бражкой — они и добреют. И все, что у них есть из мягкой рухляди, забираешь без остатка. Ну, и какие-нибудь поминки им даешь за доброту. Скажем, ножичек обоюдоострый. Для них это ценный подарок.

Поговорив еще о всяких домашних делах, расспросив об острогах в Нарыме и на Кети, где Третьяк бывал в годовальщиках, опорожнив кувшин с черемховым медом, воеводы решили, что на сегодня с них хватит и одного знакомства, а обходом других дворов они займутся в следующий раз.

По пути в приказную избу Безобразов сказал:

— Шустрый мужик этот десятник. Такой нигде не пропадет и найдет выгоду. Нам, Федор, есть чему у него поучиться. Например, закупать мягкую рухлядь по заниженной цене, а разницу забирать себе деньгами или соболями.

6

На следующий день воеводы решили продолжить обход дворов, предполагая, что обнаружат у посадских жителей мягкую рухлядь и проведут необходимое дознание об ее приобретении. Для этого они взяли с собою подьячего Афанасьева и посадского Треньку Усольца, назначенного ими целовальником гостиного двора. Однако, выйдя за ворота острога, они вынуждены были отложить на время выполнение своего замысла.

За крепостною стеною к берегу протоки причаливала вереница судов. Это были струги и разной величины плоскодонные дощаники*, а также огромных размеров крытые каюки. Там сразу стало шумно, гамно и оживленно. Оттуда доносились крики людей, лошадиное ржание и даже ослиный рев. Сначала погонщики в разноцветных халатах и белоснежных чалмах вывели из каюков разной масти лошадей, навьюченных осликов и белого двугорбого верблюда с кибиткой, обтянутой голубым шелком. Вслед за погонщиками рабы стали выносить тюки, курдюки и мешки. Затем появились купцы — толстые, важные, с окрашенными хной бородами. Они окружили какого-то русского человека, прибывшего с ними, и о чем-то его расспрашивали. А тот указывал рукою в сторону посада.

— Купцы спрашивают о месте, где им расположиться своим табором, — сказал Безобразов. — Теперь за ними нужен глаз да глаз. Да и за нашими покупателями тоже. А этот русский, наверное, нарочный из Тобольска.

Обращаясь к целовальнику, воевода сказал:

— Вот что, Тренька, возьми с собою казначея да поусердствуй в сборе пошлин. И запомни, что шкуру спущу, если что-то упустишь. За соболей, которые в ход пойдут платой за иноземные товары, взимай с наших купцов, промышленных и иных людей не только десятину, но и пошлину по самой высокой цене.

* Большая плоскодонная лодка, используемая на Руси для перевозки грузов.

В это время нарочный подошел к воеводам и сказал:

— С этими бухарцами и персами меня послали сопровождающим. А вам велено передать, чтобы встретили их ласкою. Кроме того, я привез церковную утварь и книги для новой церкви Пресвятой Живоначальной Троицы, а также отписки и царскую жалованную грамоту, которую должен сдать под роспись.

Безобразов развел руками:

— Надо так надо. Наверное, очень важная грамота?

— Сам увидишь.

— Тогда идем к нашим столам.

В приказной избе посыльный извлек из ларца документы, сдал их под роспись и попросил отвести его к попу Илинарху.

— Церковь рядом стоит. Там попа найдешь, а у нас дела, — сказал Безобразов.

— А колокол привез? — спросил Афанасьев.

— Колоколов пока нет. А когда пришлют, я не ведаю.

— Жаль... Люди скучают. Во все времена церковь стоит без пения.

Безобразов взял грамоту, развернул, прочитал и так уставился на Афанасьева, словно впервые его увидел.

— Ну, Иван, теперь ты меня совсем сразил! — сказал он и тут же велел слуге позвать остяцкого толмача Парабельского.

В ожидании Безобразов впал в задумчивость, барабаня по столу пальцами.

— Не томи, Иван Романович. Скажи, что это за грамота? Что за честь какому-то остяку, чтобы его ждать? — не выдержал Шишкин.

— Потерпи, Федор Григорьевич, потерпи! А вот и он идет!

Парабельский в нерешительности остановился у порога, но Безобразов не заставил его долго топтаться на месте.

— Проходи, Иван Афанасьевич, не стесняйся и садись на столец рядом с нами, князьями, — сказал Безобразов. В его голосе звучали иронические нотки. — Я вот сейчас подумал — почему вдруг ты не просто Ивашка Парабельский, как новокрещеный остяк, а еще и Афанасьевич?

— А потому что я его крестный! — возмущившись, отрубил Афанасьев. — Постыдись, воевода!

— Все-все! Я только из любопытства спросил. Но теперь к вам обоим и на хромой кобыле не подъедешь. Царь государь Михаил Федорович за ваши воинские заслуги и за то, что вы нашли и вернули в казну четыреста рублей денег, отобранных бунтовщиками у казаков города Томска, наградил вас пожалованьем. Афанасьеву — годовой оклад семнадцать рублей

денег, четырнадцать чети с полуосьминою ржи, три чети круп и толокна и три пуда соли. А Парабельскому — по пяти рублей с четью денег, шесть чети с осьминою ржи, по чети круп и толокна, по полутора пуда соли.

— Батюшки! — воскликнул Шишкин. — Даже атаману Тугарину за войну в Нарыме и под Москвою в смуту дали оклад пятнадцать рублей. Атаману Зубакину, который тоже на бунтовщиков ходил и многие их семьи в аманы взял, дали семь рублей. А наш остяк будет теперь получать вровень с десятниками.

— Государю более ведомо, чья заслуга выше, — сказал Безобразов. — Главное, чтобы казне прибыль был. Вот этим пожалованье заслуживается. А волка, как говорят, ноги кормят. Потому продолжим обход дворов. Мы все дальними посылками топоры ищем, а они, может, еще и под лавками у нас лежат.

Возле посада уже возникло становище из белых шелковых шатров, а на гостином дворе образовалось два ряда иноземных товаров.

— Поглядим, чем торгует басурманское племя? — спросил Безобразов у Шишкина.

— Отчего бы и не посмотреть? Отсюда и Треньку да казначея толком не разглядишь. Вижу только, как они крутятся возле промысловиков да торговых людей, обвешанных соболями.

Воеводы, подьячий и толмач стали пробираться по тесному коридору между рядов. На раскинутых ковриках и подушках восседали важные купцы. Они вытирали платками потные лица и зазывали покупателей:

— Не проходи мимо, рус! Бери что хочешь и давай соболю!

Чего тут только не было! Стояли мешки с сушеными фруктами и финиками, лежали персидские ковры дивной расцветки, рулоны ярких шелковых материй, узорчатые шерстяные накидки, платки и тонкие кашемировые шали, серебряные запястья и ожерелья из цветных камней, перстни с лазурными глазками, золотые чаши, покрытые лазурью, бронзовые изделия и бирюза.

Возле одного из купцов толпились казаки. Там были разложены седла и уздечки, украшенные серебром, красовались булаты, мечи да сабли, клинки сирийские, индийские и персидские, отливающие под солнцем синевой.

— Давай соболю! Бери, рус! Где такие найдешь? — уговаривал бухарец.

Афанасьев наклонился, взял сирийский клинок, который поблескивал серебром, примерился — пришелся ли он по руке? И спросил:

— По какой цене продаешь?

— За десять соболей отдам.

— Нет у меня соболей, но есть десять черных лис, — сказал Афанасьев.

— Ой-ой! В убыток это мне. Видит аллах — разорюсь я, — запричитал купец.

— Как хочешь, — сказал Афанасьев и положил на место клинок.

— Постой, рус! Я еще не сказал, что не продам. Неси своих черных лис! Афанасьев попросил Парабельского об услуге, и тот сбегал к нему домой за лисами.

Казачи, завидуя, окружили подьячего. Каждому хотелось подержать в руке дивную покупку.

— Ай как хороша сабелька булатная! — восторгались они. — Ты и так, Иван, знатный рубака, а этим клинком любого противника сразишь.

Когда вышли с рынка, Безобразов сказал:

— Любят тебя казаки, Афанасьев.

— Уважают они его, — поправил Парабельский. — Да и как не уважать? Нет ему ровни в стрельбе из лука да сабельном бою. И с людьми он ласков.

— Припозднились мы сегодня с обходом дворов, — сказал Шишкин. — Да и все хозяева сейчас на базаре. Быть может, на завтра отложим?

— А мы зайдем в один-два дома да узнаем, чем их жены заняты. И еще поглядим — сколь в сенях мягкой рухляди, — сказал Безобразов.

В первом дворе ничего особенного обнаружить не удалось. Там сидела женщина, нарезала на плахе сало и бросала кусочки в таганок с ножкой, стоящий на углях.

— Для чего топишь сало? — спросил Безобразов.

— Сало говяжье, — пояснила она. — Покупаю его у соседей, когда режут бычка, и делаю из него свечи, которые нужны всем посельникам и даже в воеводских хоромах. Продаю их и тем кормлюсь. Вдовствую я. Муженька-то моего убили при ясачном сборе.

В сенях было пусто. Внутри дома все говорило о нищете. За столом сидел мальчик лет шести и кормил белку кедровыми орешками. Афанасьев погладил его по копне рыжеватых волос и спросил, не хочет ли он живого зайчика. Тот радостно закивал головой.

— Хорошо, на днях я его принесу, — пообещал Афанасьев.

На следующем дворе обходчики застали двух остячек, которые, сидя на завалинке, шили шубы, кунью и рыжую лисью. Разговаривать с ними пришлось с помощью толмача.

— Расспроси их о хозяине, для кого эти шубы, и почему они здесь, а не в своих юртах.

Поговорив с остячками, Парабельский сказал:

— Они говорят, что хозяин — торговый человек, которому мужья много задолжали и вынуждены были отдать их в кабалу. Теперь они выполняют всякую работу и шьют шубы на продажу, так как хозяину выгоднее торговать ими, нежели дешевыми зверьками.

Заглянув в сени и обнаружив там немалое количество мягкой рухляди, Безобразов заявил:

— Завтра займемся купцом особо. А пока с нас и этого хватит. День-то уже к вечеру клонится. Его остаток посвятим празднику в наших хоромах.

— А какой ныне праздник? Я что-то такого не припомню, — удивленно произнес Шишкин.

— Э-э-э, друже! О царской жалованной грамоте забыл?

Афанасьев нахмурил лоб и сказал:

— Если хотите это отпраздновать, то только завтра и в моем доме, куда я друзей приглашу.

Как ни удивительно, но Безобразов сразу согласился, хотя с издевкой спросил:

— Соблазно узнать — какими блюдами угощать будешь? Надеюсь, не отварной лосятиной и зайчатинной?

— А чем плох заяц, запеченный с репой? Во всяком случае, не надеюсь откусать лебяжьих потрохов и бараньих мозгов, — невозмутимо ответил Афанасьев.

— А тебе палец в рот не клади — вмиг откусишь! — беззлобноотреагировал Безобразов и рассмеялся.

В это время у шатров иноземных купцов собралась большая толпа. Оттуда доносилась задушевная плавная музыка какого-то незнакомого инструмента. Когда воеводы приблизились, то круг людей перед ними раздвинулся и они увидели нечто необычное.

На зеленой лужайке танцевала юная гибкая русоволосая плясунья. Сбросив сандалии, она, в узорчатых шальварах и синей рубахе, плавно скользила по кругу, одаривая всех улыбкой и сиянием голубых очей.

Толстый бухарец*, вытирая махровым полотенцем пот, стекающий с лица на жирную шею, кричал:

— Кто заплатит мне сорока соболями, тому я отдам девственницу красавицу Лилиану!

Афанасьев выступил вперед и спросил:

— Кто эта девица и откуда она?

* Бухарские купцы освоили древний торговый путь задолго до присоединения Западной Сибири к Российскому государству.

— О, это моя рабыня из Ургенча! Она могла бы украсить гарем султана Абдуллы!

Из толпы вышел русский купец и крикнул:

— Дорого просишь за такую худосочную девку! Сбрось десять соболей!

— Я даю сорок соболей! — крикнул Афанасьев.

— Я первый начал торг и согласен заплатить назначенную цену, — возразил купец. — Девка моя!

— А я добавляю еще десять соболей! — заявил Афанасьев, слегка приподняв из чехла клинок и резко препроводив его обратно.

Купец отпрянул в испуге и сказал:

— Да бери ее, бога ради! Она того не стоит!

— Торг закончен. Можете все расходиться, соболей сейчас принесут, — заявил Афанасьев и зашептал на ухо Парабельскому: — Забери моих и своих, а сколько не хватит — купи за любую цену. Вот мой кошелек. Лети стрелю.

Кто-то ушел с торга, кто-то остался из любопытства, перешептываясь и бросая осуждающие взгляды на подьячего, купившего себе девку.

Шишкин подошел к Афанасьеву и сказал:

— Ну, ты и удивил! Не думалось, что под черными ризами может скрываться блудник. Как теперь оправдаешься?

— Очень просто. Я спас девицу от грязных лап.

— Ты что — и в постель ее к себе не положишь?

— Не положу!

— Тогда не понимаю! Стоит ли рисковать без пользы своим саном и уважением православного люда?

— С этим я как-нибудь сам разберусь.

— А что теперь — праздник отменяется?

— Доживем до завтра, а там будет видно.

Парабельский явился весь в поту, но пять десятков соболей принес.

— Идем со мной, — сказал ему Афанасьев, взял девицу за руку и повел ее в свой дом.

Безобразов сказал вслед:

— Непредсказуем наш подьячий и смел как черт. Но этим он мне и нравится.

Поскольку времени до вечерни еще было достаточно, воеводы решили почитать отписки и обсудить то, о чем в них прописано. Но, видимо,

день был таков, когда какие-то чародейские силы ломали все планы и заставляли заниматься чем-нибудь непредвиденным. Только они уселись за столы и достали из ларца отписки, как пришел караульный воротник* и сообщил, что с реки Салым прибыли остяки и домогаются встречи с главным начальником.

— Они говорят на нашем языке? — спросил Безобразов.

— Нет. Я с трудом понял, откуда они и чего хотят.

— Тогда пошли кого-нибудь за толмачом, который сейчас в доме у Афанасьева. Пусть он и приведет остяков.

— Что за день такой? — зевая, произнес Шишкин. — Словно какие-то бесы вмешиваются в наши дела. Я уже готов от расстройства хлебнуть бражки из братины**.

— Избавимся от остяков и займемся этим милым делом, — согласился Безобразов. — Я тоже устал. А знаешь — мне подумалось, что нам стоит пошить куньи и лисьи шубы. Таких разрешено вывозить три штуки каждому воеводе. Найдем остячек и посадим заниматься шитьем. Это лучше сделать здесь, так как в Москве будет накладно.

— Верно. Под лисьими шкурами можно и соболей зашить. Не будет же таможня шубы распарывать.

Вошел слуга и доложил, что толмач с остяками прибыл, а у них с собою богатые поминки.

— Вот что, герой, — сказал Безобразов Парабельскому, — мы пока помолчим, а ты подробно расспроси, с чем они пришли. А потом и нам расскажешь.

Парабельский выслушал остяков. Потом что-то стал им доказывать, размахивая руками, потом опять их слушал и, наконец, сказал Безобразову:

— Они пришли с Салыма от князя Автомаха и просят твоего разрешения убить человека.

Безобразов остолбенел.

— Что они просят?!

— Чтобы ты разрешил убить человека, — повторил Парабельский.

— Они что — умом тронулись? Как я могу разрешить такое?

— Они говорят, что для моленья у лиственницы им нужно принести человеческую жертву духам, чтобы те изгнали из угодий татар и зырян, которые выбивают их зверей и не пускают к местам рыбной ловли. Им

* Стражник у ворот в острог.

** Сосуд для братской, товарищеской попойки.

уже нечем платить ясак, а из-за отсутствия рыбыдохнут охотничьи собаки и люди умирают от голода.

— А кого они хотят убить?

— Человека из своего племени.

— Зачем же убивать сородича, если есть татары и зыряне?

— Я спрашивал об этом, — сказал Парабельский. — Они объясняют, что пытались поймать кого-нибудь из них, но те побили людей князя Автомаха, так как хорошо вооружены и крепко остерегаются.

— Ну и задумку они подкинули! — сказал Безобразов и спросил Парабельского: — Что посоветуешь?

— Однако придется разрешить.

— Да ни за что! Ты думаешь, что духи могут помочь? Дай-ка поразумею... Вот что им передай. Я выпустил из тюрьмы и послал на Юган князя Сану, сына Тынги, а с ним Ослопейку и какого-то Колпакейку — язык сломаешь от их имен, — в общем, с князем — одиннадцать человек. Пусть они его найдут, явятся с ним к Ангачу и скажут, что я велел собрать общее войско и прогнать чужаков. А убивать ясачника не разрешаю! Если убьют, то всю жизнь будут платить за него ясак.

Эта угроза более всего вразумила остяков. Они сказали, что постараются выловить зырянина на своей земле, а если этого сделать не удастся, то сходят за Камень* и украдут зырянина там.

— Ну и упрямые эти язычники! — заключил Безобразов.

Препроводив челобитчиков с Салыма, воеводы уже собрались уйти и пображничать, как вернулся Парабельский и сказал, что привел остяка, который приплыл с Агана.

— А этот о чем просит? — тяжело вздохнув, спросил Шишкин.

— Тоже хочет получить разрешение на убийство.

— Да у них что — зараза на это вроде чумы? — удивился Безобразов. — Впусти его и сказывай — зачем ему-то понадобилось убивать?

Остяк вошел, держа в вытянутой руке трех бобров.

— Сосед у него убил собаку, за что он хочет отомстить, — сказал Парабельский.

— Этот совсем умом тронулся, — сказал Безобразов. — Ответь ему, что я разрешаю убить соседа. Да — разрешаю! Но за убиенного мы будем взимать с него ясак, пока он сам не отдаст душу своим идолам.

Остяк подумал и сказал:

— Однако лучше я тоже убью у него собаку.

* Уральские горы.

Безобразов расхохотался.

— Вот и договорились. Пусть воюют и перебьют друг у друга всех собак, — сказал он. — А теперь больше никого не приводи. На сегодня нам и этих хватило выше головы.

Добравшись наконец до стола в хоромах, воеводы сразу утолили жажду холодным пивом из погребца, потом выпили браги по братине, плотно поели и отправились в опочивальню. Перед сном Безобразов сказал:

— Славный выдался денек! Не так ли, Федор?

— Лучше и не бывает! — сказал Шишкин.

8

Войдя в дом, Афанасьев сказал Парабельскому:

— Найди, друже, для Лилианы служанку. Но такую, чтобы и лицом была пригожа, и не грязнуля. Поищи по юртам. Потом поможешь обустроить для них отдельную комнату. Еще нужно будет... — он не договорил, так как за Парабельским пришел от воевод посыльный.

Вслед ему Афанасьев сказал:

— Как освободишься, сразу возвращайся.

После его ухода Афанасьев усадил девушку на лавку, покрытую шкурой росوماхи, сел перед нею на столец* и сказал: — Ты Лилиана, а я, — он ткнул себя пальцем в грудь, — Иван.

— У тебя очень красивое имя, Ива-ан, — певуче произнесла девушка.

— О! Ты говоришь по-татарски? Я знаю этот язык! — обрадовался Афанасьев.

Девушка тоже обрадовалась. Она без боязни стала разглядывать своего нового хозяина с головы до ног и, наверное, осталась довольна осмотром, так как сказала:

— Хорошо, что купил меня ты, а не те люди, которые стояли вокруг. Я очень боялась, что достанусь кому-нибудь из них. — В ее глазах вдруг промелькнула тревога. — Ты тоже продашь меня?

— Теперь все плохое позади, не продам, — успокоил ее Афанасьев. — Поведай лучше о себе.

Девушка призадумалась, печально вздохнула и стала рассказывать:

— О своем появлении на свет, о раннем детстве я почти ничего не знаю. Смутно помню только мать и что была совсем маленькой, когда стала рабыней. Позже кто-то мне говорил, что отца убили на войне, а меня и мать взяли в неволю и продали на рынке. С тех пор я ее не видела. Снача-

* Табуретка.

ла я оказалась у слуги сеида Дин-Алиходжи, но он побоялся, что я даром достанусь его хозяину, и обменял меня на верблюда с одним из купцов. Я оказалась выгодным товаром и часто переходила из рук в руки, пока не попала к торговцу, который привез сюда.

— Грустная история, — сказал Афанасьев. — А сколько тебе лет?

— Вроде бы четырнадцать.

— А мне уже тридцать четвертый. Будем считать, что ты моя дочь.

— Ты не хочешь положить меня к себе в постель? — удивленно спросила Лилиана. — У тебя есть любимая жена?

— Я не султан, не хан, у меня нет гарема и даже нет жены. А тебе еще рано с кем-то в постель ложиться. Сначала подрасти.

— Я уже подросла, — обиженно сказала Лилиана. — Наверное, я не нравлюсь тебе. Ты купил меня из жалости?

— И из-за этого тоже.

— А ты мне очень нравишься. — Она шмыгнула носом.

— Не хнычь, — строго сказал Афанасьев. — Ты еще совсем ребенок. Есть хочешь?

— Хочу.

Афанасьев поджег в чувале маленькую горку сучьев под медным котелком, в котором была вчерашняя похлебка с кусками баранины. Пока она разогревалась, он положил на стол круглый хлебец, выставил блюдо с отварной осетриной и поставил мисочку со сливочным маслом.

— Нам и этой еды достаточно. Скоро придет товарищ, и тогда начнем кушать, — сказал он и, взяв с поставца серебряные кубки и кувшины, перенес их на стол. В одном кувшине был ягодный напиток, в двух других — ягодные меда.

Как только пришел Парабельский, Афанасьев поинтересовался:

— Что случилось?

— Приплыли двое людей с Салыма и один с Агана. Они просили у воевод разрешения на убийство. Первые — для моления у лиственницы, а второй — отомстить за собаку, убитую соседом.

— И какой они получили ответ?

— Безобразов сказал, что за каждого убитого будут платить ясак, пока сами не умрут.

— Этого и следовало ожидать. Своей выгоды воеводы не упустят. Хочу как-то отговориться завтра от застолья. Неуместно это теперь. Мы и сами, без шума, можем отпраздновать пожалование.

Афанасьев наполнил кубки. Лилиане — ягодный напиток, а себе и Парабельскому — хмельного меда.

— Выпьем за здоровье царя Михаила Федоровича, оценившего наши старания, — произнес он тост, пояснив Лилиане, за что пьют.

Парабельский, глядя на нее, сказал:

— В служанки не остячку, а татарку нужно найти, чтобы девица не заскучала.

И спросил:

— В жены ее возьмешь?

— Не собираюсь. Отпущу на свободу. Пусть вернется на родину.

Лилиана внимательно следила за выражением лиц собеседников, догадавшись, что говорят о ней, и попросила Афанасьева сказать о сути беседы.

Узнав, о чем идет речь, девушка в страхе отпрянула от стола, упала на колени и разразилась мольбой:

— О всемогущий Аллах! Смилуйся надо мной! Не желаю я такой свободы! Вразуми моего господина!

Схватив за руку Афанасьева и покрывая ее поцелуями, она запричитала:

— Не прогоняй меня! Оставь у себя! Не хочу возвращаться в рабство, в гарем какого-нибудь жирного бая или мурзы.

— Встань, Лилиана! — прикрикнул на нее Афанасьев. — Если хочешь, то оставайся!

Девушка сразу вскочила на ноги, лицо ее озарилось улыбкой, голубые глаза брызнули радостью, и она сказала:

— Я тоже хочу выпить меда!

— Ты, однако, с ней не заскучаешь, — высказал предположение Парабельский. Он тоже знал татарский язык. Да и как не знать, если долгие годы все сибирские люди были под властью Кучума-царя.

После выпитой чарки Лилиана размякла. Было видно, что ее утомил трудный день, наполненный переживаниями.

— Я уложу девицу спать, а потом еще поговорим, — сказал Афанасьев.

Он вывел Лилиану во двор, показал, куда ходить по нужде, где у него вода для умывания, и проводил ее в спальню. Указав на свою постель, Афанасьев сказал:

— Отдыхай. Меня не жди. С сего дня я буду величать тебя Лили.

— Лили, — повторила она. — Мне нравится.

Попивая меда, подьячий и толмач обсудили то, как перестроят дом, сделав отдельный выход во двор из спальни, как соорудят небольшую мыльню. Не ходить же Лили в городскую баню? А служанку решили подобрать из какой-нибудь посадской татарской семьи, в которой есть дочери подходящего возраста.

Напоследок Афанасьев сказал:

— Тяжко будет Лили в нашей стуже после жарких земель. Теперь, Иван Афанасьевич, станем добывать соболей, чтобы одеть ее как принцессу. А для начала пошьем лисью шубу.

9

Осенью из посылок по волостям один за другим стали прибывать приказчики. Каждый из них привез стариков, калек и подростков, взяв их аманатами из юрт, где был получен отказ по оплате за них ясака. Вместе с ними они прихватили по одному человеку из лучших людей для встречи с воеводами.

Аманатов набралось более сорока. Осматривая их по очереди, Безобразов всякий раз отдавал короткое приказание:

— В тюрьму!

Лучших людей поместили в съезжей избе, приказав им не уезжать, пока не получат на то разрешение. В долгом ожидании остяки голодали и влезали в долги у жителей Сургута, ежедневно обивая порог приказной избы. Однако Безобразов прогонял их и говорил:

— Сейчас у меня нет времени вести с вами беседы. Ждите!

Теперь Безобразов и Шишкин большую часть дня проводили в амбаре, куда складывалась мягкая рухлядь. Они сами раскладывали ее по видам и сортам, поглаживали шелковистые шерстки с алчным упоением, считали и пересчитывали шкурки, давая указания по записям в книги подьячему Офоне Кондакову. Не желая привлекать к этому делу Афанасьева, Безобразов ему сказал:

— Ты, кажется, хотел отпроситься осенью на охоту. Можешь взять своего дружка Парабельского и месяц лешевать*. Толмачом при мне будет пока Туполко.

Как только вернулись все переписчики и ясачники, а все привезенное было не единожды пересчитано, вводы заперлись в приказной избе, отослав погулять Офону Кондакова, и занялись иными подсчетами.

Безобразов подвел итог:

— У нас переписано новиков 256 человек, и за счет них прибавка составляет 2304 соболя. С ясачников, записанных в книгах, получено все сполна. Да еще взята десятина с их собственной мягкой рухляди. Конечно, тут не обошлось без правежа. Если в 7133 году соберем столько же, то общая прибыль составит почти шесть тысяч рублей. Такого не бывало за все прошедшие тридцать лет. Что скажешь, Федор Григорьевич?

* Охотиться, заниматься лесным промыслом.

— Думаю, что по тысяче рублей мы заработаем. А в царскую казну отдадим четыре тысячи.

— Согласен. Но не забывай, что предстоит поделиться с приказчиками, что-то оставить для таможи и для Казанского приказа. Без его челобитной не будет царского пожалованья.

— Верно. А как возьмем свою часть? Деньгами?

— Я хотел бы половину вывезти соболями. Однако для этого придется найти надежного торгового человека и подписать с ним заемную кабалу*, что обойдется в пять процентов от провоза.

— Еще поразмыслим над этим, — сказал Шишкин. — Я не очень верю, что в следующем году соберем столько же. Да и вообще, успеем ли до лета, когда могут появиться наши сменщики?

— Ты прав — можем не успеть. Тогда все наше старание полетит к чертям. Есть только один выход — отправить людей за ясаком по юртам в зиму на лыжах. Они заранее выгонят остяков на лешню, а в марте-апреле соберут соболей. Тогда успеем.

— Так и сделаем, — согласился Шишкин и спросил: — А как отговоримся, если о незаконном изъятии ясака по нашим новикам появится извет?

— Тут я уже придумал, что скажем. Но для этого пора заняться лучшими людьми из волостей. Мы их теперь поугаем, а потом заставим подписать челобитные, угодные нам. Для начала позовем нашего поляка.

Вошел Яков Плешевский — стройный, подтянутый, с турецкой саблей на боку.

— Хочу тебя спросить, братец, — сказал Безобразов, — справишься ли ты со службою зимою одними своими людьми? Я намерен всех других отправить по юртам.

— У меня двадцать восемь человек. Этого достаточно для караула.

— Вот и ладненько! А сейчас бери свою литву** и вкопай несколько столбов возле тюрьмы. Будешь к ним привязывать аманатов и пороть плетьюми.

На площадь перед тюрьмой собрали всех пригородных остяков. Привели туда и волостных остяцких князьков. Для правежа Безобразов сам выбрал три человека — старика, калеку и подростка — и велел всыпать каждому по десять ударов.

* Договор о займе будто бы денег при контрабандной вывозке соболей.

** Литвой на Руси называли подданных Речи Посполитой, или Литовского государства, среди которых были украинцы, белорусы и русские.

Щелчки кнутов, вскрики несчастных отзывались тяжелыми вздохами толпы. Только коршуны, парящие в небе, безучастно взирали на происходящее.

Указав пальцем на спины, исполосованные кровавыми рубцами, Безобразов обратился к лучшим людям:

— Ежедневно такому наказанию будут подвергаться и остальные из тюрьмы, пока вы не привезете за них выкуп, равный недоимке соболей. А теперь идите в съезжую избу и ждите моего прихода.

Подозвав подьячего Офоню Кондакова, Безобразов сказал:

— Возьми бумагу, чернильницу и перо. Остяки хотят бить челом царю государю Михаилу Федоровичу.

В съезжей избе воеводы уселись по бокам стола, за которым расположился подьячий.

— Слушай, Офоня, и запоминай все, о чем буду говорить и спрашивать, и каковы будут ответы, — сказал Безобразов и обратился к остякам: — Собрал я вас, горемычные, чтобы убедиться, что в недоимке соболей виноват великий голод. Был голод?

— Был! Был великий голод!

— Вы и собак съели и даже ели человечину. Так?

— Так! Матери детей ели!

— И вы просите государя царя дать вам срок возмещения по недобору ясака. Так?

— Бьем челом! Отдадим сполна! Только не бей аманатов и отпусти!

— А еще вам негоден городской толмач Ивашка Парабельский, так как не умеет рассказать о ваших нуждах, да и смута от него. И вы просите его отставить и заменить на Лучка Туполку.

— И об этом просим! Отпусти аманатов!

— Как подпишете челобитные, так и отпущу, — пообещал Безобразов и спросил Кондакова: — Ты понял, о чем писать?

— Не сомневайся. Все понял.

— Тогда пиши складно и доказательно. Одну челобитную сделай от семи волостей Сургутского уезда, а три — от других. Этого нам хватит.

— Все сделаю, как сказано, — уверил Кондаков.

Когда воеводы вышли, Шишкин хлопнул приятеля по плечу и восхищенно сказал:

— Молодец, Иван Романович! Теперь никто нас за щучьи жабры не возьмет! Только я не понял — зачем устранять толмача Ивашку?

— Этот может всю правду выложить приезжим из Тобольска. А Туполко не посмеет, побоится и будет говорить по подсказке.

— А Афанасьев?

— Он держит слово. А извет на него может нам навредить.

10

К зимней посылке все тщательно готовились. Из ближайших городков согнали в Сургут остяков и заставили изготавливать нарты и лыжи, а с каждого двора взяли по две-три собаки. С Ваха привезли на каюках двадцатка оленей. Под съестные запасы и порох изготавливали бочки и ящики. Лосиные шкуры, войлок и парусину сворачивали в рулоны. Точили топоры и пилы.

Подготовлено было шестнадцать посылок, от пяти до десяти человек в каждую волость. Безобразов наказывал приказчикам:

— В конце января все ясачники должны быть на промысле. Выгоняйте их плетью, если понадобится, и накажите им, чтобы закончили лешевание к марту. А вы сами либо устраивайте зимовье в удобном месте, либо живите в остяцких юртах. Главное — это вовремя собрать ясак и к концу апреля быть уже в Сургуте. Возьмите с собою товары, которые мы привезли для обмена, и соблазняйте остяков. Они и постараются добыть зверя больше. Еще на всякий случай наделяю вас деньгами для закупки соболей. Сколько платить за них, уже сами знаете. Двадцать процентов прибыли ваши. С Богом! В путь!

Эта зима для Безобразова и Шишкина казалась нескончаемой, дни будто бы топтались на месте. В то же время следовало подготовиться к отъезду и решить, как самим увезти в Москву соболиную царскую казну? Сделать это напрямую они не имели права. Следовало получить согласие главного сибирского воеводы. А тут еще, как нарочно, до Сулешева Юрья Яншевича каким-то образом дошел слух о подростках, включенных в ясачные книги, и он прислал отписку с запретом вписывать детей.

Воевод очень беспокоило, что Сулешев сам захочет отправить мягкую рухлядь и присвоить себе заслугу по прибыли.

В конце концов, сославшись на то, что у Шишкина болеет жена и ему нужно срочно съездить в свое поместье, Безобразов все же добился разрешения о сопровождении соболиной казны его помощником. Радуюсь этому, друзья решили преподнести поминки начальнику и дьякам приказа Казанского дворца Ивану Болотникову и Ивану Грязеву, чтобы заслужить челобитную государю о пожаловании.

Воспользовавшись удачей, воеводы заведомо отыскивали торгового человека и подписали с ним кабалу. Они наделили его деньгами для оп-

латы пошлины на таможне и договорились, что после проезда заставы Шишкин забирает у него своих соболей, делает полный расчет за оказанную услугу и на его глазах сжигает договор.

11

Весна пришла ранняя. Апрельское тепло топило снега и развозило дороги. Только озера и реки оставались под ледовым покрытием. По ним и устремились в Сургут ясачники.

Как и рассчитывали воеводы, мягкой рухляди оказалось достаточно для осуществления воровского замысла. Шишкина и договорного купца стали готовить к отъезду по первой воде. Спускали по каткам на береговую низину протоки дощаники и каюки и вели их загрузку. Уйдут льды, поднимется Обь и все суда окажутся на плаву.

Для сопровождения казны и гребли подобрали мускулистых казаков во главе с десятником Степанкой Косолапом.

Расставание воевод перед отъездом Шишкина длилось всю ночь. Они попивали романею, вскрыв последнюю бочку из винных запасов, и обсуждали детали своих дальнейших действий.

— Как только пройдешь заставу, Федор Григорьевич, и рассчитаешься с торговцем, сразу отправь мне известие с нарочным гонцом, — сказал Безобразов. — Не теряй времени и далее гони лошадей. Если приедут сменщики, а это случится не ранее июня, я сразу покину Сургут. Думаю, что в августе мы уже можем встретиться в Москве.

Утром 9 мая 7133* года Шишкин поднялся по трапу на борт каюка, оборудованного всеми удобствами для длительного плавания, помахал рукою Безобразову и сразу завалился спать.

Через три недели Шишкин был в Тобольске, а еще через три прибыл в Туринск, который местные жители называли Епанчинными юртами. Там он взял по подорожной подводку, чтобы ехать по суше более коротким путем, и повстречался с Никитой Евстафьевичем Пушкиным, едущим сменщиком в Сургут.

«Ловко, вовремя мы управились с Иваном Романовичем», — подумал Шишкин и спросил Пушкина:

— А где же твой помощник? Или тебя послали одного?

— Для службы со мною назначен князь Белкин. Но он замешкался в Москве, а я не стал ждать, — ответил Пушкин, недовольно поморщившись. — Только это не имеет значения. Приму дела и без него.

* 1625 год от Рождества Христова.

Шишкин набросал короткую отписку, скрепил ее своею печатью и попросил вручить Безобразову. В ней он известил приятеля, что не станет гнать лошадей и дождется его на реке Сухона в Бобровском яме уезда Устюга Великого, и просил поспешить.

На таможене в Верхотуринске воевода и его холопы были подвергнуты тщательному сыску. Целовальники перерыли все вещи в возах, в сундуках, коробах, сумках и чемоданах. Они искали в платьях, в постелях, подушках, в винных бочках, во всяких дорожных запасах и даже в печеных хлебах. Но никакой мягкой рухляди не нашли, кроме разрешенных к вывозке трех шуб — двух куньих и одной из рыжих лис — да семисот рублей денег, на что не было запрета.

Таможенный голова усталым разочарованным голосом сказал:

— Дни и ночи покоя не знаем — а что толку? Жили на посаде, занимались своими промыслами и горя не знали. А тут жалованье получаем малое и бедствуем. Даже если и найдем у кого-то запретный провоз, то прибытка нам никакого.

— А вдруг в другой раз что-то захочу провезти? Договоримся?

— Будет ли другой раз? А если будет, может, и поладим.

— Знать бы это, то можно было бы на свои деньги и соболей купить, — будто сожалея, сказал Шишкин.

— Купи, князь, купи, но немного.

За заставой Шишкин догнал купца и забрал свое добро. Он сразу отправил вестника к Безобразову, а обоз поехал по дороге через Пермь Великую в сторону Устюга.

12

В начале августа Шишкин добрался до Бобровского яма. Угостив старосту сибирским ягодным вином, он попросил его выделить недели на три хорошую комнату и помочь в расселении холопов.

Польщенный уважительным отношением, староста охотно согласился оказать всякое содействие именитому проезжему и при этом сказал:

— Редко бывают такие мирные заезжие гости, как ты. Чаще — берут меня за грудки, требуют подводы сверх подорожной, насильством отбирают харчи и деньги. Особенно мне запомнился князь Белкин, который в апреле, следуя на службу в Сибирь, не только забрал лишних пять подвод, не только его люди доправили у меня денег и корму на два рубля и десять алтын, но он у посадских людей стал ворота ломать, у изб и клетей двери высекать, а матерей, жен и детей велел бить чеканами, обухами и плетями и животы их грабить.

«Ну и ну! — подумал Шишкин. — Хорош помощник у Пушкина!»

Через три недели, как он рассчитал, появился на яме Безобразов.

— Вконец уморился, погоняя то гребцов, то лошадей, — сказал он. — Теперь гоним на Москву!

Сначала воеводы въехали в Иван-город, окруженный валом и выбеленной стеной, называемый жителями Белым городом. Все его замки обтекали воды Москва-реки. Въехать в него можно было через многие ворота, которых было столько же, сколько и башен. Затем следовала вторая крепость, а Китай-город и Кремль находились внутри третьей.

Подле кремлевских дворцов стояла церковь Благовещенья Богородицы, в которой царь Михаил Федорович слушал литургию. А всего церквей насчитывалось до двадцати. Вся крепость была застроена домами боярскими и мещанскими, а также множеством лавок.

Но теперь Кремль имел иной вид, нежели до смуты, когда сквозь толпу мужиков, холопов, стрельцов, монахов, юродивых, нищих и прочего люда трудно было пробраться. Ныне стараниями отца царя, Филарета, — героя и мученика за русскую землю, томившегося в плену в Варшаве и ставшего патриархом всея Руси, — на площадях и улицах чистота, стены дворцов и храмов ослепляют белизной, у зелейного склада и пушек стоят чисто одетые стрельцы, нет нищих и бродячих собак.

Безобразов и Шишкин прежде всего подъехали к царским амбарам Казанского дворца и сдали по росписи соболиную казну, а затем явились с отпискою и поминками к начальнику Сибирского приказа Лыкову Борису Михайловичу, поставив его в известность, что ими на государственной службе в Сибири, в Сургутском уезде, прибрано новиков 256 человек и принесена прибыль на 3942 рубля.

В ожидании царского пожалованья, которое им было обещано, они поселились в Белом городе, у священника одной из церквей отца Николая.

Великокняжеский званый обед состоялся в Иванов день, в день нового, 7135* года, 1 сентября.

Облачившись в праздничные одежды, Иван Романович и Федор Григорьевич отправились в Кремль.

В большой комнате рядами стояли столы, на которых были выставлены водка, хлеб, соль, уксус, перец и серебряные ложки. В середине на высоком столе блестело множество золотых сосудов, чаш и кубков. Рядом похаживали кравчие, чашники и чарошники. Выстроившись вдоль

* 1627 год от Рождества Христова.

стены, замерев в ожидании, стояли слуги в парчовой одежде с золотыми цепями на груди и в черных лисьих шапках.

Кто-то громким голосом объявил:

— Государь! Кушанье подано!

В столовую вошел царь Михаил Федорович и уселся в золотое кресло на возвышении. Подле него разместились родственники, отец царя патриарх Филарет, вельможи и простые стрельцы.

Михаил Федорович снял с головы колпак и положил его с правой стороны, а посох прислонил к креслу слева. Затем он вымыл в сосуде руки, вытер их полотенцем и подал знак слугам. Те, по двое в ряд, вышли из комнаты и тут же вернулись, держа перед собой не менее ста разных блюд. Вслед за ними двенадцать человек внесли огромную серебряную вазу с греческим вином мальвазией.

Первым блюдом были жареные лебеди — царская пища, отчего простой люд остерегался убивать для себя этих птиц. Всякое блюдо на царском столе и напитки, до того как государь ел или пил, отведывали кравчие. Они же следили за своевременной подачей новых блюд слугами, которые приносили их, облаченные уже в другую одежду.

Еще к столу государя были приставлены особые чиновники, которые присматривали за всеми гостями и подавали ковши, чаши, ломти хлеба и яства кому царь приказывал. А в конце ближайших столов Михаил Федорович сам раздавал сушеные венгерские сливы.

Наступил звездный час и для Ивана Романовича с Федором Григорьевичем. Глава Казанского дворца и Сибирского приказа Борис Михайлович Лыков, который сидел в окружении царя, напомнил государю, что на обеде присутствуют воеводы, отслужившие в Сургуте и принесшие в казну немалую прибыль. Михаил Федорович ответил, что уместно теперь же провести церемонию пожалованья. Лыков вышел и затем вернулся с помощниками, которые принесли награды.

Князю Ивану Безобразову вручили серебряный кубок и атласную соболиную шубу ценою 114 рублей, а Федору Шишкину — серебряный кубок, сорок соболей и десять аршин лазоревой камки.

После царского обеда князья вернулись в дом священника, собрали свои пожитки и отправились в поместье Безобразова. Они не были довольны государевым пожалованием, так как считали, что заслужили большего.

Шишкин, надув щеки, сказал:

— Серебряные кубки есть и у десятников в Сургуте, а соболей я получил меньше, чем раздал поминками.

Однако приятели утешили себя тем, что не остались внакладе, а напротив, весьма обогатились в Сибири. И это было для них главным удовлетворением. А приглашение на великокняжеский обед возвеличивало их в глазах прочих поместных князей.

Приятели решили отпраздновать такое значимое событие. Они устроили званое застолье, хвастали и пили, пока праздник не превратился в обыкновенную русскую пьянку.

Эпилог

Миновало полтора года, и Иван Романович Безобразов был вызван в приказ Казанского дворца по наказу государя Михаила Федоровича.

Далеко все-таки смотрел бывший воевода Сургута, сохранил он две куньи шубы, которые пригодились теперь для поминок дьякам Ивану Болотникову да Ивану Грязеву.

— Хороши шубы, — оценил Болотников, — не собольи, но хороши.

Безобразов развел руками.

— Были бы собольи, если бы проворовали с Федором Григорьевичем и вывезли из Сибири против запрета, — сказал он. — Потому и пошили из куниц и рыжих лис.

Примеряя шубу, Болотников сказал:

— Вызвали мы тебя, Иван Романович, для допроса против челобитной остяков Сургутского уезда и отписки Микиты Пушкина. Недобор у него большой за 7134 год*, тридцать четыре сороков соболей. Пишет он, что князцы и ясашные люди Салтык да Пынжа да Ахтамак да Сана Тынгиреев сказали ему, что прошлые годы ясак и поминки платили сполна, а недобор оставался немногий. А в прошлом де в 132-м и в 133-м году переписаны в ясак стары и увечны да детишки, которые промышлять не могут, да еще, что многие приискные люди в тюрьме сидели и на правеже стояли, и потому за 133 год недобор остался. И говорит Микитка, что теперь без правежу ясак на нынешний 134 год выбрать нельзя. Думай, Иван Романович, чем оправдаешься.

Безобразов вытащил из-под кафтана сверток бумаг, помахал ими над головой и сказал:

— Врут князцы и ясашные люди по подсказке Микитки Пушкина. Вот челобитные тех же людей, которые просили установить срок по недоимке. Не правежом, а ласкою брался с них ясак, и срок я им дал на 134 год.

* 1626 год от Рождества Христова.

А недоимку они объяснили великим голодом и многими смертями. Обо всем, как было, я тебе свою отписку дам.

Охотно признали дьяки отговорки Безобразова. Ушла в Сургут грамота великого князя Михаила Федоровича всея Руси, в которой было сказано, что Микита Пушкин пишет к государю не делом, что недоборную ясачную рухлядь новым воеводам не простят и ее стоимость будет взята с них самих.

Да за то же быть им от государя в опале.

Похождения воеводы Белкина

1

Воевода Никита Евстафьевич Пушкин не впервые оказался в Сибири. Во времена гонений царем Борисом Годуновым его отец Евстафий Михайлович был сослан в Тобольск, где в 1601–1603 годах служил в должности второго воеводы. И хотя в то время Микитке было всего 12 годков, он сохранил в памяти все события и дела тех лет. Поэтому многое ему было не ново.

Теперь вместо коренастого, небольшого роста подростка прибыл в Сургут широкогрудый, недюжинной силы мужчина. Его взгляд из-под густых нахмуренных бровей, выдающийся вперед подбородок с короткой бородкой говорили о волевом характере и упрямстве. Глядя на него, всякий человек сразу понимал, что лучше не становиться на его пути.

Приняв дела, Никита Евстафьевич первым делом ознакомился с царскими указами, отписками тобольского воеводы, голов острогов Сургутского уезда и внимательно просмотрел ясачные и другие книги.

Позвав подьячего Ивана Афанасьева, он сказал:

— Вычитал я, что ты пожалован государем за воинские заслуги. Лестно иметь такого подьячего. А где толмач Парабельский, который в той же грамоте значится?

— Уже три недели в тюрьме сидит, — ответил Афанасьев.

— Это за что же?

— Воевода Безобразов опасался его за прямоту государевым делам, подстроил оговор в воровстве и лишил свободы, чтобы он не навлек на него подозрения перед отъездом из Сургута. А на его место поставил Лучка Туполку без согласия приказа Казанского дворца.

Пушкин ударил кулаком по столу так, что тот затрещал.

— Скажи, чтоб немедля выпустили его! — крикнул он и сказал: — Вот что, братец, — заведи книгу и впиши в нее на нынешний день именной

список окладного жалованья служилым людям, ружникам и оброчникам. Лучка Туполку выкинь из списка, если там есть, и впиши Парабельского городским толмачом, пожалованным государем.

Афанасьев уважительно взглянул на кулаки Пушкина, похожие на кувалды, и пошел в съезжую избу, куда переселил его Безобразов из избы приказной. По пути он зашел в тюрьму и забрал с собою Парабельского.

Подьячему Офоне Кондакову он сказал:

— Доставай список окладного жалованья, будем его уточнять.

2

Назначенный помощником сургутского воеводы Пушкина, Богдан Иванович Белкин не торопился к месту назначения, превратив поездку в увеселительную прогулку. Его неукротимый, напористый нрав постоянно вырывался наружу в поисках приключений. После погромов, учиненных в Бобровском яме и Перми Великой, где он насильством забирал сверх подорожной подводы, отбирал у старост харчи и деньги для своих людей, высекал двери и окна в деревнях и грабил животы крестьянские, он вместе со своими родственниками и холопами доехал до Тобольска. Там он застрял на несколько дней, пока воевода, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, не выставил его из города.

Богдан Белкин был строен, красив лицом, пользовался успехом у женщин и в большинстве случаев добивался той, которая ему нравилась.

Последнее и послужило причиной его задержки в Тобольске.

В первый же день прибытия ради любопытства он стал обходить церкви и храмы, которых насчитал десять. Подумав, не исповедаться ли, дабы очистить душу от накопившихся грехов, он зашел в одну из церквей и увидел, как ему казалось, деву Марию, стоящую на коленях в страстном молении перед образом Казанской Божьей Матери. Сердце его вдруг учащенно забилося, а внутренний голос сказал: «Это неземное существо должно принадлежать мне».

Подкараулив ее на выходе, он пошел рядом и спросил:

— Как величать тебя, красавица?

— Ириною зовут, — ничуть не смутившись, ответило неземное существо и, смело окинув взглядом щеголеватого ухажера, сказало: — А ты, боярин, видать, охоч до бабьего полу?

После таких слов образ неземного существа развеялся, но Белкин не потерял интереса и подумал: «Это даже лучше, что она из низкого сословия. С такую бабой можно и вести себя проще». Он решительно взял ее за локоть и развернул лицом к себе.

— Я не лошадь на продаже, чтобы меня разглядывать, — сказала она.
— Может, и зубы пощупаешь?

— Я охотно пощупаю что-нибудь другое, — сказал Белкин и прикоснулся к ее груди.

Она отбросила его руку в сторону, сморщила красивое личико и произнесла:

— Фу, какой блудник!

Белкин был доволен. Он уверился, что окрутит эту красивую женщину, не худую и не полную, но с крутыми бедрами, с русой косою, спадающей на тонкую талию, и крупными светло-серыми глазами. Только пальцы рук у нее были огрубелые, как у крестьянки.

— У тебя есть мужик? — спросил Белкин.

— А разве я похожа на незамужнюю? Конечно, есть!

— Кто же этот счастливчик?

— Из мещан он, Макарушка мой. А теперь в стрельцах, ради жалованья. Ныне послали его на озера за солью. А тут — хоть пропадай!

— Вот и пропади! Хочешь, возьму с собою в Сургут, куда воеводою еду.

— О! Высокая честь! Я подумаю.

— Быстро думай. Я и так припозднился, — сказал Белкин.

— Неделю подождешь, если приглянулась. У меня кое-какие дела есть.

— Нет, ты сразу скажи — поедешь или нет? Тогда и ждать буду.

— Ой, надоел мне Макарушка! Ну, поеду, поеду! — пообещала Ирина.

Так, не успев еще близко познакомиться, Белкин приобрел женку подговорную.

Воеводе боярину князю Трубецкому доложили, что по Тобольску несколько дней ходит бездельно меж дворами князь Белкин, которому давно следовало быть воеводою в Сургуте. Трубецкой позвал его к себе и с упреком сказал:

— Постыдись, князь! Пушкин уже месяц мается один, а ты все в дороге. Говорят, что с неделю волочишься за чужой женкой.

— Завтра же отъеду. Мои люди как конопатили. Вот и задержался, — оправдался Белкин.

— Ладно. Утром в Сургут отбывают шесть дощаников с хлебными запасами. Будешь их сопровождать. С тобою пойдет ладья бухарского муллы. После посещения Сургута ему нужно попасть в Томск, где проживает много татар. Пушкину я отписал, чтобы послал смену годовальщиков в Мелесский острог на реку Чулым. Так вы этого муллу отправьте с ними. А Пушкину передашь мою отписку с наказом о разных посылках служилых людей.

— Можно задать один вопрос, Дмитрий Тимофеевич? — спросил Белкин.

— Задавай!

— Скажи — смог бы ты, будучи боярином, быть под началом человека менее родовитого и выполнять его приказы?

— Если государь царь так решит, то должен исполнять. Он нас назначает не по разрядной книге, а по знанию дела. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Да так, из любопытства.

— Нет, ты что-то хитришь. Пушкин тебя не устраивает?

— Пока не знаю. Я еще не служил с ним.

— Откинь свою гордыню, князь. Прежде всего ты государю служишь, — сурово произнес Трубецкой. — Не забудь того, что я сказал. Ступай!

Белкин, не теряя времени, тут же отправился к Ирине и сказал:

— Утром выезжаем. Трубецкой выгоняет меня в Сургут. Собирай свои платьишки, забирай деньги, какие есть, и я отведу тебя на судно. Да поспеши!

— Денег у меня мало, несколько алтын, — сказала Ирина. — Есть только у Макарушки. Он копит и прячет в казенке под замок.

— Сколько там?

— А я знаю?

— Показывай — где казенка?

Белкин вытащил из-за пояса кинжал, сбил замок и открыл дверцу, окованную железом. На полке лежало шесть мешочков из парусины, набитых копейками.

— Да тут целое богатство! — воскликнул он. — Не меньше, чем шестьдесят рублей! Заберем их себе. Твой Макарушка еще накопит.

Ирина принесла большую сумку. Белкин сложил в нее мешочки, попробовал приподнять и сказал:

— Мне не донести враз четыре пуда. Придется поделить на две части.

С половиной денег и платьями Белкин и беглянка пришли на судно. Поместив Ирину в каюте, он сказал:

— Сиди и носа не высовывай. А я схожу с холопом за остатком.

3

Князя Белкина не тяготил долгий путь до Сургута. В каюте, подготовленной для совместного путешествия с Ириной, он чувствовал себя наверху блаженства, нисколько не думая о предстоящей службе. Просыпаясь утром, он ковшом зачерпывал из бочки греческое вино, разливал его в кубки, подавал в постель спутнице, пил сам, и уже во хмелю они выходили на палубу, где их ожидал стол с разными кушаньями.

Насытившись, полюбовавшись живописными берегами, они возвращались в уютное гнездо, миловались, затем снова садились за стол, пили и ели и опять уходили, чтобы нырнуть в постель. И так повторялось до вечера.

На исходе дня все суда приставали к берегу для ночлега, где вспыхивали костры и служилые люди готовили пищу.

Белкин, запретив Ирине покидать каюту, шел к кострам, чтобы узнать, о чем говорят люди, и выискать что-либо полезное для себя.

В караване дощаников, по воле случая, ехал служилый сургутский казак Сидорко Юдин, а с ним Ивашко Васильев, бывший палач в Тюмени, сбежавший оттуда в Тобольск.

Узнав, что Юдин из Сургута, Белкин стал расспрашивать его — куда и зачем был послан и что за человек находится при нем. Сидорко разъяснил:

— Этот палач у меня в кабале. Я дал ему займы рубль, а он до сего времени не может рассчитаться. Потому и везу его в Сургут, где, будучи в холопах, он будет отрабатывать свой долг.

Белкин не раздумывая вытащил из кармана бархатный мешочек, отсчитал сто копеек и сказал:

— Я выкупаю палача. Теперь он будет молотить на меня.

Сидорко Юдин, довольный тем, что вернул свои деньги, высказал воеводе несколько хвалебных слов о красоте его спутницы и сказал, что видел в Нарыме подобную красавицу Анютку.

Белкин заинтересовался таким известием и тут же сказал:

— Как только доедем до Сургута, сразу отправишься за Анюткой. Если привезешь ее, то щедро награжу.

Однако Белкина интересовали не только разговоры служилых людей. Его основной целью стал мулла из Бухары, у которого была юная, красивая жена татарка Кузака. Он непременно подходил к его костру, заводил разговоры о пророке Магомете, делал вид поклонника магометанской веры и интересовался — много ли сибирских людей обращено в ислам в результате его миссии. Бухарец охотно пускался в пространные сказы и рассуждения, а Белкин, поглядывая в сторону Кузаки, ловил ее взгляды, подмаргивал и задавался вопросом: «Как же выкрасть ее у муллы?»

4

Воевода Пушкин был озлоблен. Сразу после приезда в Сургут навалилась целая гора неотложных дел, а помощника все не было. Со всех волостей уезда стали приезжать челобитчики. Они жаловались на то, что бывшие воеводы Безобразов и Шишкин переписали всех стариков, калек безногих и безруких, детишек и правожом изымали за них ясак, кото-

рый ныне платить немочно. Они говорили, что из-за ямской повинности нет времени ни на лешевание, ни для рыбной ловли. А без рыбы наступил великий голод. Все собаки передохли, а люди едят человечину. Поэтому недобор соболей будет тоже великим. Они просили воеводу отписать обо всем в Москву, чтобы у царя волос дыбом стал.

Когда в середине августа прибыл Белкин, Пушкин набросился на него.

— Где тебя черти носили?! Тут день и ночь нужно работать, чтобы управиться! Закатывай рукава и немедля приступай к делам!

— И не подумаю, — невозмутимо ответил Белкин. — Сам управляйся. А мне нужно сначала позаботиться о дворовых людях, да и о себе тоже. Чем кричать, скажи — где нам разместиться?

Пушкин втянул голову в плечи, сдвинул густые брови и сказал:

— Для твоих холопов есть два пустых дома на посаде. А для тебя — наши общие хоромы.

Белкин презрительно улыбнулся.

— Знаешь, на кого ты похож сейчас, любезный Никита Евстафьевич? На бодливого быка! Я хочу жить не с тобой в хоромах, а со своими людьми. Если ничего подходящего нет, то буду строиться.

Пушкин махнул рукой, матерно выругался и пошел проследить за разгрузкой хлебных запасов. Там к нему подоспел человек Белкина и вручил отписку Трубецкого. Прочитав ее, Пушкин опять выругался и произнес вслух:

— Не головой, а задницей думают в Тобольске! Никто не сообразит в именные списки заглянуть! Где я еще возьму людей для рассылок?

— Ты что, Никита Евстафьевич, ругаешься, да сам с собой? — спросил его Афанасьев, который стоял поблизости. — Плюнь ты на Белкина. Когда надо, я помогу.

— Спасибо, братец. Тогда вместе с казначеем присмотри за разгрузкой дощаников, чтобы не было воровства и все попало в житницы.

Рассерженный, Пушкин пошел в съезжую избу диктовать подьячему Офоне Кондакову отписки — одну Трубецкому, другую — царю.

А в это время Белкин уже осматривал дома, расположенные внутри острога вдоль крепостной стены. Выбрав два из них, стоящих рядом, он приказал постояльцам немедленно выметаться из них в дома на посаде. Жильцы не стали возражать, так как в городе можно было иметь огород для выращивания зелени и репы и держать скотину.

Белкину хотелось поскорее упрятать Ирину. Поэтому он не стал медлить. Он переделал ее в мужскую одежду, привел в дом и поселил в одной из дальних комнат. Затем он занялся перестройкой строений на свой лад. Однако среди холопов, способных плотничать, у него было всего три человека. По-

размыслив, Белкин вышел в город и стал обходить дворы. Двух человек он нашел, но посчитал, что нужны еще люди и, вернувшись в острог, решил заглянуть в тюрьму — нет ли там провинившихся стрельцов или ремесленников.

У тюрьмы расхаживали трое караульщиков, поглядывая на окна с решетками.

— Не много ли вас тут? Может, и одного хватило бы? — спросил Белкин.

— Так велел воевода Пушкин, — ответил старший по караулу.

— Какие же сидельцы заслужили такую стражу?

— Опасные преступники ссыльные Михейко Новиков и Дениско Тотарин, беглые люди боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского, спасшего Русь от поляков. И еще шесть человек ссыльных, ожидающих царского указа.

— А сургутские люди есть?

— Есть. Аманаты из волостей, посаженные за недобор ясака, да уличенный в воровстве казак Михалко Леонтьев, устроивший в пьяном виде драку в караульной избе.

— Остякам надобно добывать соболей, а не проедать здесь государевы харчи, — сказал Белкин. — Отпусти их. Пусть едут по своим юртам.

— Никак не могу. Мне приказано Пушкиным стеречь их крепко, — возразил караульный.

— А кто посадил казака?

— Пушкин посадил.

— Отпусти его.

— Не могу, пока Пушкин не скажет.

— Что ты заладил — Пушкин да Пушкин! Я тоже воевода! А потому забираю из тюрьмы Михалку для государевой острожной работы, чтобы он даром полбу не хлебал. Живо приведи его ко мне.

Караульный вынужден был выполнить приказание.

Леонтьеву Белкин сказал:

— Если будешь работать на меня со старанием и делать все по моим наказам, то в тюрьму не вернешься.

Хлопоты по устройству жилья не отвратили Белкина от намерения завладеть женою муллы, который не сегодня, так завтра продолжит свой миссионерский путь. Нельзя было терять ни единого часа. Выяснив, который из атаманов приписан к нему по службе, он пустился в розыски Богдана Сидоровича Зубакина, которого и там и тут служилые люди только что видели, но не знали, куда ушел. Тогда Белкин постучал в дверь его дома.

На крыльцо вышла жена атамана Катерина. Тот, кто помнил красивую молодую женщину, прибывшую в Сургут более двадцати лет назад, мог бы сказать, что с возрастом она не потеряла былой привлекательности.

Завораживающими миндалевидными карими глазами она как бы заглядывала вглубь собеседника, угадывая его мысли.

— Мужа дома нет. Он на службе, — сказала она приятным певучим голосом.

— Откровенно говоря, это даже к лучшему. В моем необычном деле мне может помочь только такая обворожительная женщина, как ты, — польстил Белкин и подумал: «Была бы она помоложе...»

Комплимент пришелся по вкусу Катерине. Она с интересом выслушала романтическую историю Белкина о вечерах у пылающего костра престарелого муллы, где он и молодая татарка Кузака тайно обменивались жаркими взглядами.

— Завтра она уедет, и я никогда больше ее не увижу! — с отчаяньем в голосе произнес Белкин.

— Я могу чем-то помочь? — спросила Катерина.

— Несомненно, можешь! Я был бы очень благодарен, если бы ты уговорами увела ее с ладьи, спрятала у себя, а когда бухарец уедет, привела бы ко мне.

От Зубакина не удалось утаить посещение его дома воеводой, и Катерина вынуждена была рассказать о цели прихода и просьбе Белкина.

Вначале Зубакин воспротивился затее, но Катерине удалось изменить его мнение, когда сказала:

— Зачем тебе портить отношения с новым начальством из-за какого-то иноземного старикашки? Не от нас, а от самой татарки зависит ее судьба. А твоя услуга воеводе зачтется.

— Хорошо, — согласился Зубакин. — Тогда ты не должна похищать татарку в одиночку. Это опасно. Поступим так... Я выманю муллу на берег и уведу, а ты сделаешь свое дело.

Утром ни свет ни заря к Пушкину запросился бухарец. Плачущим голосом он пожаловался:

— Кто-то ночью украл у меня жену. Вечером она легла со мной в постель, а когда я проснулся — ее уже не было. Искал, искал и не нашел. А мне ведь завтра на Томск плыть. Что делать?

— Попробуем найти, — неуверенно пообещал Пушкин и позвал к себе атаманов.

— У меня вообще не осталось служилых — ни для сыска, ни для чего, — сказал Зубакин. — Казаки, которые поехали с соболиной казной, еще не вернулись из Москвы. Часть людей отослана на Ямыш-озеро за солью. Сорок человек уехали годовальщиками на Кеть и в Томск. По шесть человек я посадил на каждый дощаник, которые везут на Енисей хлебные запа-

сы. Это еще тридцать шесть человек. Да отдал им последних семь на подмогу, чтобы успели к месту, не вмерзнув в лед. Теперь я атаман без войска. Пойду искать сам, — и добавил невзначай: — Прошел слух, будто ночью мимо Сургута проплыли на калданках татары.

— У меня тоже нет людей, — заявил Тугарин. — На весь острог осталось двадцать шесть человек. Я поделил их пополам и поставил караулить по двенадцать часов беспеременно и днем, и ночью. Десять человек караулят у ворот и житниц, а три человека у тюрьмы. Кстати, воевода Белкин приказывал отпустить всех остяков, но караульщики его не послушались. Тогда он забрал к себе на двор вора Михалку Леонтьева.

— Как так забрал?! — возмутился Пушкин.

— Забрал, да и все. Он же воевода.

— Ну, я еще доберусь до этого бездельника!

В конце дня Зубакин пришел и доложил:

— Обыскались мы с Тугариным, все ноги избили, но не нашли татарку.

А утром опечаленный бухарский мулла покинул Сургут, примкнув к каравану дощаников. На прощание Пушкин сказал ему:

— Я думаю, что жену твою татары украли.

5

В сентябре Белкин полностью закончил строительство. Оба дома он соединил проходной галереей, чтобы слуги были всегда под рукой. Не желая обедать у Пушкина и желая видеть за своим столом Ирину и Кузаку, он пристроил поварню с галереей, ведущей в прихожую, поставил мыльню, чтобы не ходить в городскую баню, сделав к ней черный выход из хором. Спальни он оборудовал две. Одну для себя, а другую — общую для женщин, которым запретил выходить из дома.

Ирине и Кузаке Белкин заявил, что при первой возможности отправит их на Русь, в свое поместье, где они будут чувствовать себя свободно и общаться с кем захотят. А пока — нельзя привлекать внимание людей, и если кто-то будет их искать, то следует спрятаться под лавкой в казенке.

Чтобы женщины не заскучали от безделья, Белкин сам сходил на рынок и купил у бухарских купцов всяких материй и ниток:

— Шейте рубахи и вышивайте, — сказал он им, вывалив на кровать покупки.

Белкин был доволен, что все его затеи прошли гладко, без огласки, что в доме установилась тихая мирная жизнь, что затворницы не ссорились и по очереди делили с ним постель. А бывало, что спали и втроем.

Но вскоре начались семейные неурядицы.

Белкин уже и забыл о поручении Сидорке Юдину привезти ему из Нарыма Анютку. Но тот не забыл об обещанном вознаграждении и, преодолев туда и обратно трудности шестиверстного расстояния, успел вернуться в Сургут в октябре, накануне ледостава.

Появление в доме Анютки вызвало яростное сопротивление Ирины. Она потребовала, чтобы ту немедленно увезли обратно и вернули кузнецкому казаку Федьке Васильеву.

— Для меня это полная неожиданность, — оправдывался Белкин. — Теперь придется потерпеть до весны, когда вскрыется Обь. А пока она будет заниматься хозяйством и прислуживать вам обеим.

— Я что — дура? Тебе мало меня и Кузаки? — возмутилась Ирина. — Не можешь отправить в Нарым, так отдай ее кому-нибудь здесь. А пока она будет в доме — ко мне не прикасайся!

— И ко мне тоже, — неуверенно поддержала ее Кузака.

— У меня бабий бунт! — сказал Белкин и расхохотался.

Но вскоре ему стало не до смеха. Ирина держала слово. Белкин ломал голову, как ее утихомирить, обеспокоившись тем, что она вдруг стала вспоминать и говорить о своем Макарушке.

Вездесущий человек Белкина Ефимко Петров, видя, как изнывает его хозяин, посоветовал:

— Нужно разузнать — нет ли в волости шамана или колдуна, или бабки какой, которые из трав и кореньев варят приворотное зелье.

— Вот ты и разузнай, — обрадованно сказал Белкин. — Ходи по дворам да расспрашивай. Не может быть, чтобы во всей округе ни одного колдуна или ведьмы не нашлось.

Пока Ефимка более месяца был занят безуспешными поисками ворожеи или колдуна, посетив даже городки князя Барса и исколесив при этом по лесным тропам не менее ста верст верхом на лошади, в Сургут из Москвы вернулись казаки, которые сопровождали соболиную казну. А среди них был Иван Бесперстов, который в свое время тоже имел интерес к приворотному зелью и раздобыл в Нарыме коренья. Но случилось так, что судьба свела с ним Ефимку только в феврале.

А все это время в доме шла скрытая война. Ирина проявляла твердость, отвергала Анютку и избегала Белкина. А податливая Кузака быстро приспособилась к новым условиям.

В ожидании весны Белкин часто совершал конные прогулки с холопами, Митькой и Ефимкой. Он им говорил:

— Лошади и бабы — это главное для любого мужика.

А Анютку он пристроил в казенке и иногда захаживал к ней перед сном.

Приближалось время Рождества Христова.

Черный поп Илинарх сказал белому попу Дмитрию Тарасьеву:

— Надо присмотреть за горожанами. Скоро наступит первый день святок, и начнутся языческие бесовские игрища. Призови прихожан на молебен и прочитай проповедь, что христианство не приемлет богопротивных увеселений.

— Проведу, конечно, богослужение, но и оно не поможет. Велик соблазн к греховным деяниям, — ответил поп.

Неуемный Илинарх вернулся в Троицкую церковь и сказал просфирнице Пелагеице:

— Сходи да посмотри, милая, чем люди заняты, и меня в известность поставь.

Пелагеица обошла дворы и узнала, что кто-то по ночам кур и гусей ворует, а у Кайдалихи поросенок пропал. А по дворам уже стога из соломы поставлены, чтобы поджигать их — для приглашения умершим родственникам погреться у костра. Когда же она возвращалась в церковь Живоначальной Пресвятой Троицы, то заметила, что в крепостной стене острога брешь пробита, и через ту дырку пролазят люди воеводы Белкина.

Обеспокоенная Пелагеица не пошла к Илинарху, а сразу отправилась к воеводе Пушкину, сказав караульным, что она по государеву делу.

Пушкин выслушал просфирницу, попросил пока помалкивать и позвал целовальников Гришу Моржа и Степанку Косолапа.

— Сходите, братцы, да посмотрите, зачем люди Белкина ходят на город через дыру и каково повреждение острожной стены.

Целовальники выполнили наказ, вернулись и доложили:

— У ограды выломаны пазушины и меж углов переколочены доски и лестницы поставлены. А на город ходят люди ряженные, в звериных масках, и гусей воруют.

Утром Пушкин созвал к себе людей — атамана Тугарина, подьячих, попа Илинарха с дьячком и своих дворовых — Федьку Константинова и холопа Воина — и повел их к дырке в крепостной стене.

Белкин выскочил из дома, а за ним его холопы, Митька Тютчев и Ефимка Петров, которые тут же собою заслонили брешь.

— Что за изменное дело вами затеяно? — грозно спросил воевода. — На башнях пушки стоят для защиты крепости, а вы для лазутчиков дырки проделываете.

— На святках всем бесам свобода, — ехидно сказал Ефимка из-за спины Белкина.

— Зови сюда стражу! — приказал Пушкин Кондакову. — Закуем этих бесов в кандалы и бросим в тюрьму! Запомнят они святки!

— Не посмеешь! — закричал Белкин.

— Еще как посмею!

— А я не позволю! Не указ ты мне!

— А вот и указ! Я тут начальник, а не ты!

— А я не признаю начальников, которые ниже меня по знатности рода! Ты мне в холопы годишься!

— Что ты сказал? — глухо выдохнул Пушкин.

— Что слышал! Зря Годунов не извел твой род, мать твою! Мало вас, Пушкиных, гноили по тюрьмам и ссылкам!

— Ах ты, сучий выкормыш! — с презрением сказал Пушкин и приказал подоспевшим караульщикам: — Вяжите этого бешеного пса!

Однако Белкин опередил их. Разъяренный, он бросился на воеводу, но Пушкин мгновенно выбросил навстречу правую руку, и Белкин напоролся на удар кулака-кувалды. С выбитой челюстью он отлетел к стене и потерял сознание.

— Оставьте его, — сказал Пушкин стражникам. — Пусть им займутся холопы и отнесут в дом. Может, поумнеет Богдашка и хвост подожмет? — и обратился к Тугарину: — Найди плотников, чтобы заделали дыру досками и оббили железом.

7

У Белкина распухла щека и очень болела скула. Жевать он не мог и поэтому постоянно полоскал рот брагой, чтобы заглушить боль. После полоскания он ее глотал и запивал вином или медами. Анютка, жалеючи, приготавливала ему поесть что-нибудь жиденькое или протертое. И это перед Рождеством, когда на столе будет блюдо с запеченным гусем!

Белкина душили злоба и ненависть. А тут с Руси приехал к нему брат Кирилка. Из Тобольска он добирался прямым путем на нартах через Салым и Балык, желая попасть в Сургут к Рождеству.

— У тебя во дворе остяк, которого я силой заставил меня везти, — сказал Кирилл. — Он ждет, чтобы его накормили и дали корму на обратную дорогу. Гони его со двора.

— Сейчас он побежит жаловаться Пушкину, — сказал Белкин. — Пусть жалуется! Мне теперь все равно.

Он позвал Ефимку и велел прогнать остяка, посоветовав, чтобы искал корм у пригородных собратьев.

— Сказывай, какими новостями богат? — спросил Белкин.

— Есть худая новость. Почему я и поспешал, — сказал Кирилл. — Из Тобольска должна прийти отписка в Сургут. Ненароком своими ушами слышал, как стрелец Макарка Ортемьев бил челом архиепископу Макарею да воеводе князю Ондрею Ондреевичю Хованскому, что, пока он был на службе у соли, ты подговорил и свез к себе жену его Иринку, а с нею, с живота его, платия и денег на шестьдесят рублей. А отписать они хотят Пушкину, чтобы он ту женку Макарову от тебя вынул, согнав к тебе на двор атаманов, попов и дьяков, и служилых, и посадских, и торговых людей — сколько человек пригоже.

От такой новости Белкина в жар бросило, даже о больной скуле забыл.

— Нужно немедля увозить Иринку и Кузаку в поместье, — сказал он. — Но как это сделать?

— Теперь не получится. Сам на себе испытал тяжесть зимнего пути. Сгинут бабы в дороге, — сказал Кирилл. — Что-то иное надобно придумать.

— Можно по зимнику отписку царю отправить с моим человеком. Вдруг он успеет вернуться до мая с царской грамотой, опередив отписку из Тобольска, — высказал мысль Белкин. — А царю отпишу, что Пушкин избил меня до полусмерти, что служить с ним немочно, боюсь новых побоев за правду, и прошу отозвать меня в Москву.

— Сомнительно, что будет такая грамота и в срок, — возразил Кирилл. — Иной есть выход — избавиться от Пушкина.

— Он первый воевода, а я только помощник. Как от него избавишься?

— Найди способ убить его.

Белкин призадумался, потер скулу и сказал:

— Наверное, другого выхода нет. Поразмыслю над этим. Но царю я все же отпишу.

Вместе с братом они сочинили жалобу на Пушкина, обвинив его в воровстве, за что будто бы и пострадал Белкин, и отправили ее не только в Москву, но и воеводе Хованскому в Тобольск.

8

На следующий день после приезда Кирилла в съезжую избу пришел остяк Тырмаско Бардаковой волости с жалобой. Он рассказал, что ехали из Тобольска в Сургут люди Белкина два человека, а привез их к нему без подорожной в Матокины юрты остяк Милко Пунсеев из Салымской волости.

— И те люди переклали свои постели и запасы на мои нартишки, — говорил Тырмас. — А потом один человек на нарты лег. А я ему говорю: «Мы люди бедные и голодны, и собаки голодны и худы, а конных подвод у нас нет, нарты тянем под запасы, а людей не возим». Тогда человек, что на нарты лег, говорит: «Я брат воеводы Белкина, зовут меня Кириллом, а

ноги у меня больны. Если не повезешь, то быть тебе битую и в тюрьме сидеть». И я четыре собачонки впряг, да и сам тянул, и тянуть не смог, и они меня на дороге хотели убить. И тех людей я все же привез в Сургут на Богдана Белкина двор и просил меня накормить да корму дать на обратную дорогу до юрт. Но Белкин велел меня со двора збить. Потому прошу пожалеть меня сироту и велеть Богдану заплатить за подводу.

Пушкин молча, нахмутив лоб, выслушал остяка.

— Воровская семья. Им бы только животы бедного люда грабить, — сказал он и, глядя на толмача Парабельского, велел: — Возьми из моей поварни харчи и накорми его. А корма на дорогу дадим из государевой житницы. Тебе же, Офоня, — обратился он к подьячему Кондакову, — нужно составить челобитную от остяка. Потом я подклею ее к своей отписке государю царю. Напиши, что прошу разрешить удержать из жалованья Белкина все расходы и оплатить Тырмасу за подводу. Заодно, вместе с Афанасьевым, подготовьте челобитные обо всех бесчинствах Белкина — о том, как забрал к себе из тюрьмы вора и хотел отпустить аманатов, как дырку в острожной стене проделал, и прочее. Если вдруг какая поруха случится по его вине, то не попасть бы мне в опалу.

А в это время, таясь в стороне, не спускал глаз со съезжей избы человек Белкина, Ефимка Петров.

9

Нет ничего хуже ожидания, когда знаешь, что грядут неприятности, но не знаешь дня и часа их прихода. Тогда и праздники не в радость, хотя в них самих заключено хмельное избавление от назойливых мыслей.

Застолье в доме Белкина началось в день Рождества Христова и не прекращалось до Крещения Господня, а затем продолжалось до Сретения Господня, и далее — до Великого поста. Так незаметно, в хмельном угаре, пролетало время. Холопы тешили себя и господ игрою на свирелях и гуслях, но часто запевали одну и ту же заунывную песню:

Как проходит, братцы, лето теплое,

Настает, братцы, зима холодная,

А платье у нас ветхое, все истасканное...

Белкина раздражал этот запев и он всякий раз кричал:

— Заткнитесь, братцы! А не то во двор выгоню!

А во двор никто не хотел носа высовывать. Стужа стояла великая. Однако стоило морозу поубавиться — и наружу вырывались из дома холопы, словно стая голодных псов. Тогда у посадских людей снова пропадали из клетей куры и гуси.

Можно сказать, что в день Сретения, 15 февраля, Ефимку Петрова и казака Ивана Бесперстова, имеющего интерес к приворотному зелью, судьба свела с помощью курицы. Ефимка уже собирался забраться в чужую клеть, как из нее вышел Иван с курицей в руках.

Ефимка опешил и спросил:

— Ты что — украл эту птичку?

— Нет — она моя, из моей клетки, — ответил Иван. — А что ты делаешь у моего двора?

— Так, прогуливаюсь. Продай курицу.

— Не могу. Я ее несу в храм.

— Это по какому поводу?

— А ты не знаешь? Сегодня же сороковой день рождения Христа. Нужно отнести голубя. Но где его взять? Поэтому хочу курицей отблагодарить Господа, что помог приворотным зельем обрести любимую девицу.

Ефимка от неожиданности раззявил рот и вцепился в руку казака. Но тот вырвался, отпрянул и сказал:

— Курицу не отдам!

— Не нужна мне твоя птица! Меня зелье интересует. Где его взять?

— У меня есть, — сказал Бесперстов. — Я в Нарыме у колдуна коренья купил.

Наконец-то Ефимка нашел то, что два месяца искал.

Белкин был рад зелью, так как накануне Ирина заявила, что когда придут ее вынимать, то сама выйдет к людям. И это несмотря на то, что Анютка уже была отправлена к своему мужу на попутной оленьей упряжке.

10

Пришло время, когда весна с зимою прощается. Все радовались весне, кроме Белкина. Вскроется в мае ото льда Обь — и поедут из Тобольска гонцы с отписками. Одна из них придет в Сургут от архиепископа Макария и воеводы Хованского. Злоба душила неукротимого князя. Он ненавидел всех, кто хотел отобрать у него Ирину, но более всего кипела ненависть к Пушкину. В нем он видел главное препятствие своим задумкам и планам.

Белкин призвал в горницу холопов и сказал:

— Скоро из Тобольска поступит наказ вынуть от меня Ирину. Вы уж порадейте, братцы, вашему хозяину в его горе. С сего дня ходите при оружии, не расставайтесь с сабельками и пищалями. А как Пушкин придет во двор со служилыми казаками да иною братией, то вы мимо всех расстреляйте в упор Микитку. Да не бойтесь — вину возьму перед царем на себя и отговорюсь за всех.

Когда холопы ушли, чтобы приготовить к бою пищали и навесить к поясам сабли, брат Белкина Кирилл сказал:

— Одно дело сделано, но этого недостаточно. Лучше будет, если Пушкин вообще сюда не придет. Его нужно бы устранить загодя, поручив это подходящему для убийства человеку.

— Есть у меня такой человек. Он был палачом в Тюмени, — сказал Белкин.

— Зови его.

Ивашка Васильев, который уже десятый месяц был в кабале у Белкина, отработывая рубль его выкупа у Сидорки Юдина, еще не только не рассчитался с долгом, но по счету хозяина даже задолжал сверх того рубля. Он изнывал, желая свободы, и ради нее готов был выполнять любую работу.

Белкин сказал ему:

— Будучи палачом, ты немало людей лишил жизни. Поэтому тебе не в новость убить еще одного. За такую услугу прощу твои долги и отпущу на волю.

— Я понимаю так, что ты предлагаешь убить воеводу Пушкина? — спросил догадливый Ивашка.

— Правильно понимаешь. Но чтобы тебя не повесили, а с меня снять подозрение, убьешь его из остяцкого лука. Пусть думают, что убит он тем остяком, пометка которого есть на стреле. Такой лук получишь к утру от Ефимки.

— Хорошо. Я согласен. Только выпусти меня со двора, чтобы высмотреть место в остроге, с которого буду стрелять, — сказал Ивашка не моргнув глазом.

По зову Белкина явился Ефимка и получил наказ:

— Ивашку можешь выпустить со двора, а сам добудь для него остяцкий лук с помеченной стрелой.

Ефимка осклабился, понимающе кивнул головой и, наигранно изогнувшись, указал Ивашке рукою на дверь.

— Вот и запущена остяцкая стрела, — удовлетворенно сказал Кирилл.

Теперь остается только ждать, когда она долетит до цели. Однако потом следует пристукнуть и палача. Тогда и концы в воду вместе с ним.

Повеселев, братья велели принести бражки для расслабления нервов и пили до утра. Они не могли и подумать, что бывший палач ловко провел их, не собираясь совершать убийства.

Пока Белкин и Кирилл бражничали, подговоренный ими убийца походил для вида по острогу, убедился, что никто за ним не подглядывает, и незаметно юркнул в караульную избу.

Старший караульный казак Колпашник был удивлен появлением в час ночи незнакомого посетителя, заявившего, что к воеводе Пушкину у него срочное государево дело, которое нельзя отложить до утра.

Поскольку дело было названо государевым, да еще срочным, то по такому случаю мешкать запрещалось. Поэтому тут же в съезжую избу был послан казак Обросим, чтобы поставить в известность ночного дежурного.

Подьячий Афанасьев, дежуривший в эту ночь, велел привести к нему доселе незнакомого человека, назвавшегося Ивашкой Васильевым.

— Кто ты таков и почему я тебя не знаю? — спросил Афанасьев.

— Это немудрено, что не знаешь. Я десять месяцев молот под замком у князя Белкина, выкупившего меня за рубль у казака Сидорки Юдина.

— Да, это наш сургутский казак. Как же ты попал к нему в кабалу?

— Долгая история, — замялся Ивашка. — Если воевода Пушкин спросит, то расскажу.

— Обязательно спросит, — заверил Афанасьев. — А что у тебя за государево дело?

— Это дело изменное, касаемое князя Белкина. Я могу о нем сказать только лично Пушкину, несмотря на неурочный час.

— Поверю твоему слову, — сказал Афанасьев и послал Обросима за атаманом Тугариным.

— Ты что, братец, умом тронулся — будить и призывать среди ночи человека с больной ногой? — упрекнул Тугарин. — Что за срочные дела такие?

— Да вот пришел человек и говорит, что нельзя даже до утра ждать. А известить он может только лично воеводу. Придется тебе разбудить Пушкина и сказать ему, что дело изменное и касается Белкина.

Тугарин недовольно поморщился и спросил Ивашку:

— Может, скажешь нам — в чем суть измены?

Но Ивашка был непреклонен.

— Ну, смотрите — пеняйте потом на себя, братцы, если дело того не стоит, — пригрозил Тугарин. — Напорюсь я сейчас на матерные слова. А к чему мне это теперь, когда в отставку хочу подать прошение?

Через час в съезжую избу пришел Пушкин, одетый, как и днем, в нарядный кафтан длиною до колен, в меховых узорчатых сапогах, с кинжалом за поясом и саблей под полою. Он был бодр и не в претензии, что его ночью подняли с постели.

Пушкин сел в кресло, поставил перед собою нарушителя спокойствия и сказал:

— Я так понял, что ты хотел говорить только со мной. В чем такая необходимость? Говори при этих людях. Я им доверяю.

— Князь воевода Белкин приказал мне убить тебя из остяцкого лука помеченной стрелой сегодня утром, — выпалил Ивашка.

Наступила гробовая тишина. Никто не ожидал такого поворота дела.

А Ивашка продолжил:

— Еще он вооружил своих людей, чтобы расстрелять тебя в упор, если явишься к нему во двор изымать подговорных женок.

— Каких женок? — удивился Пушкин.

— А ты не знаешь? Иринку, которую он увез от тобольского стрельца Макарки, да Кузаку бухаретина муллы. Он узнал об отписке, которую ты получишь от воеводы Хованского и архиепископа Макария с наказом вынуть от Белкина Иринку. Потому хочет загодя тебя убить. А я сошел со двора, чтоб не участвовать в убийстве и в том деле не погинуть, и пришел на караул.

— Ну, дела-а... — изумился Пушкин. — Оказывается, Белкин не только вор, но еще блудник и убийца. Но как он мог узнать об отписке, о которой я не знаю?

— Его известил брат Кирилл, прибывший на нартах из Тобольска.

— Есть у меня жалоба остяка на этого Кирилла. Такой же выродок, как и Белкин. А тебе, братец, моя благодарность. Уберег меня ныне от смерти, — сказал Пушкин и, подумав, добавил: — Пока спрячем тебя от мести, а по первой оказии отправим в Тобольск к воеводе, которому повторишь сказанное.

— Спрятать можно у меня, — сказал Афанасьев. — А для охраны, Никита Евстафьевич, дай своих людей.

Жил Ивашка у Афанасьева недолго. В конце мая Пушкин отправил его на судне торгового человека Мосейки Ортемьева с тобольскими служилыми людьми, приставив своего человека Федьку Константинова.

11

Ефимка раздобыл остяцкий лук и утром предстал перед братьями.

— Пропал Ивашка, — сказал Белкин, — обыскались везде. Может, уже донес Пушкину на нас? Ты, Ефимка, его сыщи и пристрели из этого лука. Вдруг он где-то схоронился и еще с доносом не успел.

Теперь Белкин сам решил разузнать — ведомо или неведомо Пушкину об Иринке и его затее убийства? Кроме того, он надеялся перехватить отписку архиепископа и тобольского воеводы.

Подождав до полудня известия от Ефимки и не дождавшись, Белкин отправился в съезжую избу. Приветливо раскланявшись с подьячими, он неожиданно для них проявил рвение к служебным делам, потребовав для ознакомления все указы и отписки за время его службы.

Афанасьева подмывало спросить, что Белкин подразумевает под службой, если ее не было, но промолчал.

Подьячие выложили перед Белкиным часть бумаг, после чего Афанасьев сослался на неотложное дело и вышел из избы. Он тут же разыскал Пушкина и сказал ему:

— Явился Белкин и копается в отписках. Думаю, что он еще что-то затевает. О пропаже Ивашки Васильева — ни гу-гу.

— Я знаю, чего он хочет, — сказал Пушкин. — Он проверяет — был ли на него донос? Так ты и Кондаков виду не подавайте. А я сегодня подпишу приказ об устранении его от дел за изменные действия против государя в порче острожной стены. Он ведь хочет и отписку из Тобольска выкрасть, когда она поступит. С сего дня хранение всех бумаг будет под одной моей печатью. Также опечатаю житницы, амбары, погреба и соболиную казну, чтобы он какой порухи не учинил. И об этом мы немедля отпишем царю. Если захочет, пусть жалуется, а я попрошу воеводу Хованского назначить сыск.

На следующий день, когда Белкин пришел в съезжую избу, Афанасьев ему заявил, что он отстранен Пушкиным от дел и все бумаги, и государственные хранилища теперь под одной печатью.

Разъяренный Белкин ушел домой с намерением бить челом государю, обмарав, как только можно, своего обидчика.

Теперь все его мысли были только о том, как уберечь для себя Ирину.

Уже не раздумывая, он влил в любимый ею клюквенный напиток отвар из кореньев.

Через несколько часов после выпитого напитка Ирина почувствовала недомогание, затем сильное головокружение и, придерживаясь стен, кое-как добралась до постели. Прележав в забытьи до утра следующего дня, она попыталась встать, но силы оставили ее.

— Что за зелье ты принес? — спросил Белкин Ефимку. — Иринке совсем худо.

— Казак, у которого куплены коренья, говорил, что кому он давал — были довольны. Быть может, это поначалу ей не по нутру, а завтра станет лучше, — предположил Ефимка.

Но Ирине не стало лучше ни завтра, ни через неделю. С каждым днем ее тело увеличивалось в объеме, как тесто от закваски. Лицо у нее распухло и изменилось до неузнаваемости, а живот выперся, как на сносях.

Белкина охватило отчаянье. Он опустился на колени перед Ириной и стал натирать ее мазью. Плача, он позвал Митьку Тютчева и сказал ему:

— Походи по дворам, найди знахарку и приведи сюда.

Через некоторое время Митька вернулся с казачьей женой Оксюткой Кайдалихой.

Оксютка сразу поинтересовалась:

— Чем, князюшка, мажешь ей рожу, груди и брюхо?

— Деревянным маслом. А иного снадобья у меня нет. Если ты знаешь, чем ей пособить, то челом бью — лечи. За то пожалую тебя всем, что пожелаешь.

— Митька сказывал, что кореньями ты ее опоил. Значит, вся порча от брюха идет. Не рожу, а живот надо мазать. Для того я медвежью желчь принесла, — со знанием дела сказала Кайдалиха.

Но и медвежья желчь не помогла.

На следующий день Белкин сказал Митьке:

— Надо бы помыть Иринку, а то от нее уже воняет. Приведи какую-нибудь бабу, чтобы в мыльню с нею пошла.

Митька сходил и вернулся один.

— Уговаривал я Оринку Дорошкину, но отказ получил, — сказал он.

— А ты сходи к казаку, который ядовитыми кореньями беду навел. Пусть он уговорит, а не то в тюрьме ему сидеть.

Уже смеркалось, когда пришла Оринка. Митька и Ефимка сразу на руках отнесли Ирину в мыльню. Но она не дала снять с себя рубаху и велела вынести вон из бани, сказав Оринке, чтобы та рукою смазала ей брюхо коровьим маслом.

После всех неудач Белкин затаился от своих людей, чтобы не видели его мучений, и сам выносил Ирину во двор по нужде, носил в мыльню и мыл.

А Кузаку, чтобы не путалась под ногами, он засадил шить ему кафтан из собольих пупков.

Ему казалось, что мытарствам не будет конца, и заглушал свои страдания хмельным питием.

12

Однажды, когда Белкин, будучи во хмелю, собрался вместе с Кузакой отнести в мыльню Ирину, чтобы попариться всем вместе, со двора вдруг донесся гвалт людей. Он выглянул в окно и увидел большую толпу. Там был черный поп Илиарх, целовальники Михалко Колмогорец да Вторушка Иванов, атаман Тугарин Федоров с десятником Ивашкой Арапом и служилыми казаками, а также торговые люди. А впереди выступал подьячий Офоня Кондаков.

— Во какую ораву пригнал Пушкин! А сам убоился прийти, — сказал Белкин подоспевшему Кириллу с холопами. — Готовьте к бою пищали, братцы, и вынимайте из чехлов сабли. — А Кузаке велел: — Уволоки из горницы Ирину, и спрячьтесь с нею в казенке под лавкой.

Положив руку на рукоять сабли, распахнув двери, Белкин вышел на крыльцо. За ним выстроились холопы, ощерившись дулами пищалей. А по бокам с обнаженными саблями стали Митька Тютчев и Ефимка Петров.

— Какого черта, мать вашу... вы не спросясь приперлись на мой двор?!
— выкрикнул Белкин.

— Не изволь гневаться, Богдан Иванович, — обратился к нему Кондаков. — Не по своей воле мы пришли, а по наказу воеводы Хованского да архиепископа Макария, чтобы вынуть от тебя Иринку, тобольского стрельца жену. Отдай ее по-хорошему.

— А если не отдам, то в кандалы меня закуешь, мать твою... книжный червяк? Нет у меня ничьей жены!

— Образумься! Побойся Бога, Богдан Иванович! — крикнул поп Илинарх.

— Уже убоялся! Сейчас побегу к тебе в исповедальню!

Атаман Тугарин стал рядом с Офоней Кондаковым и сказал:

— Нам подлинно известно, что в доме твоём делается. Ивашка Васильев о том поведал. Теперь он в Тобольске на допросе. Отдай Иринку!

— Сидел бы ты дома да грел у печи свои кости, старый хрыч! А то ненароком на другую ногу охромеешь, — пригрозил Белкин.

— А ты не стражай меня, Богдан Иванович. Многих поляков и русских изменников я побил — вот и охромел. А тебя побить — мне не задача, — ответил Тугарин и обнажил тяжелый меч.

Офоня Кондаков, осмелев, двинулся к Белкину со словами:

— Если у тебя Иринки нет, то и суда нет. Ты пропусти меня в дом, я сделаю сыск, и мы уйдем.

Дорого обошлась подьячему его смелость. Разъяренный Белкин схватил его за бороду и дернул так, что Кондаков изогнулся в дугу. Тогда Белкин вцепился в его волосы на голове, вырвал клоч, повалил на крыльцо и стал топтать ногами.

На выручку товарищу тут же бросились десятник Ивашка Арап и казак Максимка Валцов, но путь им преградили холопы Белкина. Петров с ходу вонзил саблю в бок Максимке, а Тютчев сделал подножку десятнику и оседлал его, нанося по лицу удары кулаком. Тогда атаман Тугарин, призвав служилых людей вступить в бой, рванулся к крыльцу с мечом, поднятым над головой. Однако Белкин и его холопы, скрестив клинки с казаками, быстро ретировались в дом и закрыли дверь на засов.

— Закрывайте ставни! — крикнул Белкин холопам. — Закладывайте двери и окна сундуками и всем, что для этого годится! Будем держать оборону от осады!

Но он впопыхах забыл про черный вход в дом. И пока холопы таскали сундуки, через задние дворовые сени в горницу вломилась взбудораженная толпа. Холопов тут же повязали, а у Белкина отобрали оружие.

Женщин нашел Тугарин. Заглянув под лавку в казенке, он сказал им:

— Вылезайте, женишки. Конец вашей сладкой жизни.

Кузака выкарабкалась первой и стала помогать вылезти обессиленной Ирине. На татарке было помятое, но дорогое русское платье, а голое тело Ирины прикрывала рубаха и накидка, похожая на остяцкую. Ее толстая коса была распущена, и русые волосы спадали плетьюми до распущенного живота, а ноги были босы.

Кузаку, босую Ирину, Федьку Тютчева и Ефимку Петрова сразу увели в съезжую избу.

13

В этот же день Пушкин приступил к допросу подговорных жен и холопов Белкина, собрав всех, кто был на выемке, чтобы они потом приложили руки к опросным листам.

Ирина была немощна, голова все время падала на грудь. Она с усилием поднимала ее и смотрела на Пушкина затуманенным взглядом.

— Ты можешь говорить? — спросил он.

— Подожди, — попросила она, затем напряглась и с трудом произнесла:

— Богдан опоил меня кореньями из любви. Не вини его. Я сама ушла от мужа. Больше... не могу...

— Отведите ее в комнату, уложите на лавку и накройте чем-нибудь теплым, чтобы согрелась. А то она вся дрожит, — сказал Пушкин целовальникам.

Кузака оказалась более словоохотлива. Она подробно рассказала, как Катерина, жена атамана Зубакина, подговорила ее убежать от муллы, как схоронила, когда ее искали, как потом Федька Тютчев отвел ее к своему хозяину. Она сказала, что вначале Белкин спал только с Ириной, как с женой, а потом они стали спать втроем. А подговорную Анютку Белкин отправил обратно к ее мужу, кузнецкому казаку. Завершила она рассказ заявлением, что не желает жить с муллою и просит вернуть ее Богдану.

— Оказывается, что он еще и Анютку подговорил. Вот блудник! — удивился Пушкин. — Эка способность — сразу трех женок иметь.

Холопы князя, Митька и Ефимка, при допросе дали простое объяснение своим поступкам. Белкин приказал им биться — они и бились.

Пригрозив кандалами и тюрьмой, если не утихомятятся, Пушкин их отпустил, взяв слово, что они больше никому не навредят. Причиной такого милосердия послужило то, что в тюрьме нечем было кормить подобных узников без разрешения государя, расходуя на это деньги из казны.

Ирину и Кузаку Пушкин оставил жить в съезжей избе под присмотром двух приставов. Однако вскоре это превратилось в бедствие. Уже через

неделю приставы заявили, что у них нет денег на харчи для женщин, что они еле-еле сводят концы с концами и голодают.

Пушкин принимал все меры, чтобы отправить женщин в Тобольск. Но опять-таки он не имел права выдать подорожную без разрешения царя на расходование денег, а решившись на свой страх и риск нарушить запрет, все равно не смог выполнить задуманного, так как со всех ямов разбежались остяки. Причину таких побегов знал не только он, но и тобольский воевода, и царь. Ямская повинность была для остяков настоящим бедствием. Из-за нее они не имели возможности ловить рыбу ни в запас на зиму, ни для каждодневного потребления и потому голодали. От их челобитных не было отбоя.

А тут еще возникли другие неприятности. Недобор соболей за 7134 год составил 32 сороков. В ответ на жалобу о том, что предыдущие воеводы Безобразов и Шишкин переписали в ясачники стариков, калек и детей — всего 256 человек, ему пригрозили опалой и приказали — не правезом, а лаской к остякам ликвидировать отставание.

Ко всему из Тобольск прибыл какой-то Чаплин с подьячим для сыска. Но он сыска не делал, а сказал, что нужно сначала в Томск ехать. Ему дали остяков на весла, но он в дороге стал их избивать, и тогда они поломали шесты и бросались на Чаплина с ножами. И он вернулся в Сургут.

Пушкин уже сожалел, что приобрел сам себе обузу в лице подговорных женок. Можно было сослаться на вооруженное сопротивление Белкина и оставить все, как было.

Не найдя выхода из создавшегося положения, он послал к Белкину целовальников и служилых людей.

На этот раз Белкин вышел на крыльцо с братом. Теперь ему нечего было бояться, кроме царской опалы.

— Опять приперлись на мой двор, мать вашу так! Говорите с Кирилкой, а я не хочу вас видеть! — сказал он и ушел в дом.

— С чем пришли? — спросил Кирилл. — Других женок у нас нет.

Сказать о цели прихода вызвался целовальник Гришка Морж.

— Нечем нам кормить Богдановых женок. Государева хлебного жалованья самим не хватает. Вы бы кормили их до времени, пока в Тобольск не пошлют. А может, и людей наймете или своих отпустите, чтобы женок до Тобольска довести, а пристава им дадут служилого человека.

— Во, чего захотели! — сказал Кирилл. — Ходите воровством и разорили Богдана со всем его животом. Идите вон! — И он ушел в дом, закрыв дверь на засов.

— Забегали черти, — сказал злорадствуя Белкин. — Ни корма у них нет, ни подвод. Попасть бы мне загодя в Тобольск, я бы Иринку опять забрал и

увез на Русь. Нужно убедить царя, чтобы отпустил меня из Сургута. Хочу попросить тебя, Кирилл, отвезти в Москву челобитную. Денег дам не жалеючи. У меня их только Иринкиных два пуда. Здесь для быстроты возьмем струг, остякам заплатим и харчей дадим на дорогу — они и в гребле постараются, и не разбегутся. А как до Перми доберешься, то бери добрых коней и скачи не мешкая. Я сейчас же сяду писать, а ты иди и наймом займись.

Белкин поудобнее уселся за стол, поставил под правую руку чернильницу, выбрал гусяное перо получше и заскрипел им по бумаге.

«Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси, холоп твой Богдашко Белкин челом бьет. Велено мне на твоей государевой службе в Сибири, в Сургутском городе всякие дела делать с Микитой Пушкиным вместе. Но Микита Пушкин со своими людьми холопа твоего лаял позорною лаею и бил насмерть в съезжей избе. И мне от Микитина убийства и от бездельной его корысти у твоего государева дела быть немочно. Пожалуй меня, государь, взять от болезни, холопа своего, к Москве или до твоего государева указа быть в Тобольске, поскольку Микита велел подьячим в съезжей избе не давать мне твоих государевых указов и книг и держит все под одной своей печатью. А в нынешнем, государь, году подговорил он холопа моего Ивашку Васильева сказать на меня о вреде твоему государеву делу. А когда Микита Пушкин посылал в ясачные волости служилых людей за ясаком, поминками и недобору соболей, то я в ту пору лежал болен от Микитина убийства. И если учиница твоей денежной и ясачной соболиной казне недобор, то мне б, холопу твоему, в том от тебя, государя, в опале не быть».

Белкин перечитал челобитную, остался ею доволен и опечатал своею печатью на сургуче.

14

Кузаку не покидала мысль о побеге. Ирине она сказала:

— Тобольскому воеводе нужна только ты, чтобы вернуть стрельцу. А до меня ему и дела нет. Если убегу, то и искать не будут. А в Тобольске мне и делать нечего. Ждать только, когда муллу найдут? Но он мне не нужен. Хочу к Богдану вернуться.

Однако сбежать было нелегко — за дверями два пристава, а окошко, обтянутое налимьим пузырем, маленькое. Кузака примерилась к нему и решила, что сумеет протиснуться, тем более что за последнее время очень похудела из-за плохого питания. Оставалось одно — как-то известить Белкина о своем намерении. Вдруг он откажется ее принять.

Кузака позвала пристава и сказала:

— Нам пора с Ириной в мыльне помыться. Нужны чистые рубахи и верхняя одежда. Не повезут же нас в Тобольск в исподнем, в котором сюда привели.

— Хорошо. Я извещу об этом воеводу Пушкина, — пообещал пристав.

— Где же воевода возьмет для нас одежду? Она вся осталась у Белкина, — сказала Кузака. — Ты сходи к нему и кланяйся от нас с Ириной, чтобы он тебя со двора не збил. Пусть он своего человека пришлет, а мы ему объясним, что принести и где что лежит. А когда он принесет, то ты нам и передашь.

— Не положено мне пост покидать, — возразил пристав. — Скажу о том подьячим. Может, кто-то из них сходит.

— Как хочешь. А то я сказала бы тому человеку, чтобы тебя наградили, денег дали, — пожав плечами, сказала Кузака.

Пристав вышел, но вскоре вернулся и сказал:

— Мы посоветовались с товарищем и договорились, что как только подьячие уйдут и стемнеет, то я схожу к Белкину. Но ты скажи его человеку, чтобы денег на двоих дал.

Когда в остроге утихло и все погрузились в сон, кроме караульных, в съезжую избу пробрался Митька Тютчев. Кузака нашептала ему на ухо:

— Принеси одежду мне и Иринке и денег для приставов. Сегодня после полуночи я полезу наружу через окно. Ты должен мне помочь, вытащить, если застряну, и отвести к Богдану. Иринка тоже сбежала бы, но окно мало.

Белкин загорелся и сказал сам себе: «Война еще не окончена, господин Пушкин!» — а Митьку предупредил:

— Кузаку веди за амбарами да конюшней, мимо глаз караульщиков. А отдав приставам одежду и деньги, да брагу в придачу, схоронись где-нибудь поблизости, чтобы увидеть, когда она из окна ползет.

В этот день события сложились удачно для Белкина. Прохаживаясь по горнице из угла в угол, потирая руки, он сказал Кириллу:

— Промышленному человеку, у которого нанята ладья, нужно еще заплатить, чтобы держал язык за зубами. Если татарка сумеет сбежать, то возьмишь ее с собой, выдавая в пути за жену. Кстати, где теперь ладья стоит?

— Рядом на протоке.

— Это плохо. Нужно отогнать ее в такое место, от которого можно уйти украдом. Кузаку спрячь в каюте или под парусом.

В ожидании братья не теряли времени даром. Слуги принесли им из поварни горячие блюда из дичи, куропаток и уток, а брага и вина стояли рядом на поставце.

Белкин спрашивал:

— Хлеба на дорогу хватит?

- Хватит.
- Бочонок браги взял?
- Взял.
- Харчи для остяков есть?
- Есть.
- Ты их не бей, а то разбегутся.

Часа в два ночи Митька привел Кузаку. Она бросилась Белкину на шею, восклицая:

- Наконец-то я дома! Наконец с тобой!
- Садись поешь и собирай вещи в дорогу, — сказал Белкин.
- Мы уезжаем? — спросила Кузака.
- Нет, я пока остаюсь, а ты поедешь с Кирилкой.

Кузака залилась слезами и умоляюще произнесла:

- Я хочу остаться с тобой. Не прогоняй!
- Я и не думаю тебя прогонять, а отправляю в свое поместье. Ты же не хочешь снова попасть в съезжую избу? Уехать нужно немедленно, пока ночь на дворе. Возьми теплую одежду и одеяло.

Через час Кирилл и Кузака были уже на струге, а еще через час покинули Сургут.

Белкин проводил их на берегу. Возвращаясь в хоромы, он принял решение — во что бы то ни стало уехать из Сибири с Ириной.

15

Утром поднялась паника. Все, кто был в остроге, искали беглянку. Когда поиски не увенчались успехом, атаман Тугарин заявил Пушкину:

- Придется опять делать сыск у Белкина.
- обойдемся без сыска, — сказал Пушкин. — Хватит нам и нынешней баталии. Пусть Богдан подавится татаркой. Без нее у нас хоть одной заботой станет меньше.

В это время дозорный сообщил Пушкину, что в протоку с верховья вошло купеческое судно.

— Вот тебе и оказия, чтобы избавиться от стрельцовой женки, — сказал воевода Афанасьеву.

Пушкин спустился на берег и, когда каюк причалил, спросил купца:

- На Тобольск идешь?
- Туда. А потом на Верхотурье.
- Тогда отправлю с тобою в Тобольск узницу с приставом.
- Не могу взять. Мне надо до ледостава поспеть к месту, а судно и так перегружено, — сказал купец.

— А это мы сейчас проверим! — возмутился Пушкин и сказал Афанасьеву: — Зови целовальников.

Явились Гришка Морж и Мишка Колмогорец. Проверив, что за товар везет торговый человек и откуда путь держит, они доложили:

— Каюта набита битком мягкой рухлядью. Купец прибыл с севера, обойдя Мангазейскую таможню. Никаких документов у него нет.

— Воровством занимаешься? — угрожающе спросил Пушкин. — Весь твой товар забираю в государеву казну! — и сказал целовальникам: — Сделайте роспись, а я подумаю, кому поручить сопровождение соболей в Москву.

Но думать не пришлось. Решение пришло само собой. К берегу причалил дощаник с шестью сургутскими казаками, прибывшими с Енисея.

Казак Иван Обухов, пошатываясь от усталости, подошел к Пушкину и сказал:

— Я знаю государево великое дело за енисейским воеводой Андреем Ошаниным. Наши служилые отказались участвовать в его воровстве, и тогда он со своими людьми устроил схватку. Было большое сражение. Один человек у нас погиб и многие ранены. Что теперь делать — не разумею.

— Я разумею, что делать, — сказал Пушкин. — Сначала поедешь вместе с купеческим каюком на своем дощанике в Тобольск. Мой человек Федька Константинов поедет с вами и повезет отписки. Воеводе Хованскому расскажешь все об Ошанине, а я отпишу, чтобы на Енисее сделали сыск. На каюке с приставом поедет Ирина, жена тобольского стрельца Макарки. Так ты присмотри, чтобы в пути не было какой-либо порухи и чтобы она была передана в руки Хованского. А из Тобольска вместе с Федькой доставите в Москву купца и мягкую рухлядь.

Пока шла подготовка каюка и дощаника к дальней дороге, загружались запасы еды и всякая дорожная рухлядь, готовилась постель для больной Ирины и прочее, Пушкин собрал накопившиеся неотправленные отписки и челобитные и написал новые. Это были: «о службах сургутских казаков», «о тяжести подводной повинности для остяков и невозможности платить ясак в установленном размере», «о челобитной остяка Бардаковой волости по насильственным действиям людей воеводы Белкина», «о том, что Белкин проделал дыру в крепостной стене, чтобы ходить в город на воровство», «о том, что Белкин забрал к себе из тюрьмы вора Мишку Леонтьева и хотел отпустить аманатов остяков», «об избиении Белкиным подьячего Офоньки Кондакова», «об изъятии у Белкина подговорных чужих женок», «о покушении Белкиным на убийство его — Пушкина».

Через несколько дней Пушкин сказал Афанасьеву:

— Хорошо, что я припозднился с отправкой отписок и челобитных. Теперь они целы будут.

— Отчего так?

— Сегодня из Тобольска известие пришло. Ныне в Москве пожар был. И в Кремле-городе, и в приказе Казанского дворца всякие дела погорели. Царю стали неведомы его оклады доходов. Теперь со всех бумаг, указов, грамот, отписок и книг, которые накопились за тридцать лет, велено спешно днем и ночью переписать копии. Всем сибирским воеводам указано отставить иные дела и самим неотступно быть с переписчиками.

Для составления копийных книг, как было указано в отписке, Афанасьев усадил всех, умеющих писать: целовальников, церковных дьячков, пономаря, стрельцов, пушкарей и прочих служилых людей.

Пушкин при этом неотлучно находился в съезжей избе. Он постоянно обходил писцов, заглядывал через их спины и предупреждал, чтобы писали неоплошно. У некоторых он брал тетради и проверял записи. Афанасьев, заметив, что воевода устал и нервничает, не выдержал и сказал:

— Никита Евстафьевич, почему ты Белкина не призовешь? Он ведь жалованье за это получает. Давай-ка я схожу за ним.

— Пожалуй, ты прав. Сходи, братец. Хотя бы посмотрим, что из этого выйдет, — согласился Пушкин.

Афанасьев тут же отправился к Белкину.

На крыльцо вышел Ефимка.

— Скажи воеводе, что я по делу государеву, — сказал Афанасьев.

Ефимка нырнул в дверь. Белкин появился, как всегда, навеселе.

— О чем хочешь меня известить? Не о новом ли сыске? — спросил он, насмешливо скривив рот.

— Не о сыске речь. Нет у Пушкина интереса к твоей татарке. А Иринка уже уехала в Тобольск. Разговор совсем об ином, — сказал Афанасьев и объяснил суть дела.

— Передай Пушкину, что я, как отстраненный, помогать ему не желаю. Наверное, горюет он, что все его доносы на меня погорели?

— Не надейся — все они отправлены после пожара.

— Вот совпадение — мои тоже. Забавно будет дьякам все разом читать. Разберутся ли они — на чьей стороне правда? Хотя пока разберутся, нас уже и в Сибири не будет. — Белкин загоготал по-гусиному и сказал: — Если хочешь, то милости прошу войти в дом. Можешь проверить — не прячу ли кого?

— Не вижу надобности.

— Нет так нет. А у тебя ведь тоже есть татарка?

— Какое тебе до этого дело?

— Видел как-то твою красавицу. На лошадях вы скакали. Говорят, она на рынке тобою куплена. Может, мне продашь? Я заплачу не жалеючи, — сказал Белкин.

— Алчный ты до баб, Богдан Иванович. И тут позарился! А я всякому, кто к ней подступится, в миг голову отсеку.

— Не бойся — не подступлюсь. Мне только Иринка любя. Хоть и вынули ее от меня, а все равно увезу на Русь. Помяни мое слово. Пусть меня даже в кандалы закуют.

— То, что в кандалах можешь оказаться, — я верю, — сказал Афанасьев. — Нрав у тебя воровской. Но ты зря от государева дела отказываешься. Неужели не скучаешь от безделья?

— Скучаю, но тогда, когда девок нет или выпить нечего. И без лошадей скучаю. Так что не удивляйся, если встретишь меня верхом на коне на какой-нибудь лесной тропе. А то, может, вместе поохотимся на лис?

— Я подумаю, — пообещал Афанасьев.

— Подумай. Даю слово, что буду вести себя достойно и к твоей даме не приставать.

Афанасьев вернулся в съезжую избу. Пушкин держал в руке тетрадь и выговаривал стрельцу о небрежности письма.

— Как умею, так и пишу, — оправдывался стрелец.

— Нет, братец, ты уж постарайся, напиши заново, — сказал Пушкин и подошел к Афанасьеву.

— Ну и как? — спросил он с любопытством.

— Получил отказ.

— Этого и следовало ожидать. Придется еще одну жалобу отписать государю.

— Богдан Иванович попросился со мной на охоту. Но я пока не дал ему ответа, — сказал Афанасьев.

— А ты согласись. Не всякого он к себе подпускает. Пожалуй, ты первый. Вдруг заметишь, что он опять какую-нибудь поруху замышляет.

— Не думаю. Пообещал вести себя благородно.

— Ну-ну, с трудом верится, — сказал Пушкин и вновь пошел проверять тетради.

Афанасьев сел за свой стол и тоже занялся переписыванием. Для себя он отобрал самые важные документы.

Эта кропотливая работа завершилась только в начале ноября. Все писцы вздохнули с облегчением и спешно стали готовиться к зиме, которая напомнила о себе первым снегопадом.

Для Афанасьева настала любимая охотничья пора.

Приглашение на охоту Белкин принял с радостью. Без острых ощущений в последнее время он впал в уныние, заглушая его хмельным питием. Предвкушение интересной охоты сразу взбодрило его. Взяв с собою Митьку и Ефимку, он явился в назначенное время к назначенному месту за городом, где рядом с Афанасьевым на резвых лошадках уже гарцевали его постоянные спутники — поляк Яков Плешевский, толмач Парабельский, десятник Данилка Голубятник с тремя казаками и спутница Лилиана.

За два года жизни у Афанасьева на правах дочери девушка-подросток, танцовщица, превратилась в красивую женщину-воительницу. Во всяком случае, весь ее облик, ее суровая сдержанность и внезапные стремительные движения указывали на это. На Лилиане также, как на опекуне, был надет короткий кафтан для верховой езды, за плечами был саадак, за широким поясом кинжал, а на поясе в чехольчиках полдюжины обоюдоострых ножичков, которые она умела превосходно бросать. Не было только сабли, хотя Афанасьев научил ее и фехтованию. Головные уборы на Лилиане и Афанасьеве были одинаковы — татарские волчьи шапки.

Белкин был поражен. Такую женщину ему еще не приходилось встречать. Он не выдержал и сказал Афанасьеву:

— У тебя удивительная жена!

— Пока не жена. Как только она примет православие и крещение, тогда мы и под венец станем.

— Но ты спишь с нею?

— Пока не сплю.

Для Белкина это было выше его понимания. Он посмотрел на Афанасьева, как на чудо, подтянул пояс, охватывающий пупчатый соболиный кафтан, и пристроился рядом с Плешевским, уступив место Лилиане.

— О чем говорили, Иван? — спросила она на татарском языке, хотя уже владела русской речью.

— О тебе, Лили. Удивляется, что я не сплю с тобой.

— Я сама этому удивляюсь. Крести меня скорее в свою веру. К чему мне Аллах, если из-за него я не могу быть твоей до конца?

— Дождемся Рождества Христова и все уладим, — пообещал Афанасьев. — Однако пора занимать позицию для охоты.

Он развернул коня, подождал, пока все подъедут, и сказал:

— Сначала будем вытягиваться в линию друг от друга саженой на тридцать или в пределах видимости, затем каждый край начнет выдвигаться вперед, образуя подкову, и так до тех пор, пока не замкнется круг. После этого все двигаются к центру, стреляя в зверей. Тут много зайцев.

Если выскочит лиса, куница или соболь, то стрелять нужно только в голову. Кто сомневается в такой меткости, то лучше не пускать стрелу, а приберечь ее для зайца. Разъезжайтесь.

Охота выдалась удачной. Афанасьев пристрелил двух рыжих лисиц и песца, а Лилиана — черную лису и трех куниц. Остальные охотники удовлетворились добычей двух-трех зайцев. Белкину повезло особо — в самом начале движения прямо на него выскочила из кустов росомаха. Он поспешно выпустил стрелу в злобного зверя и только ранил его. Однако, соскочив с лошади и быстро выхватив саблю, он успел рубануть росомаху по шее.

Белкин стоял над нею, наблюдая, как окрашивается кровью снег, пока не пришли на помощь Митька и Ефимка. Они перекинули росомаху через седло одной из лошадей, а на другую лошадь уселись вдвоем. Афанасьев сказал Белкину, что есть посадский человек, искусный в выделке шкур зверей с головой и лапами. Такой трофеей украсит любую горницу.

До наступления крепких сибирских морозов та же компания еще дважды ездила на охоту, добыв помимо зайцев и пушных зверьков огромного лося.

17

Множество челобитных от Пушкина и Белкина с обвинениями друг друга в воровстве вызвало беспокойство государя Михаила Федоровича. Но его отец, патриарх всея Руси Филарет сказал ему:

— У этих воевод какая-то смертельная вражда. Вот и брешут кто во что горазд. Нам следует ожидать воровства не от них, а от тех, где рука руку моет и изветов не пишут. Однако лучше этих доносчиков теперь же из Сургута вынуть. А вместо двух послать туда одного воеводу. Да чтобы прибыл он на место ко времени сбора ясака. А то опять будет недобор соболей.

Начальник Казанского дворца и отделения Сибирского приказа Борис Михайлович Лыков был настроен против воеводы Пушкина, доставившего немало хлопот обвинениями Безобразова и Шишкина в обмане государя. В признании их вины он не был заинтересован, так как сам добился приглашения этих воевод к царскому столу и их награждения. Приняв сторону Пушкина, он тем самым признал бы и свою вину в потворстве вора.

А многочисленные жалобы Пушкина на помощника Белкина его опять-таки уязвляли. Ведь это от него исходил выбор воевод. Поэтому волю царя о пресечении склоки в Сургуте и посылке туда на смену одного воеводы Лыков воспринял с радостью. На этот раз он подобрал такого человека, который не станет выносить сор из избы.

Пригласив к себе князя Гагарина, Лыков сказал ему:

— Нашему государю царю известно обо всех грехах сургутских воевод. Потому в оправдание своих неудач не ссылайся на них, как это делает Пушкин. Лучше постарайся наладить дела по своему высмотру. В Сургут отправляйся немедля. В Верхотурье возьми оленей и езжай по зимнику, чтобы поспеть к сбору ясака. А приказчики твои с дворовыми людьми, с запасами и рухлядью пусть добираются по подорожным, как обычно, водою на каюках. Пушкина и Белкина сразу отпусти без соболиной казны на Москву.

Князь воевода Гагарин выполнил наказ. Взяв с собою четырех холопов и необходимый минимум запасов в дорогу, он погнал лошадей, меняя их на ямах и не задерживаясь более чем на время ночлега. Таким образом, покинув Москву в конце января, он уже в апреле прибыл в Сургут.

18

До вскрытия Оби оставался еще месяц, но наступление весны было бурным. Теплые юго-западные ветра быстро съедали снега, обнажая открытые места, со всех сторон звенели ручьи, из поднебесья кричали прилетные птицы, вороны, словно во хмелю, неустойчиво кружили парами над стеною леса, а горожане большую часть дня проводили во дворах, ковыряясь в огородах.

Пока Пушкин сдавал Гагарину дела, Белкин успел подготовить к плаванью каюк, зимовавший на песчаной отмели, и приступил к его загрузке.

Холопы Белкина носили на судно тюки с постелями, ящики со всяким домашним скарбом, хлебные запасы, бочки с винами и сибирскими ягодными медами, а также кули с кедровыми орешками. Не было у Белкина только мягкой рухляди, кроме нескольких лисиц, заячьих шкурок на шубу и соболиного пупчатого кафтана. Зато был предмет его гордости — шкура росوماхи с оскаленной пастью и когтистыми лапами, да еще две лосиные шкуры и огромные, как блюда, рога.

9 мая, выйдя на берег протоки, Белкин увидел, как в версте от города, громоздясь, движется по Оби лед. Желанный час приближался не по дням, а по часам. Из реки Черной тоже вырвался лед, очищая протоку. Вода стала прибывать, и вскоре каюк закачался на волне.

Провожать Белкина пришли только атаман Зубакин с Катериной и Афанасьев с Лилианой.

Белкин крикнул:

— Будете в Москве — приезжайте в гости!

— Бесшабашный черт! Но есть в нем что-то, что притягивает, — сказал Афанасьев.

Женщина в шубе и ребенок в лодке

На следующий день после отъезда Белкина отбыл и Пушкин. Его провожали многие служилые люди, ружники и оброчники, которые говорили, что с этим воеводой им повезло не в пример Безобразову. Провожали даже с музыкой — пели медные трубы и выбивали дробь барабаны. Князь воевода Гагарин тоже провожал его. Он сочувственно отнесся к Пушкину, поняв за месяц пребывания в Сургуте, как ему не повезло с помощником.

До Тобольска по течению Оби дорога занимала три недели. Чем ближе становилась цель, тем больше Белкин нервничал. Последние часы он уже не покидал палубы, вглядываясь в заветную даль, если не считать тех минут, которые он тратил, заходя в каюту, чтобы глотнуть вина.

И вот, наконец, на фоне безоблачного неба блеснули купола нового собора Софии Пресвятой Богородицы на архиерейском дворе.

Сказав Митьке и Ефимке, чтобы шли с ним при оружии, Белкин вышел на берег и сразу отправился к дому стрельца Макарки, который был где-то в центре трех сотен дворов.

По случаю Макарка оказался дома, хотя Белкин рассчитывал застать Ирину одну. Увидев Белкина, входящего во двор, Макарка бросился в дом и тут же выскочил с пищалью в руках.

— Стой! Застрелю вора! — угрожающе крикнул он.

— Стреляй, — хладнокровно сказал Белкин. — Ты убьешь меня, а мои люди отрубят тебе голову. Будем в расчете.

Стрелец задумался и уже спокойным голосом спросил:

— Чего тебе надобно?

— Твоя Иринка нужна. Ты даешь ей свободу, а я даю тебе пятьдесят рублей.

В это время Ирина вышла на крыльцо. Было видно, что дела у нее идут на поправку. Живот опал, лицо еще было немного припухлым, но она твердо стояла на ногах.

— Деньги и так мои! Ты их украл! А где еще десять рублей? — выкрикнул стрелец.

— Твоя же Иринка и проела. Только пятьдесят рублей теперь мои, а не твои. Если согласен на условие, то отдам под расписку деньги взамен на жену.

Макарка оперся на пищаль, оперев ее прикладом в крыльцо, и сказал:

— Плати шестьдесят рублей, как у меня было.

— Что ты торгуешься, Макарушка? Бери пятьдесят рублей, пока дают. Все равно я от тебя убегу, — сказала Ирина.

— Ладно, — согласился стрелец, — зачем мне такая жена нужна, пользованная другим и больная? Неси деньги.

Ефимка сбегал на судно и вернулся с двумя сумками. Поставив их перед собой, он похлопал по ним руками и сказал:

— Вот они, денежки!

— Пиши расписку, — сказал Белкин стрельцу.

Через несколько минут сделка была завершена.

По дороге на судно Ирина обхватила рукою Белкина за шею, прислонила к его плечу голову и сказала:

— Я ждала. Я знала, Богданушка, что ты за мною придешь.

Когда каюк уже отчаливал от берега, а Белкин и Ирина стояли на палубе у леера, прибыло судно Пушкина.

— Помаше ему платочком, — сказал Белкин Ирине, а сам крикнул: — Прощай, Микитка! Авось никогда не свидимся!

Порча семьи воеводы Щербатова

1

Для стольника князя Константина Нефедовича Щербатова черная полоса невезения началась с момента назначения его воеводою в город Сургут. Перед тем как ему отправиться в дорогу, в 7184 году скончался царь Алексей Михайлович и взошел на престол его болезненный двадцатилетний сын Федор Алексеевич.

Смерть почитаемого государя очень расстроила Щербатова. В то время, когда Алексей Михайлович лично руководил армией и отнимал у Польши города белорусские и северские, старинные владения Руси, а затем вынужден был воевать со шведами, Константин Нефедович был у него в конном полку и дрался храбро шесть лет. С того времени государя стали именовать царем всея Великия, и Малыя, и Белыя России Самодержец, а князя Щербатова боевым офицером.

Будучи крепок духом, как и телом, имея характер решительный и неукротимый, Щербатов после войны, вопреки отговорам матушки княгини Марии Петровны, женился по любви на молодой дворянке Анастасии. Не сумев примирить женщин, он старался держать их на расстоянии друг от друга, избегая родственных встреч. Но теперь, в связи с отъездом на длительный срок, Константин Нефедович решил проститься с матушкой, опасаясь, что может не застать ее в живых, когда вернется из Сибири.

Поместье родного брата Щербатова Дмитрия, где жила княгиня, было в селе Божонке Божецкого Верха, куда и отправился Константин Нефедович всем обозом на подводах с холопами, с молодой женой и двумя малолетними дочерьми.

Княгиня Марья Петровна и в этот раз не удержалась, чтобы не очернить невестку:

— Костик, ну что ты в ней нашел? Она недалеко умом, спесива и самолюбива. Сразу видно, что из низкого сословия. Выбилась из грязи в кня-

гини и теперь всеми повелевает, а ты ходишь у нее под каблуком. Нет, не такую жену я представляла видеть у своего сына.

— Полно, матушка, ты ее плохо знаешь, — возразил Константин Нефедович. — Да, она строга с дворовыми людьми, но зато в доме порядок, а детишки ухожены. И мы любим друг друга,

— Крепка ли эта любовь? Пройдет пыл, и ты сам поймешь, что ошибся. Ладно, господь с тобой! Ныне вместе повечеряем, а утром можешь ехать в свою Сибирь.

После ужина княгиня сослалась на ломоту в спине и удалилась в покои, сказав по пути служанке:

— Позови Гришку, дворового человека князя, но так, чтобы никто не заметил. Заведи его в сенник, и пусть ждет.

Гришка Егубьев, среднего роста детина с белесым чубом, вошел вслед за дворовой девкой в сенник, летний покой, надстроенный над амбаром, помог служанке зажечь свечи и стал рассматривать резьбу вокруг слюдяного оконца. Он так увлекся, что не слышал, когда пришла княгиня, и вздрогнул от ее тихого оклика:

— Ну-ка, Гришка, подойди ко мне!

Мария Петровна, закутавшись в шерстяную шаль и расположившись на седалище, обитым красным бархатом, манила его пальцем.

— Ближе, ближе подойди, чтобы я твои глаза видела, — сказала она.

Гришка приблизился и уставился — глаза в глаза.

— А ты, вижу, не робок, братец. Это хорошо... Как поживает твоя сестрица Улька? Еще не выдал ее замуж князь Константин Нефедович? — спросила княгиня.

— Рано ей детьми обзаводиться. Она сама дитя, — ответил Гришка.

— А вот сестра твоя Акулька замужем и без детей. Не ладится у нее что-то с мужиком. Хочешь забрать ее в Сибирь?

— Я взял бы, да не от меня зависит.

— А я с князем поговорю. Нужна ведь ему служанка для жены.

— Может, нужна, а может, и нет. Откуда мне знать? Не уживается она со служанками.

— А тебе она любя?

Гришка замялся и отвел глаза в сторону.

— Смотри, смотри на меня! Отвечай! — потребовала княгиня. — Так любя или нет?

— А за что ее любить? Чуть ей не угодишь — сразу грозитя высечь на конюшне.

— А не слышал — ворчит ли она на Константина Нефедовича?

— Такого не припомню.

— А князь на дворовых девок не заглядывается?

Гришке неприятен стал такой допрос, и он с досадой ответил:

— У него бы, Марья Петровна, и спрашивали о том. А я не доносчик. Если бы и знал, то не сказал бы.

— Это похвально, что язык за зубами умеешь держать. Я отчего спросила-то — не соблазнится ли он Акулькой? Уж очень хороша она.

— Такой, как Акулька, не грех и соблазниться, — сказал Гришка. — Только князь свою Анастасию любит.

— Сегодня любит, а завтра всякое может быть, — сказала Марья Петровна. — Ладно, отдам я вам Акульку. Еще вот что... У моего сына князя Дмитрия есть задворный человек Васька Михайлов. Он ворожит и знает. Так ты негласно у него коренья попроси. Авось пригодятся. А о том, что был у меня, никому ни слова. Иначе худо тебе будет. Понял?

— Отчего не понять? Я человек смысленый.

— Вот и хорошо. Тогда ступай и займись делом.

Гришка Егубьев разыскал Ваську Михайлова и попросил за гривну дать ему снадобье.

— Для чего тебе коренья? — спросил ворожей.

— А на случай, если у моего хозяина враги объявятся.

Утром подводы выехали из села Божонки. Вместе с братом Гришкой и сестрой Улькой отправилась в Сургут и Акулька.

2

Путь в Сибирь для князя Щербатова был долгим и с большими неудобствами. Он не раз жалел, что поддался уговорам жены и взял ее и детей с собою. В дороге они постоянно страдали от простуды, задерживались на ямах, чтобы отогреться и попариться в мыльнях, а перед сном натирали груди и спины водкой. Но это мало помогало. Некоторое облегчение наступило тогда, когда зимняя дорога была преодолена и в конце мая на таможне Вехотурья семья разместилась в каюте судна.

С этого дня в солнечную погоду жена и девочки, скинув одежды, согревались под живительными лучами, восстанавливая здоровье и силы. Покачиванье на волнах им не казалось столь утомительным, как тряска в повозке. Половодье несло лодку течением по извилистому руслу Туры на юг, навстречу лету, рождая хорошее настроение. Они любовались живописными берегами, восхищались огромными стаями белых лебедей, гусей и уток на разливах, вспоминая сухопутный зимний путь, как страшный сон. Могучая Обь поразила их необозримым простором вод, слов-

но это была не река, а море, искрящееся гладью в тихую погоду и бушующее огромными волнами, когда налетали упругие южные ветра. Теперь будущая жизнь в Сибири представлялась им, как увлекательное приключение.

Только частые перемены в погоде и появление полчищ комаров и гнуса могли на время испортить настроение, не позволяя всякий раз выходить на берег, чтобы поесть горячую пищу. И все же с каждым днем лето набирало силу, а при подходе к Сургуту, как бы в оправдание бывших невзгод, июль наградил путешественников тридцатиградусной жарой.

Когда каюки направились к долгожданному берегу, все приезжие высыпали на палубы. С версту от Большой Оби над Обскою протокой возвышался рубленый город с четырьмя башнями, а рядом стоял острог без мостов и лестниц со стеною в две сажени.

Внезапно со стороны города раздался громкоголосый звон колокола. Он исходил от шатровой башни с широкими воротами под нею, извещающая горожан о знаменательном событии и приветствуя прибывших.

Воевода Ефим Казанский в окружении атаманов и подьячих вышел на берег для встречи сменщика, а князь Щербатов, предупредив жену и своих людей, чтобы пока не покидали судна, спустился по трапу.

Казанский, не скрывая радости, сказал:

— Слава богу, что тебя прислали. А то я грешным делом подумал, что ныне в Москве, в связи со смертью царя Алексея Михайловича, обо мне забыли. Я уже смирился с тем, что до следующего лета буду маяться в этой богом проклятой дыре.

— Тут так плохо? — спросил Щербатов. — А я семью привез.

— Ну и зря! А о том, каково здесь, на себе испытаешь. Однако начнем с того, что отведем твою жену с детишками в хоромы, а атаманы расселят холопов в дома на воеводском дворе.

Щербатов велел своим людям сойти на берег и сказал:

— Гришка Егубьев будет у вас головой. Сначала перетащите всю домашнюю рухлядь и бочки с винами и медами. Атаманы покажут, куда что отнести и где будете селиться. Но без меня комнат не занимать. Я сам укажу, где кому жить. А денщик Ивашка Константинов за вами присмотрит.

Затем Щербатов с воеводой Казанским повели женщин к хоромам. Улька и Акулька шли сзади с детьми, держа их за руки. Княжна Анастасия, озираясь по сторонам и сморщив носик, сказала:

— Не думала, что тут будет так мрачно. Что это за развалины перед нами?

Действительно, на старом воеводском дворе сгнили и обвалились хоромы. А рядом стояла ветхая, огнившая церковь Святой Живоначальной Троицы.

Казанский пояснил:

— Когда-то тут жили прежние воеводы, но со временем все приходит в негодность, а денег на восстановление нет. В церкви, в алтаре и трапезе местами потолок обвалился. Поп уже боится, что однажды все рухнет на него и прихожан.

— Какой ужас!— воскликнула Анастасия. — Как же тут можно жить?

— А об этом нужно было думать дома на Руси, — ответил Казанский.

Он подвел Щербатова с семейством к новому воеводскому двору, расположенному у стены между двумя башнями, и сказал, что они называются Набережными, так как стоят у протоки, к которой есть выход через воротца. В той же стене было еще двое ворот, между которыми стояли дворы для холопов. Эти ворота были теперь открыты, и дворовые люди таскали через них тюки, сундуки и ящики.

— А как называются другие башни? — спросил Щербатов.

— Шатровая проходная — это Спасская. На ее верху сделана колокольня. С нее вы и слышали звон. Внизу у ворот стоит караульная изба. Следующая наугольная называется Боровой, а далее Казенная и Богородицкая. А общая длина всех стен вокруг острога двести семь сажен.

Внутри воеводские хоромы выглядели убого. Все указывало на то, что это вотчина холостяков. Даже на иконостасе в правом углу гостевой комнаты висела закопченная паутина а слюдяные оконца были засижены мухами, недостатка в которых тут не было. А над головами, жужжа, летал шмель.

Немного смущенный, Казанский указал на дверь в повалушу и сказал, что она соединена крытым проходом с поварней.

— Теперь сами разберетесь что к чему и наведете порядок. А мне было недосуг, — заключил он.

Оставив женщин осматривать внутренние помещения, воеводы отправились заниматься передачей дел.

В остроге не было дворов служилых людей и всяких чинов, а были только служебные строения. Основную площадь, кроме приказной избы и тюрьмы, занимали хлебные житницы, амбары казенный и соляной, винный подвал и зелейный погреб, в котором пятьдесят пудов пороха отсырело, и он для стрельбы не годился. В казенном амбаре хранились тридцать пять мушкетов с раздутыми стволами и поломанными замками, а починить их было некому. Ружейный наряд в остроге состоял из двух мед-

ных и четырех железных пушек, а к ним полторы тысячи железных и свинцовых ядер, которые за многие годы ни разу не использовались.

Вот в таком унылом, обветшалом состоянии Константин Нефедович Щербатов принял хозяйство острога. Зато за Спасскими воротами, от которых начинался рубленый город, расположенный на территории старого острога, стояла изба с сенями и погребом, служившая кружечной, где всегда имелось свежее холодное пиво. Это утешало.

Там же стояла и съезжая изба.

Когда вышли за ворота, Казанский сказал:

— Думаю, что нет нужды осматривать город. Дома все похожи, почти у каждого жителя есть огород, многие держат скотину. Всего людей более пятисот человек.

Константин Нефедович, окинув взглядом слободу, которая серым, невзрачным пятном выделялась на фоне цветущего луга, спросил:

— А сколько тут служилого люда с семьями?

— Всего женатых и холостых полторы сотни, но дети или родственники есть почти в каждом дворе. Большинство служилых уже в пожилом возрасте. За время моего воеводства умерло от старости одиннадцать человек. Обычно на все посылки людей не хватает. А нужно и в Москву сопроводить соболиную казну, и на Ямыш-озеро послать за солью, и на сбор ясака, и с отписками в Тобольск, и годовальщиков в дальние остроги. Так что тут остается не более двадцати-тридцати человек для караульной службы.

— А как со сбором ясака? — поинтересовался Щербатов.

— С этим делом вообще беда! — сокрушенно воскликнул Казанский. — Из Москвы то и дело грозятся наказанием за недобор, но ты на это не обращай внимания. За шестьдесят лет никто не собрал полного оклада — и не наказан. Я не поленился перелистать все ясачные книги и отписки воевод. Все ссылались на ямщицкую гоньбу, отвлекающую остяков от лешевания, и на старые списки, где в ясачники записаны старики, калеки и дети, а дьяки не желали их отменить. В этом основные причины недобора. Мне приходилось покупать по низкой цене песцов, продавать их дороже и на эти деньги приобретать соболей. Тебя этому тоже жизнь научит.

— Раз ты сказал про основные причины недобора, значит, есть и неосновные?

— Есть, конечно. Ясачники и торговцы возят в юрты вино и табак и у многих остяков для своей корысти забирают лучших соболей.

— А ты не пробовал запрет наложить на такую торговлю?

— Хотелось, но поостерегся. Побоялся бунта.

В приказной избе во время передачи указов и отписок Казанский потряс в воздухе одной из бумаг и сказал:

— Вот, кстати, указ царя Алексея Михайловича за год до его смерти.

Всем воеводам Сибири приказано собирать знахарей, узнавать у них о травах, от чего лечат, и присылать к Москве. Видно, государь очень болел.

— Много ли трав ему отослал? — спросил Щербатов.

— Ни-че-го! В Сургуте ни одного знахаря не нашлось! Каждый говорил, что не знает трав, подозревая уловку, чтобы послать знахарей на костер. Ведь люди слышали и о расправе над колдунами Нарыма, чуть не отправившими на тот свет воеводу Федора Головачева, и о деле в Енисейске, и о колдуне Иване Жеглове, резавшем ножом тобольского пристава Богдана Жукова на берегу нашей Обской протоки в Сургуте. Тот, кто ныне ворожит и знает коренья и травы, делает свое колдовство скрытно.

На прощанье Казанский сказал:

— Желаю тебе, Константин Нефедович, выжить в Сибири и вернуться в добром здравии в свое поместье на Руси.

3

Остаток лета, осень и зима были для воеводы Щербатова насыщены грудой дел. Он старался во всем навести хоть какой-то порядок. Прежде всего он поверстал в казаки полтора десятка молодых людей, сыновей и братьев пожилых служилых, и занялся ремонтом ветхих строений, в том числе соборной церкви Живоначальной Троицы.

Нельзя же было допустить, чтобы церковь не могла исполнять христианские требы, тем более что княжна Анастасия настоятельно об этом просила.

В это время по Сибири прокатилась новая волна массовых самоубийств старообрядцев. В результате в Сургут для тюремного заключения стали поступать главари церковного раскола. Сам Щербатов по изветам в изменных делах посадил в тюрьму семерых остяков. Еще его тревожили слухи о нарастании в Сибири засилия чернокнижников, всякого рода ворожей, колдунов и знахарей, которые наводили на людей порчу или приворотным зельем способствовали блуду.

«Слава богу, нас это не касается», — думал он, но зато игры в зернь и карты, разврат незамужних женщин считал настоящим бедствием для Сургута.

После долгих раздумий он решил направить стихию пороков в определенное русло и отдал на откуп греховные дела, разрешив открыть корчму и блядню.

Кроме того, он также отдал на откуп, под контроль целовальников, продажу вина и табака, запретив их вывоз в остяцкие юрты, чем вызвал недовольство служилых и посадских людей.

После хлопотливого дня Константин Нефедович находил отдохновение в кругу семьи. Ужин проходил за общим столом, князь рассказывал смешные истории, не касаясь своих дел, сам наливал в бокалы себе и Анастасии легкое вино, целовал ей руку, когда вставал из-за стола, а затем уходил в детскую комнату порезвиться с дочерьми.

Девочки всегда были веселы и ухожены. Ими занималась Улья Егубьева, а княжну Анастасию обслуживала Акулька, которая постоянно выслушивала нарекания в свой адрес. То она не вовремя что-то подала или убрала, то клюквенный морс был чересчур кислым или очень сладким, то она замешкалась, подготавливая постель, и прочее. Акулька все это переносила легко, молча, с усмешкой, а когда выходила из опочивальни и натыкалась на князя, то озорно щурила глаза и проходила мимо, виляя бедрами.

Но еще более доставалось дворовой девке Марфутке, хотя она с утра до ночи, не зная отдыха, занималась хозяйственными делами. Она и убирала во всех комнатах, и стирала белье, и готовила кушанья, стараясь изо всех сил. Однако княжна постоянно была чем-нибудь недовольна и не упускала случая сделать ей выговор. Тогда Марфутка злобно сжимала зубы, а потом плакала по ночам от обиды и призывала всех нечистых извести ненавистную княжну.

Только дворовый человек Гришка Егубьев никогда не унывал и легко переносил тяготы работы, не тая зла за нагоняи от князя. Он даже уважал его за бравый вид бывшего вояки, за бодрость и неутомимость. Зато не любил он денщика, считая Ивашку Константинова гордецом и ленивцем, способным только стаскивать сапоги с ног хозяина. Сердился Гришка и на сестру Акульку за ее неспособность соблазнить князя. На его упреки она отвечала:

— Что я могу сделать, если он любит Анастасию? Он почти каждую ночь ходит к ней в спальню, а на меня не обращает внимания.

— Плохо стараешься, — сказал ей однажды Гришка. — Если ты не заставишь его в постель, то тебе не простит этого княгиня Марья Петровна, когда вернешься в Божонки.

Акульку поразило Гришкино признание. Она-то думала, что им руководит только личная неприязнь к Анастасии, а дело оказалось намного серьезнее. То, что она считала приятной игрой, так как князь нравился ей, теперь оборачивалось ее обязанностью как дворовой княгини Марьи Петровны.

— Как же мне теперь быть? — спросила она. — Не тащить же его в постель силой?

— Пусть тебя не испугает то, что я предложу, — сказал Гришка. — У меня есть снадобье, от которого человек заболевает. Если его взвар подливать княжне в клюквенный напиток, то она скоро захворает и ей станет не до любовных утех. Тогда князь и обратит на тебя внимание. Надо же ему расслабиться после беспокойной работы. А завладев им, мы посеем семейный раздор с Анастасией. Тогда в Божонках тебя будет ждать не опала, а награда.

Акулька сказала, что подумает, и несколько дней ходила в полной растерянности. Даже княжна заметила в ней перемену и спросила:

— Уж не заболела ли ты? На тебе лица нет.

— Зуб ноет, — соврала Акулька.

Попытав Гришку и получив от него заверение, что снадобье не опасно для жизни, Акулька согласилась опаивать княжну.

4

Вручив Акульке кувшин с отваром из кореньев, Гришка повеселел и погрузился в свои обычные дела. Утром он шел в конюшню и набрасывал в ясли сено, затем запрягал в телегу одну из лошадей и ехал в лес за дровами вместе с дворовым человеком Микиткой Максимовым. В лесу они валили лесину, распиливали ее на чурбаны и везли ко двору, чтобы там поколоть и сложить поленницу. Дров требовалось много для печей в домах и мыльнях, так как лето было коротким, а весна и осень холодны, не говоря уже о студеной зиме.

После дня, проведенного в лесу, если князь не поручал иного дела, Гришка и Микитка шли в кружечную избу. Там всегда у дверей толпились люди, попивающие пиво, так как в тесном помещении на всех не хватало места. Но это не считалось неудобством, поскольку можно было без спешки во время питья вести всякие разговоры. Здесь была возможность узнать обо всех событиях и новостях.

Гришка и Микитка присматривались к посетителям кружечной, ловили каждое слово и однажды услышали, как служилый человек сказывал, что в прошлом году у посадского Костьки Шапошника гостил некий коновал Кирюшка, прибывший из Тобольска на дощанике. Так у того Кирюшки был наговорный перец. И если этот перец растолочь и дать любой девице, то она станет любить и жить с ним.

— Надо бы навестить этого Шапошника и узнать — нет ли у него того перца, — сказал Микитка.

— А зачем он тебе? Или кто на примете есть? — спросил Гришка.

— Да так, на всякий случай, — уклончиво ответил Микитка.

— Тогда расспроси его заодно, есть ли кто из знахарей или ведунов среди жителей. И каким делом занимается. Собирает ли травы и коренья или наговоры знает.

— А тебе для чего?

— Тоже на всякий случай.

Микитка погрозил пальцем.

— Хитер ты, приятель. Так просто не интересовался бы ворожеями. Что-то есть у тебя на уме. А давай я теперь схожу к этому посадскому.

— Сходи, а я подожду да еще послушаю, о чем толкуют люди.

Пока Микитка отсутствовал, Гришка вытащил из кармана деньги и взял еще кружку пива.

Микитка вернулся и выставил большой палец вверх, извещая тем об удаче.

— Прежде всего Шапошник удивился и спросил: «Кто тебя навел на меня?» Ну, я и сказал все как есть. Мол, у кружечной услышал. Тогда он говорит, что перца у него уже нет, что отдал кому-то. Однако если я буду держать язык за зубами, то он сведет меня с тем коновалом, который обещался приехать в этом году.

— У-у-у, — разочарованно протянул Гришка. — И чего ты палец вверх выпер?

— Так он же пообещал свести с Кирюшкой, который и наговоры знает.

— А о местных ведунах спрашивал?

— Спрашивал. Говорит, что не знает.

— Тогда будем ждать Кирюшку, — сказал Гришка.

5

Нежданный посетитель из дворовых людей воеводы вселил в Костьку Шапошника большое беспокойство. Он стал сожалеть, что раскрылся, сказав о перце, и что пообещал известить о коновале, когда тот прибудет в Сургут. За советом, как ему теперь выкрутиться, он отправился к служилому казаку Ларке Ярофееву, знахарю и ведуну, которому помогал при случае продажей колдовского зелья.

Ярофеева очень заинтересовало сообщение Шапошника, и он сказал:

— Выбрось из головы свои страхи. Если дворовые люди что-то замышляют против князя, то они не выдадут. А если выдадут, то нетрудно и отговориться. Меня влечет прийти им на помощь. Этот воевода уже поперек горла стал, сует свой нос куда не следует. Обыскал двадцать ясачни-

ков и весь табак отобрал, лишив казаков хорошего заработка. Остяки высоко ценят табак и на добрых соболей его обменивают.

— А для чего им табак? Они же не курят.

— Да, не курят, а в нос суют с пеплом березовой коры. Говорят, что от этого в холод рожа не мерзнет.

— Все-то ты знаешь, Ларка! — восхищенно изрек Костыка. — И грамоте обучен, и Библию читал, и в колдовстве разумеешь.

— Я и книгу Моисея читал, Бытие называется, — гордо сказал Ярофеев. — От деда и отца наследовал умение, хотя и бит был нещадно. Ладно, хорошо, что ты не проговорился обо мне княжескому холопу. Говоришь, что был и второй человек, которому ведун понадобился?

— Был. У кружечной избы ждал. Я проследил за тем, который приходил.

— Тогда думаю, что затея у них непростая.

Как только Шапошник ушел, Ярофеев отправился в соседний двор к сыну, но дома была только сноха Оринка.

— Я к тебе пришел, — сказал он. — Хочу спросить — знакома ли ты с кем-либо из дворовых людей воеводы?

— Знаю девку Марфутку. Я часто встречаю ее на рынке. Она то зелененькая, то молоко покупает для господ, — ответила Оринка.

— Тогда у меня есть к тебе дело. Узнай поименно обо всех холопах и кто чем занимается. А главное — довольны ли они своими господами?

— А почему сам этого не сделаешь? Они ведь мимо тебя ходят, когда ты на карауле.

— Мне нельзя на себя подозрение наводить.

— Ладно, завтра же подкараулю Марфутку, — пообещала сноха и, подумав, добавила: — Мне показалось, что ей нелюба большая княжна.

— Если в этом убедишься, то намекни, что можешь найти наговорное снадобье.

6

Впервые Ларка Ярофеев почувствовал, что грядет для него настоящее чародейское дело и следует к нему подготовиться.

Ларка вошел в свои ворота, закрыл их на засов и по ухоженной широкой дорожке из песка направился к избе, стоящей в середине двора. Войдя в сени, он также закрыл двери на засов и через повалушу с медуницей под полом прошел в гостевую горницу, а из нее через внутренние сени в заднюю клеть. Здесь была его особая вотчина без окон и образов.

В центре этой комнаты был шестигранный стол, изготовленный самим Ларкой из осины — пристанища злых духов, на котором по углам стояло

шесть бронзовых подсвечников с восковыми свечами. Он их зажег и подошел к полке, где лежало несколько книг в старых истертых переплетах. Взяв Библию, он открыл ее на закладке, пробежал глазами по тексту, закрыл и поставил на место. Затем он взял из ящичков на поставце мешочки с солью и порохом, постоял, подумал и вернул порох обратно.

Высыпав соль в небольшое осиновое корытце, он водрузил его на середину стола, простер над корытцем руки и сказал:

— Соль — это солнце. Это источник жизни. Это знак дружбы на Руси, и мы встречаем дорогих гостей хлебом-солью. Но у врагов соль — это злая сила и проклятье, торжество победителей над побежденными. Библия повествует: «И сражался Авимелих с городом весь тот день, и взял город, и побил народ, бывший в нем, и разрушил город и засыпал его солью». И считали египтяне соль злою силою, слюной злого Сета. Куда падала его слюна, там появлялась соль, оскудение и смерть. И постигла Божья кара города Содом и Гоморру. И когда Лота и его жену вывели из города, им велели идти, не оглядываясь. «Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столбом». Ныне, соль, ты станешь возмездием за обиды и притеснения.

Ларка сдернул с ноги сапог, снял с шеи крест и положил его под пятку. Надев сапог, он сказал:

— Отрекаюсь Бога и Животворящего Его креста, отдаю себя в руки дьяволам. Пристаньте сему человеку скорби, под названием икоты, трясите и мучьте Анастасию до окончания жизни.

После наговора Ларка вытащил крест из сапога и повесил его на спину. Постояв так какое-то время, он перевесил крест на грудь и произнес:

— Как будет сохнуть соль сия, так сохни и Анастасия. Отступитесь от меня, дьяволы, а приступите к ней!

Закончив колдовство, Ларка расшевелил соль в корытце, ссыпал ее в мешочек и отнес в ящик поставца, откуда брал.

На следующий день его сноха Оринка подтвердила свое подозрение. Марфутка действительно ненавидела большую княжну, но сказала, что попросит зелье, как только надумает. А думала она долго.

Ларка Ярофеев уже сожалел, что поторопился и зря наговорил соль, как вдруг во время Святков, за неделю до Рождества, Оринка привела Марфутку.

Ларка сказал Марфутке:

— Если ты меня выдашь, то я призову бесов и они высосут из тебя кровь. Клянись о молчании.

— Клянусь, — вымолвила испуганная Марфутка.

— Тогда иди за мной.

Ларка привел ее в клеть, зажег свечи и достал из ящика два мешочка.

— В одном из них соль, — сказал он, — а в другом мушкетный порох. Соль разбрасаешь там, где ходит большая княжна. Можешь также класть ее в кушанья. Порох же надо потолочь, залить водой и настоять. Тот настой подливай в еду всему семейству и изведи их, если не хочешь мести и кары. Иди и выполняй задумное!

Марфутка спрятала мешочки под платьем, подвязав их к пояску, и, полная решимости, вернулась в княжеские хоромы.

7

В конце осени княгиня Анастасия стала испытывать недомогание. Она жаловалась на боли в животе, слабость и головокружение. С каждым днем ее состояние ухудшалось, и Константин Нефедович в полном расстройстве чувств искал знахарей, знающих травы. Он даже отписал в Тобольск воеводе Шереметьеву о своей беде и просил прислать врача. Но Шереметьев ответил, что 20 мая случился пожар, выгорело восемь церквей, архиерейский дом, приказы, гостиный двор, торговые ряды и сто пятьдесят дворов. С тех пор двое знахарей заняты обгорельцами, и послать ему некого.

Княжну растирали водкой, прикладывали примочки к голове и натирали живот деревянным и коровьим маслом, но состояние ее не улучшалось. Напротив, она исхудала и еле держалась на ногах, упрекая слуг в плохом уходе за нею.

— Горбатого только могила исправит, — говорил Гришка Егубьев Акульке. — Продолжай опаивать ее взваром.

Акулька, прищурив глазки и скривив губы в загадочной улыбке, сказала:

— Ты заметил, Гришка, что дети и князь вдруг стали болеть? Их-то мы не опаивали кореньями.

— Заметил. А ты знаешь что-то?

— Знаю. На днях я застала Марфутку за разбрасыванием соли и сразу догадалась, что она наговорная. Девка призналась мне, что решила известить всю семью Константина Нефедовича и для надежности подливает в еду настой из пороха и соль кладет. А взяла она ту соль и порох у служилого казака Ларки Ярофеева, занимающегося колдовством.

— Ну и дела-а, — удивился Гришка. — Где она раскопала этого казака?

— С ним свела его сноха Оринка.

— Ну и дела-а... А мы с Микиткой обыскались осенью, но никого из ворожеев не нашли. Давай не будем вмешиваться в дела Марфутки и

сделаем вид, что нам ничего не ведомо. Попадется она, так пусть думают, что вся вина в порче семьи на ней одной лежит, а мы тут ни при чем.

— А я все слышала, — сказала Улька, войдя в комнату, — я за дверьми стояла. Неужто вам детей не жалко?

— Вот что, Улька, оберегай детей, как сможешь, но попробуй только выдать меня и Акульку. Мы скажем, что и ты была с нами, — пригрозил Гришка. — Не наговаривать же тебе на родных брата и сестру. Если вдруг узнает князь о порче, то вали все на Марфутку.

Улька ушла, решив пригрозить отравительнице.

В то же время в хоромы стали приходиться посадские женки, прослышавшие о болезни княжны и желающие принять участие в ее исцелении. Но их травы и мази не помогали. Ко всему стали болеть и дети. А перед самым Рождеством Константин Нефедович почувствовал сильную боль в груди и чуть не потерял сознание.

Отчаянье охватило его. Он встал на колени перед образом Пресвятой Богородицы и погрузился в молитву, взывая и вопрошая:

— За что мне такое наказание? Дай мне, Пресвятая Дева, прозрение. Научи спасти Анастасию от смерти и исцелить дочерей.

Сердце Ульки не выдержало, она подошла к князю и сказала:

— Я молчала до сей поры. Но теперь заболели дети. Я не могу смотреть, как они страдают. Я хочу покаяться. Прикажи отстранить от княжны Акульку, а от дома Гришку. Они опаивают Анастасию кореньями. Сгони также Марфутку со двора. Она сыпет под ноги наговорную соль и подливает в еду настой пороха. От того и дети, и ты стали болеть.

Не допустила Пресвятая Богородица торжества бесов в день рождения Христа, вразумила Ульку на правду. Так воспринял князь ее покаяние и немедля приступил к действиям.

Щербатов тут же приказал караульщику вытащить из-за праздничных столов атаманов Алексея Торопчанинова и Якова Батолина и привести их в приказную избу, куда направился сам.

— Прошу прощения, что испортил вам праздник, — сказал воевода. — Дело государево, изменное, и потому не терпит проволочки. Сходите на мой холопский двор и приведите Гришку Егубьева, его сестру Акульку и девку Марфутку.

Когда их привели, Щербатов сказал:

— Мне известно, что вы навели порчу на меня, княжну и детей. Чем мы вам не угодили, чтобы решиться известить нас?

— Я и Акулька тут ни при чем, — поспешил отпереться Гришка. — Спроси Марфутку. Это она принесла зелье и клала в еду. Акулька ее застала.

— Не было у меня никакого зелья, — заявила Марфутка. — Это Гришка с бураком ходил, а в нем разведенный порох.

— Не надо на меня сваливать свою измену, — сказал Гришка. — Мне подлинно известно, что за зельем ты ходила к казаку Ларке Ярофееву.

Щербатов спросил Торопчанинова:

— Это твой казак?

— Мой. Он ныне в карауле.

— Арестуй его и доставь сюда.

— Ну, признаюсь, что ходила за перцем, — сказала Марфутка. — Только я не себе брала, а для Гришки. Принесла в мешочке, как он просил. А разводил он его в бураке сам.

— Врешь! — крикнул Гришка. — Я знаю, что бурак ты отдала денщику князя Ивашке.

— Еще один изменщик! — воскликнул Щербатов. — Арестуй его, — сказал он атаману Батолину. — Может, кого еще назовете?

— Больше никого не знаю, — сказал Гришка. — Отпусти меня с Акулькой. Мы тут ни при чем.

— Так-то и ни при чем? А кто коренья давал Акульке?

— Какие коренья? Ни о каких кореньях не ведаю. Знаю только, что Ивашка, по наущению Марфутки, относил бурак с порохом Акульке.

— Никакого бурака с порохом я в глаза не видела! — возмутилась Акулька.

— А может, мне и показалось. Ходил Ивашка с ним туда-сюда — я и запутался, — сказал Гришка.

— Ничего, я вас всех распутаю, — сказал Щербатов. — После Рождества под пыткой всю правду скажете. А пока будет вам праздником тюрьма!

Атаманы ввели Ларку Ярофеева и денщика.

Ивашка спросил:

— За что меня арестовали?

— А ты не догадываешься?

— Понятия не имею.

— Знаешь этого человека? — спросил Щербатов, указав на Ярофеева.

— Знаю. Видел не раз в карауле у ворот. А что?

— Ладно, разберемся.

Смерив с ног до головы Ларку Ярофеева, Щербатов спросил:

— Ты только наводишь умеешь порчу? Или снимать тоже можешь?

Поняв, что предан, что при сыске обнаружат его колдовскую клеть, Ларка ответил:

— Могу и снимать, и лечить травами.

— Это хорошо. Я не знал, что у меня под боком такой знахарь и колдун в казаках служит, — сказал Щербатов и приказал атаманам: — А теперь всех изменников в тюрьму! Да по отдельным комнатам рассадите, чтобы не сговорились. А потом идите к праздничным столам.

8

Весть о том, что на семью воеводы была наведена порча, быстро облетела все дворы Сургута. Многие казачьи жены сочувствовали князю, но не знали, как ему помочь. Однако нашлась старушка, которая пришла и посоветовала:

— От отравы лучше всего помогут хорошо перегоревшие древесные угольки и молоко. И то и другое нужно принимать в больших количествах и днем и ночью.

Щербатов внял совету, и не зря. Уже на третий день княжна почувствовала себя значительно лучше и даже без посторонней помощи смогла встать с постели. А дети и вовсе излечились, так как прием пищи с настоящим пороха длился всего три-четыре дня. Сам Константин Нефедович тоже глотал угольки и пил молоко. А вся прислуга в хоромах была им сменена, кроме Ульки.

Константин Нефедович сказал Анастасии:

— Прежде всего нам помогает то, что теперь в еде нет зелья.

Приняла участие и церковь в изгнании бесов из хором. Пришел поп, размахивая кадилом, и все подряд окропил святой водой, а потом прочитал молитву. Поп одобрил глотание угольков. На прощанье он сказал всему собравшемуся семейству:

— Христос Бог есть древо жизни. А сгоревший от древа пень есть кадило. А кадило — это Бог, Господь наш Христос. Продолжайте глотать угли, и Бог исцелит вас.

Приближался день Крещения, и разгул горожан во время Святков стал затихать. Этому помогал и крепкий мороз. Щербатов велел непрерывно топить печи в съезжей избе, а атаману Торопчанинову поручил найти из посадских людей двух плотников, чтобы подготовить там место для пыток.

Плотники соорудили широкую лавку с колодкой для ног, а для рук закрепили по краям кожаные ремни с застежками. Перед местом пыток было поставлено седалище для воеводы, покрытое лосиной шкурой, а для свидетелей сделаны две длинные лавки вдоль боковых стен. Одна предназначалась для атаманов, пятидесятников и целовальников, а другая — для холопов князя. Сбоку, рядом с седалищем, был расположен стол для по-

дьячих — с чернильницами, гусиными перьями и пачкой бумаги. А палачу предназначался столец у печи и длинный железный прут с ручкой и загнутым концом, который раскалялся на углях.

Когда атаманы, пятидесятники, целовальники и холопы уселись на лавки, Щербатов сказал подьячим:

— В списки допросных и пыточных речей записывайте слово в слово.

Затем он обратился к палачу:

— Поначалу прижигай слегка, пока я не скажу, чтобы придавить. Прижигай сбоку у бедра.

Арестованных со связанными руками привели всех сразу. Воевода поставил их перед собой и сказал:

— Сегодня Крещение Господне. Но я не Иоанн Креститель и потому буду крестить вас не водою, а огнем. Ваши бесовские дела под стать геенне огненной.

Щербатов приказал положить на лобное место казака Ларку Ярофеева, который пытался вырваться и спрашивал:

— Меня-то за что пытаться?

— Ты не холоп мой и присягал не мне, а государю Руси. Ему ты изменил и первым заслуживаешь пытки, — сказал воевода и обратился к арестованным холопам: — А вы смотрите, что ждет каждого из вас.

Затем он приказал палачу:

— Прижги его, да крепко!

Истошно взвыл Ларка от боли. Запахло паленым мясом в избе. Ужас охватил Акульку и Марфутку, а Гришка злобным волчьим взглядом уставился на хозяина. Только денщик Ивашка недоуменно озирался, словно не понимал, из-за чего происходит такое злодейство.

— Разведите пока остальных по комнатам, — сказал Щербатов стражникам, — и чтобы у каждого был пристав. А этого будем допрашивать.

— Зачем меня прижигал? — спросил Ларка. — Я ведь не отказывался говорить правду.

— Тогда говори. Если поверю, то и пытать не стану.

— Приходила ко мне твоя дворовая девка Марфутка и просила наговорную соль и порох. Я ей и дал, не спрашивая, для чего надобно.

— Так-то сама по себе пришла и попросила? А от кого узнала, что у тебя снадобье есть?

— А моя сноха Оринка сказала ей о том и привела. Они на рынке познакомились.

— А кто еще к тебе приходил? — спросил Щербатов.

— Больше никого не было.

— Отведите его в комнату и приведите сюда Акульку Егубьеву. А пока будем ее допрашивать, пусть кто-то сходит за Ларкиной снохой, — велел воевода.

Акулька испуганно уставилась на лавку для пыток и сказала князю:

— Если станешь жечь меня огнем, то потом я порешу себя в твое удовольствие. Я и так всю правду выложу.

Константину Нефедовичу самому не хотелось портить красивое тело дворовой женки. Авось одумается и еще пригодится. Поэтому он сказал:

— Это зависит от тебя. Присядь на лавку и сказывай без утайки, как все было. Тогда и пытать не буду.

Акулька провела по лавке рукой, села и стала рассказывать:

— Когда ты, Константин Нефедович, приехал к брату Дмитрию в село Божонку, то по наущению твоей матушки княгини Марьи Петровны взял меня с собою в Сибирь. Так?

— Был такой совет от нее. И что из этого следует?

— А сам рассуди. У брата твоего Дмитрия был задворный человек Васька Михайлов, ворожей и коренщик. Да был еще крестьянин Васька Брюзга, который отдал свою ворожбу родному сыну Мишке Васильеву. А у матушки твоей княгини ходил подручником детина Ермошка Онтонов, ворожей и знахарь.

— Ты хочешь сказать, что рядом с братом и матушкой холопы колдовством промышляли, а они о том знали?

— Не только знали, но и пользовали их для своих дел. А ведь княгине Марье Петровне не по нутру была княжна Анастасия. Так?

— Тебе и это ведомо?

— Еще как! Вот и спроси моего брата Гришку, где он коренья взял, чтобы я опаивала твою жену.

— Тебе-то какая польза от такого злодейства?

— Люб ты мне, Константин Нефедович. Потому и согласилась по наущению Гришки хворью отвратить от тебя Анастасию, чтобы на меня глаз положил. А теперь мне и жить не хочется.

— Уведите ее и приведите Марфутку, — сказал вполголоса Щербатов. А когда Акульку увели, велел посадить к ней двух приставов, чтобы она чего над собою не учинила.

Марфутку раздели и прикрепили к лавке. Палач поднес к ней раскаленный прут и замер в ожидании приказа. Глядя на обнаженное тело, он невольно облизнул губы.

Щербатов усмехнулся и сказал палачу:

— Жаль девку? А придется жечь, если врать будет.

— Правду скажу, — заверила Марфутка. — Только уберите от меня эту палку. От нее жаром пышет.

— Хорошо, палач подождет у печи, а ты сказывай — как надумала всю мою семью извести, и кто был с тобою заодно?

— Все были! И Гришка с Акулькой, и казак Ярофеев. Он дал соль и порох и прямо сказал, чтобы соль сыпала под ноги, а порох клала всем боярам в кушанье.

— Зачем это было нужно Ярофееву?

— А я знаю?

— Врешь! Прижги ее!

Палач прикоснулся раскаленным концом прута к бедру Марфутки. Она дернулась, выгнулась дугой и взвыла.

— Ой, больно! Я все скажу!

— Я слушаю, говори.

— Меня заела твоя княжна Анастасия. Я долго терпела, плакала, а тут Ларкина сноха Оринка, жалеючи меня, и говорит, что Ларка ворожит и знает. Тогда за неделю до Рождества я пошла к нему и попросила зелье, чтобы отомстить. Соль я сыпала и под ноги, и в еду клала вместе с настоящим порохом. Его остаток и теперь лежит в моем сундуке. А бурак, в котором разводила порох, вдруг пропал.

— Теперь похоже на правду, — сказал Щербатов и спросил: — А зачем ты наводила порчу еще на детей и меня?

— А как же я могла еду разделить между княжной и вами? — наивно спросила Марфутка и добавила: — Да и Ларка сказал, что пусть, мол, все едят.

— Развяжите ее и приведите Гришку, — велел Щербатов приставам, а целовальникам сказал: — Пока он будет на допросе, сделайте у него сыск, а у Марфутки из сундука заберите порох.

В это время в съезжую избу доставили сноху Ярофеева Оринку. Щербатов ей сказал:

— Если скажешь правду, я тебя отпущу. Как моя дворовая девка узнала, что у Ларки есть зелье для порчи?

— Это ты о Марфутке Павловой спрашиваешь?

— Да, о ней.

— Так мы по-бабьи о том о сем разговаривали, и я обмолвилась, что Ларка ворожит и знает. Она и попросила сводить к нему.

— Понятно. Можешь идти домой.

Привели Гришку и привязали к лавке. Тут целовальники принесли бурак и мешочек с порохом. Щербатов осмотрел бурак, обнаружил на его крае засохший порох и спросил:

— Откуда у тебя этот казанок?

— Наверное, твой денщик Ивашка его подбросил. Я же говорил, что он с ним мотался между нашими дворами.

— Прижги его! — велел Щербатов палачу.

Гришка прикусил до крови губу, но не завыл, как другие.

— Убери свою палку! — крикнул он. — Скажу, как было.

— Говори, пес! — негодуяще прикрикнул князь.

— Дело было так... — сказал Гришка. — Полюбила тебя моя сестра Акулька и замыслила навести порчу на княжну. И попросила она раздобыть зелье. Тогда дал я твоему денщику Ивашке Константинову гривну, чтобы раздобыл снадобье. Ходил он к казаку Ларке Ярофееву и принес от него бурак с разведенным порохом. А я тот порох отдал Акульке.

— Прижги его крепко! — велел Щербатов палачу.

На этот раз Гришка завыл, а князь сказал:

— Это тебе за вранье. То, что ты порох у Марфутки выкрал, — я знаю. Теперь признавайся — где взял коренья?

— Там же и взял, где порох.

— Припеки его с другого бока! — приказал Щербатов и спросил: — Не из сельца ли Божонки привез?

— А если знаешь, так чего спрашивать? И ты, и твой брат Дмитрий, и матушка княжна — все вы одним миром мазаны, чтобы над людьми измываться. Больше ничего не ведаю. Хоть сожги всего!

— Ладно, на сегодня с него хватит. Уведите и дайте ему медвежьего сала. Пусть раны смажет, — распорядился князь. — Пора с моим денщиком разобраться.

Привели денщика.

— Гришка под пытку донес, что дал тебе гривну, чтобы ты нашел для него снадобье. И ты нашел его у казака Ларки Ярофеева и принес бурак с разведенным порохом, — сказал Щербатов.

— Константин Нефедович, врет Гришка. Никакой гривны он мне не давал, никуда я не ходил и никакого бурака не видел. Поверь моему слову! Если я и слышал о зелье, так только то, что наш дворовый человек Микишка Максимов наговаривал соль. Да вот он, Микишка, на лавке сидит. Спроси его. Может, он что-то знает.

Щербатов всплеснул руками.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! Оказывается, у меня есть свой ворожей. Ну-ка, Микишка, стань передо мной как лист перед травой. Скажи, кто научил тебя соль наговаривать? И для чего она понадобилась?

Микишка с кислой физиономией покинул лавку у стены.

— Питки не желаешь? — спросил Щербатов. — Сам видел, что тут правды не утаишь. Я слушаю.

— Дело было так, — принялся рассказывать Микишка. — Полюбилась мне женка Панфилки Костянинова, твоего дворового человека, Олька Иванова. Хотел я ее соблазнить на блудное дело, а она не поддавалась. А тут как-то с Гришкой подслушали мы у кружечной, что к посадскому человеку Костыке Шапошнику наезжает из Тобольска на дощанике коновал Кирюшка с наговорным перцем. И тот, кто этот перец женке даст, того она будет любить и жить с ним. Нашел я Костыку, а тот свел меня с Кирюшкой, а Кирюшка с торговым человеком Оничкой Степановым. Так я с этим Оничкой сошелся за городовыми воротами, чтобы никто не видел, и взял у него перец. Перец я толоч у себя во дворе в большом подклете и там спрятал, а когда пришел за ним, то его в том месте уже не было. Я сказал об этом Костыке, и он опять свел меня с Кирюшкой. Тот и научил наговаривать соль.

— И чем эта сказка завершилась?

— Как чем? Олька от мужа своего стала жить со мною блудным делом. Да тут же она. Пусть скажет.

— Ой! Панфилка дерется! — крикнула Олька, получив кулаком удар в скулу.

— С вами со всеми умом тронешься. Остынь, Панфилка! — приказал Щербатов. — Дома будешь кулаками размахивать! А ты, Микишка, сядь на место. Потом разберусь с блудными делами. У меня не холопский двор, а блядня какая-то!

Потеребив в раздумье бороду, Щербатов спросил целовальников:

— Вам известен торговый человек Степанов?

— Знаем. Налоги будто исправно платит.

— Завтра приведете его на допрос. А теперь надо бы с казаком побеседовать. Денщика заберите под приставы, а Ларку на допрос.

Ивашка Константинов взмолился:

— Отпусти меня, Константин Нефедович! Ведь праздник сегодня! А я не замешан в изменном деле.

— В этом я еще не убедился. Уведите!

Привели Ярофеева.

— Садись, — сказал ему Щербатов. — Пока без колодок обойдемся. Приходил к тебе мой денщик до Рождества?

— Он вообще у меня не был. Только Марфутка и приходила.

— Ладно. Давай на чистоту поговорим. Все, что нужно, я узнал из пыток. Теперь хочу понять, чем же я провинился перед тобой, служилым го-

сударевым человеком, что ты охотно использовал случай меня извести. Скажи на милость.

— Надо было с такого разговора и начинать, а не жечь меня на показ, — сказал Ярофеев.

— Это еще терпимо. Может, государь велит тебя повесить. Так чем же я у тебя не заслужил?

— Недовольны тобою казаки.

— Брешет он! — крикнул с места атаман Торопчанинов.

— Пусть говорит, — сказал Щербатов.

— Во-первых, ты отдал на откуп зернь, карты и безмужних жен на блуд, чего холостые казаки, коим являюсь и я, не могут тебе простить. Цены стали велики. Где столько денег взять? Можно было бы заработать, но ты запретил казакам возить в юрты вино и табак и прочее, что они могут обменять на соболей.

— Понятно. А что во-вторых?

— А то, что ты унижаешь нас сысками при выезде на ясачный сбор, а при возвращении отбираешь купленную мягкую рухлядь на государя. Прошлый воевода так не поступал.

— Если он так не поступал, то пренебрег царскими указами, — сказал Щербатов. — И из-за этого ты замыслил извести мою семью с помощью дворовых людей?

— Я их не понуждал. Они сами того хотели.

— Кто они? Два-три человека? Но это не все дворовые.

— Марфутка говорила, что княжна — деспот.

— Деспоты — это те, кто за всякую мелкую провинность секут плетью холопов, что у меня не принято. А требования, чтобы был порядок в доме или в городе, это не повод для убийства, — сказал Щербатов. — Я думал, что ты что-нибудь дельное скажешь, а не услышал. Теперь сиди в тюрьме и жди царского указа.

На этом Константин Нефедович прекратил допросы и отпустил всех по домам, кроме арестованных. Он забрал у подьячих допросные листы, отнес их в приказную избу и пошел к жене и детям.

9

На этот раз княжна Анастасия встретила мужа не страдальческой улыбкой, а протянула руки и сказала:

— Заждалась тебя. Присядь рядом.

Константин Нефедович поцеловал жену и сел на край постели.

— Разобрался с убийцами? — спросила она.

— Все арестованные замешаны в наведении на нас порчи и теперь сидят под замком с приставами. Нужно будет еще продолжить дознание. Думаю, что мой денщик ни при чем, но пусть пока в тюрьме посидит для острастки. Главное, скажи — как себя чувствуешь?

— Уже намного лучше. Глотаю угольки и запиваю их молоком. А другого пока ничего не ем. Улька и детьми занимается, и для меня находит время. Я теперь поняла, что с дворовыми девками следует быть помягче.

— Об этом как раз я и хотел тебя попросить. Если бы не Улька, то неизвестно чем бы все кончилось.

— А что говорит Акулька? — спросила Анастасия.

— Она признала свою вину и на многое открыла глаза. Все оказалось не так просто, как думалось. Если Марфутку толкнула на убийство собственная злоба, то Акулькой руководила иная воля.

Константину Нефедовичу не хотелось открывать жене истинную причину предательства Акульки, и поэтому, сославшись на «иную» волю, он завершил свое высказывание туманной фразой.

— Я догадалась. Это дело рук твоей матушки. Недаром она подсунула Акульку, — ответила Анастасия.

— То, что она к тебе не благоволит, нам известно, но не до такой же степени. Есть еще брат Акульки и другие люди. Так что не будем спешить с приговором.

— Но ты обязательно дознаешься?

— Не сомневайся.

От княжны Константин Нефедович заглянул в детскую комнату. Девочки уже спали. Улька приложила палец к губам, призывая к тишине. Князь поманил ее рукой выйти за дверь.

— Ты не говорила Анастасии того, о чем я просил? Не призналась, что знала о порче, но сразу не сказала?

— Нет, не говорила. Княжна всяко спрашивала, но я ответила, что только краем уха слышала о каком-то зелье и донесла тебе.

— Вот и хорошо. И дальше помалкивай.

— А что теперь с Акулькой будет?

— Пока и сам не знаю. Дело ведь государево и людям известное, — сказал Константин Нефедович и развел руками. Мне ведь в отписке государю придется и о тебе слово молвить. Во всяком случае, постараюсь вывезти вас обеих из Сибири.

На следующий день Щербатов решил завершить дознание и послал Торопчанинова с целовальниками за торговым человеком Оничкой Степановым, чтобы допросить его в приказной избе.

Степанов не стал отпираться и сразу признался, что давал наговорный перец Микишке Максимову, а для чего он ему понадобился, того не знает.

— А у кого сам тот перец брал? — спросил Щербатов.

— У коновала Кирюшки из Тобольска. Он каждый год его привозит. От того перца нет вреда. Его как приворотное зелье многие просят. Я у Кирюшки перец покупаю, а потом продаю и хороший барыш имею.

— А какое другое зелье он привозит?

— Об этом не слыхал. Знаю только, что он ворожит и знает.

— Если не прекратишь такую торговлю, то надолго в тюрьму посажу, — пригрозил Щербатов. — А теперь иди и выбрось перец, какой у тебя есть.

— Не выбросит он перец, — сказал Торопчанинов, когда торговец ушел. — Но теперь все сходится. Не виноват в порче твой человек Микишка.

— А что об остальных скажешь?

— Думаю, что и денщик твой непричастен. Просто Гришке он нелюб, потому и наговаривает. А как, Константин Нефедович, поступишь ты с изменниками?

— Отпишу государю и дождусь указа. Наверное, дворовых людей он отдаст на мою волю. А ведунов и ворожей попрошу в тюрьмы упрятать. От них все беды. Без них и мои дворовые не смогли бы порчей вредить.

Торопчанинов приложил ладонь ко лбу и сказал:

— Не могу взять в голову — откуда такая злоба у Ларки Ярофеева? Просмотрел я его. Будто старательный в службе казак, а вон что узнали. Опасный человек! Ему место или в тюрьме, или на виселице.

— Ладно, ты иди, а я займусь отпиской государю.

Щербатов пододвинул поближе свечи, склонился над столом и закрипел по бумаге гусиным пером.

«Государю царю и великому князю Федору Алексеевичу всея Великая и Малыя и Белыя России самодержцу холоп твой Костька Щербатов челом бьет».

Задумываясь, перечитывая, он набросал черновик отписки:

«В нынешнем, государь, во 187-м году портили меня, холопа твоего, и женишку, и детишек моих дворовые мои людишки — Гришка Егубьев с сестрою Акулькою да девка Марфутка Павлова. А в допросе они с пытки говорили, что им наговорную соль и порох давали сургутский казак Ларка Ярофеев да денщик Ивашко Константинов... и велели-де в еду класть... И от той, государь, порчи мне, холопу твоему, и женишке, и детишкам моим болезни чинятся беспрестанно... И я служилого человека Ларку

Ярофеева да денщика Ивашку, да человека своего Гришку Егубьева до твоего, великого государя, указу велел посадить в тюрьму, а девку Марфутку велел отдать за приставы, а женку Акульку отдать за крепкие приставы, чтоб она над собою чего не учинила».

«А что, государь, людишки... в допросе и пытке говорили, я сделал список речей... и послал к тебе, великому государю, 13 января к Москве с сургутским казаком Елескою Ляховым... И велел явиться и отписку и список подать в Сибирском приказе твоему боярину Родиону Матвеевичу Стрешневу да дьякам Ливу Ермолаеву и Саве Таркову».

«А подлинное, государь, дело оставил я, холоп твой, в приказной избе».

Дополнив набросок всякими подробностями и переписав отписку заново, Щербатов вложил ее в конверт и опечатал своею печатью на сургуче.

10

В начале июня в Сургут прибыл князь Дмитрий Лихарев, а о царском указе в ответ на отписку Щербатова еще ничего не было известно.

Константин Нефедович ознакомил нового воеводу с делом порчи своей семьи и посоветовал держать под крепкою стражей в тюрьме казака Ларку Ярофеева, чтобы он ему или кому другому беды не учинил.

— Своих людей я всех из-под приставов заберу и увезу на Русь в поместье. А там разберусь с ними сам, — сказал Щербатов.

Он обошел дворовых узников, которые всю зиму просидели за решеткой, и сказал, что уже не таит зла, готов их простить и взять на поруки перед царем, если они обещают служить честно и никому не делать дурного.

Они не ожидали такой милости, раскаивались в содеянном и готовы были на все, чтобы вернуть расположение князя.

Княжна Анастасия согласилась с решением мужа, но сказала:

— Делай как знаешь, а только держи их подальше от меня и детей. Я привыкла к Ульке и доверяю только ей. Она поспекает смотреть за детьми и не обижается на мои капризы.

— Но ты не очень-то капризничай.

— Постараюсь, хотя и хочется.

Обратная дорога из Сибири была такой же долгой и утомительной. Благо что ехали не зимой, а летом. Гришка старался угодить, наловчился ловить рыбу во время привалов, отлучался в лес с саадаком и почти всегда возвращался с дичью. Поэтому обычная походная еда из каш и ячменной похлебки разнообразилась испеченной на костре рыбой или боровой птицей.

В конце августа все семейство благополучно вернулось в поместье.

Брату Дмитрию и матушке княгине Щербатов сразу отписал, что зря по их совету взял с собою Акульку в Сибирь, но теперь вернуть ее не может, так как она под государевым арестом вместе с братом Гришкой. А почему так — они должны и сами догадаться. Не стоит также надеяться на его скорый приезд в Божонки, поскольку он, Анастасия и дети еще не оправались от болезней. Кроме того, он должен дождаться государева указа о порче своей семьи.

Попугав так брата и матушку, он уверился, что теперь они не осмелятся предъявить требование о возврате Акульки, которую определил заниматься птичником. Марфутку Константин Нефедович также отлучил от дома и поставил ухаживать за скотиной, а Гришку назначил старшим конюхом.

Только денщик Ивашка Константинов вернулся к своим неизменным обязанностям и по-прежнему стаскивал сапоги с ног стольника Константина Нефедовича Щербатова.

Еропкин на воеводстве

1

Титулярный советник Уар Еропкин впал в уныние, как только получил Указ императрицы Елизаветы Петровны о назначении на воеводство в город Сургут.

Он-то настроился доживать свой век в родном поместье, а тут нате — поезжай к черту на кулички! И это в его-то годы, когда по саду ходить и грушу трясти — уже труд великий. Какой умник мог такое надумать? Не сама же императрица? Наверное, в канцелярии кто-то наугад ткнул пальцем в список государевых людей и попал туда, куда не следовало. Оторвать бы этот палец!

Так рассуждал Еропкин, собираясь в дорогу.

Прежде всего он был возмущен тем, что отправители не позаботились выдать ему паспорт и подорожную на ямские подводы, так как своих подвод у него не было. Поэтому он написал прошение Елизавете Петровне выделить ему подводы по рангу и сверх того еще десять, поскольку следовало разместить не только семью, но и семнадцать человек дворни, домашний скарб и съестные запасы.

Все, чем был богат титулярный советник, он взял с собой — 2000 рублей денег, пуд серебра, фунт жемчуга и тридцать ведер вина. Для чего он взял 5 пудов оловянной и 2 пуда медной посуды — он и сам не знал. Просто взял и все! Вдруг пригодится.

Насколько было возможно, Еропкин тянул с отъездом. Назначен-то он был воеводою с 1 декабря, а не так далеко и день Рождества Христова.

Не праздновать же в дороге? Однако выехать пришлось в самые холода.

Не стоит пересказывать все тяготы в пути. Добирались, как в сказках говорится: «За тридесятую губернию, тридевятую волость, туда, где за лесами и высокими горами лежит страна Сибирь со славным градом Сургутом». Быстро ли, долго ли ехали по суше и рекам многоверстным, но не

прошло и пяти месяцев, как добрались невредимыми до места престольного воеводского.

Встречал Еропкина прапорщик Петр Воронов, который, оценив невеликий скарб и свиту нового воеводы, сказал:

— Вижу, что не густо у тебя с запасами. Если и денег нет, то трудно будет прокормиться. Не хлебное тут место. Я без семьи, без холопов и то еле-еле концы с концами сводил. Сдам тебе дела и вернусь в Тару. Там лучше. Меня-то сюда временно сунули.

— Почему временно?

— А внезапно помер твой предшественник, отставной капитан Сытин. Всего год прослужил на воеводстве. Он ведь тоже притащил сюда семью. А на меня забота свалилась — отправить их обратно на Русь с его останками. Такая канитель! И о чем вы все думаете, когда в своем возрасте решаетесь костями потрясти?

— Я не думал. За меня императрица решила.

— Взял бы да отказался.

— Не посмел. А кто до Сытина был? — спросил Еропкин.

— Тоже отставник, майор Михайло Миклашевский. Но этот, слава богу, не представился, но бездельно живет в Тобольске в полном разорении. Его отрешили от должности, а пожитки все описали. Пострадал воевода от доноса нашего попа церкви Рождества Богородицы Петра Данилова. Так что держи при нем ухо остро. Обвинил его поп в том, что потворствовал казакам, ясачным сборщикам, и брал от них взятки. Следствие вел тобольский дворянин Денисов и до приезда Сытина правил Сургутом.

Еропкина покорежило от всего, что услышал, и он сказал:

— Видать, проклятое тут место. Какой-то водоворот воевод. Омут.

— Омут не омут, а запустение полное. Сам увидишь.

2

Наспех сдав дела воеводства, прапорщик уехал в Тару, а Еропкин стал вникать в суть жизни Сургута. Домашние заботы он оставил на потом и позвал сотника Андрея Торопчанинова, которого все называли атаманом.

Сотник предложил взойти на береговую башню, откуда можно обозревать не только все строения острога и города, но и пойму Оби.

Отдышавшись после подъема по крутым лестницам, Андрей пожаловался:

— Старость — не радость. Где мои молодые годы? Утекли, как обские воды.

— Сколько же тебе лет? — спросил Еропкин. — Ты хоть и старик, как я, но не выглядишь развалиной.

— Так видится со стороны, а внутри накопилась великая усталость. Город постарел, и я вместе с ним. Это теперь вокруг черным-черно, а в 1718 году радовали глаз свежие срубы. Пришлось заново все отстраивать, так как пожар в 1712 году ничего не пожалел — спалил и острожные строения со стенами, и дворы всего посада.

— Ты не ответил на мой вопрос, — напомнил Еропкин.

— А? Да! Семьдесят два года назад я родился в Сургуте. Местный я. Только не люблю думать о возрасте, пока ноги носят. Теперь вот посмотрел с высоты на округу — и грустно стало. Раньше острог раза в два больше был, а когда стали отстраиваться, то вроде бы и надобности не было возводить по прежнему плану. Поставили четыре башни вместо шести и обнесли стоячим палисадом.

Еропкин окинул взглядом потемневшие острожные строения. У береговой стены располагались воеводский двор и канцелярия. На противоположной стороне стояли пять амбаров. В них он уже побывал при приемке дел от Воронова. В двух амбарах хранилась соль, в одном пушнина, а в двух других — государев провиант. В центре, недалеко друг от друга, поблескивали куполами две церкви. Одна из них выглядела совсем новой.

— Эта соборная Троицкая построена в прошлом году на церковные казенные средства, — пояснил Андрей. — А другая, Рождества Богородицы, построена в 733 году на деньги прихожан.

— Священник Петр Данилов и теперь в ней служит? — спросил Еропкин.

— Так ты уже знаешь о нем? Противный поп!

— Ты считаешь, что его донос был наговором на Миклашевского?

— Я только так и разумею. А в Тобольске по-иному рассудили. Мои ясачные люди не взятки давали, а по чести привозили поминки воеводе. Хороший он человек, не чинил казакам притеснения, а поп Петр завидовал, так как сам с ясачников соболей вымогал, а они ему отказывали. Вот он и злобствовал. Его клевета больше убытка нанесла Сургуту, чем те подношения стоили.

— Прапорщик Воронов говорил, что Миклашевский в безделье и разоренье теперь живет, — сказал Еропкин.

— Это правда, — подтвердил Андрей. — Мне известно больше. Он попал под амнистию в связи с воцарением Елизаветы Петровны, и ему вернули пожитки, а должности не дали. Теперь его жена Авдотья второй год обивает пороги Сибирского приказа, добиваясь, чтобы его опять определили к делам воеводою.

— Да-а-а, — вполголоса протянул Еропкин. — Проклятое место...

— Не понял. Что ты сказал? — спросил Андрей.

— Да так, о своем. Скажи, атаман, почему на башнях не вижу пушек?

— А не дают их нам. Говорят, что прошли времена, когда надо было оберегать город от нападений. У нас и ружьишек, пригодных к стрельбе, всего десяток. Даже на охоту чаще ходим с луками.

— Кстати, ты любишь рыбалку и охоту? Я страсть какой любитель.

— Для меня и всех казаков это не любовь, а необходимость. Жалованья на сытую жизнь не хватает. Ловим рыбу, бьем зверя и продаем приедем и проедем людям. А на вырученные деньги покупаем хлеб.

— И далеко приходится ходить на промысел? — спросил Еропкин.

— Одно место могу и теперь показать. Во-о-н вверху виден край островка. Там неводом удобно ловить. Рядом ход стерляди, муксуна и нельмы. Иногда и осетры попадаются, если над ямами пройти. Идти туда нужно на дощанике, взяв две легких лодочки, чтобы заводить сеть.

— Милое дело! Как только с делами разберусь, так сразу отправлюсь на тот остров. А теперь пора бумаги полистать.

3

В канцелярии днем можно было обходиться без свечей. Помимо восьми слюдяных оконцев два были со стеклом. Еропкин перекрестился перед образом Спасителя, помещенного внутри трех серебряных венцов на окладе под золотом, где также висел серебряный крест, и уселся за стол, покрытый заштопанным красным сукном. Отложив в сторону печатное Соборное Уложение, он прочитал воеводскую инструкцию на пятнадцати листах, а затем взялся за книги с указами 1714–1740-х годов. Просмотрев их, Еропкин поймал себя на той же навязчивой мысли: «Проклятое место». Да и как же иначе, если в Сургуте всякие доносы и склоки повторялись на протяжении всех прошедших лет после пожара, о котором говорил сотник. Обратив взгляд на тот же образ Спасителя, Еропкин произнес:

— Упаси меня, Господь, от соблазна, огради от поминок ясачников и вражды церковников!

Вычитал Еропкин и жалобы прежних воевод о скудном питании, и о том, что нет никаких доходов, что даже между горожанами нет споров, что челом не бьют, от чего ранее хоть какой-то прибыток был. Безответно жаловались воеводы и на то, что живут в прогнивших хоромах, а разрешения на строительство новых не имеют. А в отписках за любой год повторялись одни и те же оправдания по недоимке соболей. И еще многое несусветное...

И такая тоска навалилась на Еропкина от чтения бумаг, что хоть глаза завязывай и с колокольни вниз головой.

Чтобы развеять мрачные мысли, решил он позвать сотника Андрея.

Андрей с сочувствием отнесся к тревогам воеводы и не раздумывая сказал:

— Выбрось все из головы! Как ни старайся, а все равно полного оклада соболей не соберешь. Не уследить за всеми купцами, которые по юртам промышляют, а остяков всякий раз не выгонишь на лешню.

— Что же тогда делать?

— Лучше заняться своими нуждами, чтобы выжить и зиму пережить. Отправь дощаники в Тюмень для закупки хлеба по низкой цене. Закупим его столько, чтобы и самим хватило, и часть продать. А выручкой покроем расходы по посылке.

— А куда тот хлеб положить, если места нет?

— Амбар поставь.

— На такое самовольство я прав не имею. О том только что вычитал в инструкции. А пока разрешения добыю, зима наступит, — сказал Еропкин.

Андрей и тут наше л выход.

— Ныне в Троицкой церкви ризница пуста, — сказал он. — Поговори с протопопом Иоанном Кайдаловым. Он человек сговорчивый. С ним можно дело иметь. Пообещай ему какую-то толику хлеба.

— Добрый совет. Так и поступлю, — сказал Еропкин, воспрянув духом.

— Могу идти? — спросил Торопчанинов.

— Спешись, что ли? Что за дела?

— Особых дел до вечера нет. Заменю караул и в кружечную загляну пивка попить.

— Тогда погоди уходить. Вот тут у меня сундучок стоит, а в нем печать серебряная города Сургута, печать медная таможи и железное клеймо для винной посуды. Часто их приходилось доставать моим предшественникам?

— О первых двух печатях не ведаю, а клеймо часто шло в ход, чтобы оградить продажу самодельного вина.

— Ясно. А многие пристрастны к хмельному зелью?

— Пьют все, но в меру. Только остяки упиваются до беспамятства. Ради вина и табака они за бесценок отдают лучших соболей.

— Что еще можешь посоветовать?

— Заведи скотину. Будет свое молоко и мясо. А для obsługi у тебя достаточно холопов.

— Нет! Этим здесь не хочу заниматься. Тут в реке рыбы полным-полно, а в лесу зверя. Стану добытчиком с твоей помощью. Неужели не обеспечу семью пропитанием? Ладно, тебе спасибо за советы. Иди по своим делам, а я отрешусь от бумаг и навещу протопопа Иоанна. Ну а ты, Андрей Алексеевич, готовь посылку в Тюмень за хлебом.

4

Титулярный советник Еропкин был человеком не лишенным юмора, но педантичным и строгим, хотя никогда не наказывал подчиненных, предпочитая действовать убеждением. Он отличался аккуратностью в любом деле и требовал того же от других, и поэтому, прежде всего, принялся наводить чистоту и порядок в канцелярии для уюта. Ведь это помещение становилось частью его жизни. Он обязал денщика постоянно обметать потолок и углы от паутины, которая каким-то чудом появлялась за ночь, наказал содрать со столов ветхое сукно и заменить его новым. Затем он созвал в острог отставных семнадцать казаков, выкатил им бочку вина и поручил очистить всю территорию от мусора и грязи. А для ремонта хором были взяты внаем два плотника.

Когда хозяйственные дела завершились, Еропкин осмотрел непригодные для стрельбы ружья, отобрал пять с незначительными повреждениями и отдал их наладить кузнецу.

Вроде бы все, что воевода считал необходимым, было сделано. Приказные и таможенный подьячие принимали привозимый ясак, гостинный двор, пивоварня, городская баня, кружечная, корчма и блядня работали бесперебойно, пополняя царскую казну. А от обывательских дворов никаких жалоб не поступало. Тишь и божья благодать.

Однако на душе у Еропкина было беспокойно. Башни острога без пушек внушали гнетущее чувство. Они словно старцы с пустыми глазницами пребывали в безутешном покое слепых, покорившихся своей судьбе. А три прогоревшие затинные пищали, которые валялись под тыном уже многие годы, будто служили памятником беспечности властей. А как объяснить то, что в зелейном погребе имелось всего полфунта пороха? С этим воевода никак не мог смириться и спрашивал себя: «Ради чего нужна такая крепость? А вдруг грянет гром — что тогда буду делать?».

В конце концов Еропкин высказал свои опасения в отписке, которую послал в Тобольск. Но ответа не получил.

Поделившись с Торопчаниновым тревогами, рассказав о бесполезных стараниях добиться отклика высшего начальства, Еропкин поднял правую руку, словно в ней была сабля, в сердцах рубанул ею и сказал:

— Да пошли они все к е... матери! Поехали на остров рыбу ловить!

5

Остров очень понравился Еропкину. Он был не широк, не более пятидесяти сажен. Зато высокая лесистая гряда протянулась вдоль чуть ли не на версту. От правого берега Оби остров отделяла узкая протока, с

левой стороны пролегало широкое основное русло, а нижняя оконечность острова представляла собой песчаную золотистую косу.

Вооружившись бердышом, Еропкин в сопровождении Андрея Торопчанинова и денщика стал осматривать, как он выразился, «свои уголья».

Лес был смешанным. По верху гряды стояли гигантские сосны, пихты, лиственницы и кедры. На склонах мокрых ложбин, пересекающих остров, произрастал березняк и осинник, низины сплошь были покрыты черничником, а спадающие к воде берега защищали заросли кустарника. Там местами прорывалась сквозь колючий заслон то ольха или ива, протягивая ветви-руки к воде, то, красуясь, потрясала от ветерка кудрями пышная рябина. Сам же кустарник удивлял разнообразием. Кроме стены колючего шиповника тут росли калина и смородина, красная и черная, малина, а по всей поверхности земли будто кто-то расстелил ковер из брусничника. А грибов в лесу было столько, что хоть косою коси.

Но не только внешний вид зеленого царства покорила Еропкина. С первых шагов пришельцы столкнулись с его обитателями. С разных сторон доносились посвистывания рябчиков, стрекот сорок, хруст сучьев, а белки, издавая звуки, похожие на потрескивание, взбегали на ближайшие ветки.

Вдруг почти из-под ног, из высокой травы, выскочил рослый глухарь с красными бакенбардами и, не взлетая, не спеша убежал за ближайший куст. Безбоязненно вели себя и тетерева. Любопытные красавцы, сидя на сучках, вертели головками, показывая поочередно глаза-бусинки. Только зайцы стремительно срывались с места, но, отбежав на безопасное расстояние, становились столбиком.

Когда исследователи острова пересекали одну из низин, Андрей присел на корточки и сказал:

— Только что здесь был медведь. Услышав нас, он ушел, но оружие следует держать наготове. Вот его следы.

Далее стали пробираться настороженно, но медведь исчез. Зато, забравшись на пригорок, наткнулись на огромного лося. Он стоял, глядя на людей, и не собирался сойти с места.

Еропкин вскинул ружье, но передумал и не выстрелил.

— Этот остров, как Ноев ковчег, — сказал он. — Пусть себе живет рогатый богатырь, а охотиться будем на других берегах. Однако как сюда попадают такие звери?

— Переплывают протоку, — сказал Андрей. — Их прельщает обильный корм.

Еропкин, удовлетворенный осмотром, предложил вернуться на песчаный мыс и оборудовать стан.

Андрей подготовил для стрельбы лук и на обратном пути подстрелил пару зайцев.

— Не обеднеет Ноев ковчег, — сказал он. — Сейчас зажарим ушастиков на костре и съедим, а то у меня кишка кишке кукиш кажет.

Место для стана Еропкин выбрал под сосной, которая как бы шагнула на отмель, оставив позади стену леса.

— Здесь устроим кострище, поставим лавки и вкопаем столбы под полог на случай дождя, — сказал он.

— Пусть твои холопы займутся зайцами и станом, а мы с казаками пока невод забросим, — сказал Андрей.

Пройдя вверх с полверсты, растянув невод между лодками и пустив их свободно плыть по течению, казаки заработали веслами только тогда, когда поравнялись с отмелью. Сеть выбрали на косу. Рыбы поймалось столько, что Еропкин воскликнул:

— Батюшки! Ею можно весь гарнизон острога накормить!

— Не всегда так получается, а ныне повезло, — сказал Андрей. — Однако пошла рыбка с низовьев.

— Не заняться ли нам заготовкой на зиму, раз она пошла? — спросил Еропкин.

— Как прикажешь. Соль и бочки у нас есть. Можно прямо здесь солить, пока рыба свежая.

С этого дня остров стал излюбленным местом воеводы. Здесь он находил не только отдохновение от трудов праведных, но нашел и кладезь обеспечения себя и своих людей рыбой, мясом зверей и птиц, ягодами, грибами и кедровыми орешками. Как было им сказано, корма хватило на всю зиму. Тем более перед ледоставом вернулись из Тюмени дощаники с хлебом, который засыпали в ризницу церкви Живоначальной Троицы.

Казалось, что службе и обывательской жизни в Сургуте ничего не грозит. Но вскоре времена безмятежности сменили потрясения.

6

Первое тревожное событие произошло 5 июня 1745 года.

Ночью в Сургут прибыл неизвестный человек, назвавшийся поручиком Беяниным. Он явился в караульную избу и потребовал немедленно известить о нем воеводу.

Уже через полчаса в полной амуниции Еропкин вышел из хором и быстро прошагал в канцелярию.

— Прошу извинить за позднее вторжение, но дело чрезвычайной важности, — сказал поручик.

— Я весь внимание, — сказал Еропкин.

— У меня из-под конвоя сбежало четырнадцать каторжников, которых следовало доставить в Восточную Сибирь.

— Вот это оказия! — всплеснул руками Еропкин. — Как же угораздило их прокараулить?

— Сейчас все расскажу.

— Погоди. Пошлю нарочного за сотником.

Сотник не заставил себя долго ждать.

— Теперь говори! — велел Еропкин.

Белянин по порядку стал излагать события:

— Начальник конвоя капитан Хрушков и я пеше прогнали арестантов через всю Русь, через горы на Верхотурье, а оттуда зимней дорогой до Тобольска. Там их разместили на двух дощаниках. У Хрушкова пятьдесят человек с запасами еды, а у меня восемьдесят четыре разбойника. На днях по основному руслу Оби мы прошли мимо Сургута и дошли до Бого-явленского погоста. И тут разыгралась буря. Ветер был ураганный, и другой дощаник отбило и унесло к правому берегу. Тогда я решил зацепиться за левый берег, чтобы переждать непогоду и дожждаться Хрушкова. Четырнадцать каторжан подтянули дощаник к сосне, чтобы привязать, но бросили бечеву, сбили с ног двух конвойных и скрылись в лесу. Дощаник тут же отнесло. Пока мы подгребали к тому же месту, беглецы где-то затерялись. Преследование ничего не дало.

Торопчанинов, протирая глаза кулаком, сказал:

— Вижу, что слухи подтвердились.

— Как ты узнал? — удивился Белянин.

— Сорока принесла весть на хвосте. Уже все горожане о том судачат.

— А если без шуток? — спросил Еропкин.

— Вечером приплыл остяк на долбленке. Говорит, что незнакомые люди побывали у него в юрте, забрали всю рыбу и топор.

Белянин всполошился и уверенно заявил:

— Топором они воспользуются, чтобы соорудить плот. Вверх им не выгрести, поплывут по течению. Здесь их можно перехватить.

— Вполне вероятно, что объявятся. А мы подготовимся к встрече, — сказал Торопчанинов.

— Им корм нужен. Без него они мимо Сургута не пойдут. Нам следует оповестить все население, чтобы были настороже и помогли схватить разбойников. Ты, Андрей, пройди по дворам, а я вывешу приказ на дверях канцелярии, — сказал Еропкин и спросил Белянина: — Что сам будешь делать?

— Мне следует вернуться на дощаник. Худо будет, когда остальные семьдесят арестантов убегут. Хорошо, если капитан Хрушков уже там.

В приказе воевода написал, чтобы каждую ночь вокруг города ходил усиленный, вооруженный ружьями караул, человек по десять и более.

В это время из Тобольска прибыл капитан Булатов, посланный разобраться по многочисленным жалобам из Сургута по поводу отсутствия военного снаряжения, и попал под горячую руку воеводы.

— У меня по волости каторжники разгуливают, а тебя прислали с пустыми руками! Хотя бы фунт пороха привез! — обрушился на него Еропкин.

— А я при чем? Приказано разобраться.

— Вот и разбирайся! Ни пушек, ни ружей, ни пороха у меня нет! Напишу императрице Елизавете Петровне, что для ловли разбойников ходим с дубинками.

— Пиши! Меня это не касается!

Пока шла перепалка, в канцелярию прибежал пятидесятник Илья Кайдалов. Запыхавшись, он выпалил:

— Беглые арестанты объявились!

Еропкин соскочил с места.

— Где?!

— Утекли. На заре, когда караульщики Петр Кушников и Иван Клепиков с товарищами шли вокруг города, то заметили, что от скотского пригона казака Якова Тверитинова идет в лес незнакомый человек.

— Что же его не схватили?

— А он шибко побежал. Казаки, конечно, бросились догонять, вбежали в лес и увидели еще более десяти человек, которые тут же сорвались с места. Гнались за ними бором, но не догнали. Подобрали только обожженное деревянное копье, березовую дубину и худые портки.

— Немедля нужна облава, — сказал Еропкин. — Вместе с сотником соберите всех служилых и отставных казаков.

— Я тоже приму участие, — сказал капитан Булатов. — У меня шестеро человек с ружьями.

Все люди сошлись на окраине города. Их расставили цепочкой и стали прочесывать лес в направлении, указанном караульщиками. Вначале шли по хорошо видимым следам, ориентировались по сломанным веткам, описывая большую дугу. Но вскоре следы затерялись в зарослях багульника.

— Они ушли к реке, — сказал Торопчанинов. — Попробуем перерезать им путь.

Воевода согласился. Вскоре охотники за головами вышли к протоке ниже Сургута, но беглецы словно в воду канули.

— Без корма они не смогут далеко уйти, — высказал прежнюю мысль Еропкин. — Как бы они снова не появились у наших дворов. Обход караулами не отменяется.

Однако уже ближе к вечеру в Сургут приплыл ясачный остяк Никита Елгин. Он сообщил, что видел плот из бревен, плывший протокой, а на нем незнакомые люди.

— Как далеко ты видел этот плот? — спросил воевода.

— Верстах в десяти, — сказал остяк.

Пятидесятник Илья Кайдалов предложил пуститься в погоню, несмотря на позднее время. Ведь была пора белых ночей.

— На легких лодках их можно догнать, если захотят отдохнуть на берегу, — сказал он. — Возможно, они где-то остановятся, чтобы пограбить остяцкие юрты. Любая их задержка в пути нам на руку.

Еропкин не раздумывая согласился с Кайдаловым, но предупредил:

— Не попади в засаду. Помни, как они провели нас в лесу, спрятав на протоке плот.

Через час три десятка казаков на трех лодках покинули Сургут. Белая ночь, чистое небо, хорошая видимость, попутное течение позволили преследователям быстро пройти более тридцати верст. Но плот исчез. На обратном пути преследователи проверили все заводи и мелкие протоки, но и этот поиск прошел впустую.

Еропкин не расстроился, а напротив, обрадовался, что избавился от неприятной заботы. Он был уверен, что арестанты навсегда покинули Сургутский уезд, и сказал Торопчанинову:

— Мы сделали все, что могли. Пусть их теперь ловят другие. А мы вернемся к своим обычным делам. Пора и рыбку половить. Страсть как соскучился!

7

В то время, когда поручик Белянин, сражаясь с ураганом, упустил четырнадцать арестантов, дощаник капитана Хрушкова вынесло шквалистым ветром на правую сторону Оби.

Огромные пенистые волны, налетая и подбрасывая судно вверх, ударили его о берег и тут же отбрасывали назад, сбивая с ног часовых. Гребни волн словно плевками бросали воду, брызги и пену и слепили людей.

Также, как и Белянин, капитан решил пришвартовать судно, закрепив его бечевой за деревья, чтобы переждать непогоду. Для этого часть арестантов под охраной караульных солдат он высадил на берег. И тут произошел неожиданный мятеж. Каторжане одновременно напали на стражников на судне и на берегу.

Мгновенно все часовые в амуниции и с ружьями оказались за бортом в воде, а караульщики на берегу были схвачены и обезоружены. Держа под прицелом солдат, выбирающихся из воды, они приказали им сложить ружья и шпаги.

Освободившись от колодок и цепей, все пятьдесят арестантов собрались на берегу. Андрей Москвин, возглавивший мятежников, ударом кулака опрокинул на землю капитана и стал избивать его ногами.

Единственная женщина, которая была среди мятежников, Дарья Хардина, подошла к Москвину и сказала:

— Хватит, Андрей! Нужно скорее убраться отсюда. Если появится другой дощаник, то в перестрелке многие из нас могут быть убиты. Не будем испытывать судьбу.

— Скорее мы их перестреляем, — сказал Москвин.

— Сомневаюсь. Они будут под прикрытием колодников. Не стрелять же в них? — возразила Дарья.

Ее довод возымел действие, и Москвин приказал солдатам:

— А ну, раздевайтесь все до портков!

Разбойники переоделись в одежду пленников, спустили на воду пять казенных лодок, которые были на дощанике, и стали их загружать дорожным скарбом. Забрали все: порох и свинец, топоры, сухари и крупы, соль, несколько печеных хлебов и деньги.

Оглоушив эфесами сабель своих бывших стражников, лежащих теперь на земле вниз лицом, мятежники предпочли отдать себя воле стихии и покинули берег, давший им свободу. На прощание Москвин сказал капитану:

— Пропади ты тут пропадом, а мы идем разорять и грабить Сургут.

Прилагая меньше усилий на лодках, нежели при гребле на огромном судне, беглецы спустились вниз по течению на пятнадцать верст и оказались у Богоявленского прихода.

Москвин направил лодку к берегу.

— В тихой обители мы переждем непогоду, — сказал он. — Ветер уже теряет силу.

Священник и служки были напуганы, но Москвин успокоил их:

— Мы хотя и разбойники, но христиане и не причиним вам телесного вреда. Однако для выживания отберем запасы еды и все, что может нам пригодиться в дороге.

Пожива была не столь велика, но ущербна для прихода. Все зерно, которое хранилось в ризнице, перекочевало в лодки, опустел погреб, где стояли бочки с медом и вином, исчезла золотая и серебряная церковная утварь.

Пока шло разорение погоста, ураган утих.

Перед тем как оставить берег, между беглецами возникли разногласия. Многие считали, что уходить нужно вверх по Оби, удаляясь от Тобольска, откуда следует ожидать погони. Но в перепалку мужчин вмешалась Дарья, принявшая сторону меньшинства. Она заявила:

— Я хочу вернуться на Русь, а для этого есть только один путь — спуститься по Оби как можно скорее, чтобы миновать устье Иртыша. Нужно опередить тех, кто отправится в погоню. Они пойдут ловить нас вверх, а мы будем уже далеко внизу. Течение поможет быстро дойти до места, где есть перевал через горы.

— Я согласен с Дарьей, — сказал Москвин. — Кто с нами — следуйте за мной. Остальные поступайте, как хотите.

Победило меньшинство. Разбойники не захотели разъединяться, и все поплыли по течению на север.

Случилось так, что ураган не только помог сорвать с узников цепи, но пригнал теплый воздух южных степей и одарил внезапной жаркой погодой. Удача во всем способствовала беглецам.

В это время из Тобольска плыли с богатыми товарами купцы, благоденствуя и загорая на палубе. На судне собралась большая компания из разных городов — Яренска, Тулы, Тюмени, Тобольска, Невьянского демидовского завода и Иркутска. Уверовав в отсутствие какой-либо угрозы, торговцы не сочли нужным быть настороже. Их шестеро работников имели ружья, которые не были заряжены и мирно покоились в каютах.

Внезапно из-за излучины реки выплыли навстречу купцам пять лодок и раздались ружейные выстрелы. Одновременно град лучных стрел обрушился на судно. Тюменскому купцу Петру Зубареву стрела вонзилась в правую руку, а работник Матфей Елушанов из Яренска упал, насмерть сраженный пулей. Полуголые люди заметались по палубе. Но они не успели пустить в ход оружие. Разбойники уже запрыгивали на судно, пуская в ход шпаги. Избивая всех подряд, они связали и уложили на палубе тех, кто оказал сопротивление, а остальных выгнали на берег, приставив к ним стражу. Все были изранены. Одни стонали, истекая кровью, другие посылали проклятия и угрозы, за что получали удары эфесами шпаг.

Раненый Зубарев бесстрашно плюнул в сторону Москвина и выкрикнул:

— Висеть тебе на виселице, вор и убийца! Не выберешься из Сибири. Сгниешь тут со своей ордой!

— Не надейся, купец. Теперь, пограбив ваши запасы еды и товары, выберусь. Да еще по пути разорим Сургут и воеводу с собой прихватим, — сказал Москвин и крикнул: — Гей, братва! Берите все под чистую и отваливаем!

Разбойники забрали две лодки, которые были на дощанике, и загрузили их добычей. Ко всему они тут же переоделись в пестрые купеческие одежды, пожелав своим жертвам походить в брошенном тюремном тряпье.

Оставив людей в одних портках, колодники поплыли в сторону Сургута.

8

Не мог воевода Еропкин представить, какое страшное испытание уготовила ему судьба. Успокоенный тем, что четырнадцать арестантов покинули уезд, он ранним утром 17 июня 1745 года отправился порыбачить и поохотиться на излюбленный остров.

Улов рыбы был великолепен. Невод захватил косячок стерляди, несколько нельм и язей. А в лесу Еропкин добыл глухаря и десяток рябчиков. Зайцев он оставил в покое, опасаясь подстрелить беременную зайчиху. В целом он был очень доволен удачным промыслом и готовился к отъезду. Денщик и его люди затушили костер, свернули невод, наполнили рыбой мешки и уже собирались загрузить их в судно, как вдруг на реке появились лодки с богато и пестро одетыми людьми.

Пока Еропкин соображал, что это за люди, лодки пристали к берегу, и раздался ружейный залп. Незнакомцы с дикими криками выскочили на косу и окружили рыбаков.

Москвин подступил к Еропкину и сказал:

— Ты-то нам и надобен. Рыбаки вверху сказали, что ты на острове. Вот и попался!

Еропкин словно онемел. Он обводил взглядом оголтелую толпу и не мог толком понять, что происходит.

— Сейчас мы тебя расстреляем, — сказал Москвин.

— За что? В чем я перед вами виноват?

— Виноват в том, что ты воевода. Ты враг и заслуживаешь смерти. В том наш приговор.

Воеводу подвели к сосне и привязали. В нескольких шагах перед ним выстроились с ружьями стрелки.

Обрывочные мысли стремительным потоком пронеслись в обреченной голове: «Не обмануло предчувствие... Проклятое место... Мои останки тоже отправят вместе с семьей... Эх, Елизавета Петровна, императрица! Бесславный конец... А пушки так и не прислали... Не дали умереть в поместье...»

Увидев дула ружей, направленные на него, Еропкин зажмурил глаза. Но вместо залпа раздался крик:

— Остановитесь, изверги! Побойтесь бога! За что губите неповинного старика?!

Еропкин увидел, что его заслонила женщина. Разбойники были в замешательстве. Москвин сказал:

— Посторонись, Дарья! Дай исполнить приговор!

— Не дам! За что его приговорили?

— Он нашу братию, беглых колодников, сыскивает и посылает в погоню и высылку.

Дарья возразила:

— Не от него зависит сыск. Если его убьете, то со всех городов бросятся за нами, чтобы перебить или повесить. Не дадут нам уйти на Русь.

— Хорошо, — сказал Москвин, — обсудим с братвой, как поступить.

Разбойники отошли в сторону и горячо заспорили. Прения продолжались часа три. Что пережил, о чем передумал за это время воевода, нетрудно догадаться. Однако его мольба, обращенная к Богу, не осталась безответной. Не злобные чувства, а разум одержал верх.

Еропкина освободили от пут, но награбленное не вернули, даже нательный золотой крест, бросив взамен под ноги серебряный на цепочке. Зато вынесли из лодок на берег пять аршин зеленого сукна, десять аршин отменного полотна и медный чайник.

— Это тебе за терпение, — сказал Москвин и, кинув на землю несколько горстей монет, добавил: — А это за терпение твоим людям.

В шумном веселье колодники уселись в лодки. Кто-то на прощанье крикнул:

— Пожелай нам доброго пути, воевода!

Внутреннее напряжение в ожидании расстрела дало себя знать. Еропкин чувствовал невероятную слабость и усталость. Ноги стали словно чужими. Он с трудом доплелся до лавки у костра, плюхнулся на нее и сказал денщику:

— Благородные разбойники. Чайник подарили. Поставь его на огонь и завари травы.

Люди Еропкина, подобрав с земли сукно, полотно и деньги, принялись обсуждать происшедшее. Некоторые считали, что следует повременить с возвращением в Сургут, который, возможно, подвергнут нападению. Но денщик заявил:

— Я стоял к ним близко и кое-что расслышал из прений. Они опасаются, что дозорные успеют поднять гарнизон острога и их встретят огнем из пушек.

Эти слова денщика подхлестнули Еропкина. Он представил, какой смертельной опасности подвергается его семья, и, почувствовав внезапный прилив сил, вскочил на ноги.

— Немедля плывем в Сургут! — приказал он.

На берегу протоки воеводу уже поджидали капитан Булатов и Андрей. Они сразу поняли, что Еропкин побывал в переделке. Рубаха на нем была разорвана, а правая щека нервно подергивалась. Оглядываясь назад, окидывая взглядом пойму, он спросил:

— Вы не видели лодок с людьми, разодетыми в цветные одежды?

— Видели, — сказал Булатов. — Недавно по основному руслу они прошли вниз. Мы насчитали их семь.

— Слава богу, пронесло! — сказал Еропкин и перекрестился.

— Кто те люди? — спросил Андрей.

— Это пятьдесят колодников, сбежавших с дощаника капитана Хрушкова, о котором говорил поручик Белянин. Я стоял у них под расстрелом. Только чудо спасло меня.

— Сейчас тебе нужно хлебнуть водочки, чтобы прийти в себя, — сказал Булатов.

— Непременно! Сходи, Андрей Алексеевич, за графинчиком и принеси одежду. Жене скажи, что я промок. А мы подождем в канцелярии.

Булатова так взволновал рассказ воеводы, что он тут же решил пойти в погоню за разбойниками.

— Не стоит этого делать, — возразил Еропкин. — Тебе их не одолеть. Они хорошо вооружены и перебьют малочисленный отряд. Тем более я им признателен. Они оставили меня в живых и отказались от разорения Сургута.

Однако Булатов не внял разумным речам. Он наскоро собрал команду и бросился догонять преступников, но на следующий день вернулся с полдороги и сказал:

— Моя горячность была безрассудна. Для того чтобы их выловить или уничтожить, нужно войско с пушками. Пиши в Тобольск донесение, а я отвезу.

В это время в Сургут прибыло судно с полуголыми, израненными купцами и останками убитого Матфея Елушанова.

Еропкин пришел на дощаник и был поражен ужасным состоянием потерпевших. Всюду валялись обломки столов, лавок и постелей, вся палуба была измазана кровью, люди с кровоточащими ранами были в полуморочном состоянии. Один из них сказал:

— Дайте что-нибудь поесть. Мы умираем не только от язв, но и от голода.

Горожане, которые толпились на берегу, тут же разбежались по своим дворам за едой. Каждый принес то, что попало под руку. Одни явились с караваем хлеба, другие с казанками и мисками, наполненными взварами. Некоторые принесли мази для смазывания ран.

Насытившись, купцы рассказали о том, что претерпели от разбойников.

С их слов Еропкин узнал, что колодникам досталась богатая добыча: денег тысяч пять, товара тысячи на три, пороха двадцать пять фунтов, свинца три пуда, а также вся одежда и съестные припасы.

Тюменский Петр Зубарев сказал:

— Будь готов, воевода, к встрече с беглыми. При отъезде от судна оные воры грозились: «Поедем-де мы в город Сургут и его разорим, и воеводу с собой увезем».

Вновь тревога всколыхнула Еропкина. Вслед за Булатовым он отправил еще одно донесение. Он заявил: «В Сургуте имеется немалое опасение от таких воров и государственных злодеев, как оные совокупятся и с прежде ушедшими 14 человеками и також и от намеренных уйти с судна от поручика Белянина 70 человек, чтоб не разорили город до основания, понеже в том городе пороху не имеется и полфунта, а пушек ни одной, но токмо имеются горелые и негодные затинные пищали, а у служилых ружей, действительных к стрельбе, не имеется и у десяти человек... и ежели учинят на город нападение, то кроме стрел обороняться нечем... И ныне-де в Сургуте от таких злодеев почти в осаде как день, так и ночь не имеем покоя, и завсегда служилые люди стоят по бекетам...».

На этот раз тобольское начальство отреагировало на депешу Еропкина, и в Сургут были отправлены пушки с боеприпасами. Кроме того, полицмейстерская контора получила депешу из Самаровского яма о том, что, со слов остяков Белогорской волости, беглые разбойники проехали на лодках вниз по Оби к городу Березову. Однако не было известно о судьбе остальных каторжников. Поэтому в Сургутскую воеводскую канцелярию поступил указ: «...велено оной канцелярии от вышеявленных воров и разбойников иметь как в городе, так и в уезде крепкую осторожность и за сими ворами... чинить всевозможные поиски... ясашным инородцам накрепко приказывать, чтоб их, воров и разбойников, всех переловить...».

В то же время из Тобольска была послана команда во главе с секунд-майором Томиловым для сыска и поимки беглецов. Его обеспечили не только патронами, пулями и картечью, но выдали также пять малых пушечек. Томилову предписывалось следовать «за теми ворами и разбойниками», «всех переловить, а в случае противления их стрелять по ним из ружья» и, «оковав их в крепкие кандалы или деревянные смыки», доставить в Тобольск.

Вместе с Андреем Торопчаниновым воевода Еропкин ежедневно поднимался на дозорную башню и до рези в глазах вглядывался в речную даль. После пережитого потрясения он не был уверен, что разбойники навсегда покинули его уезд и отказались от обещания напасть на Сургут.

И все же он продолжал рыбачить и охотиться, но ездил только под усиленной охраной стрелков. Теперь не было недостатка в ружьях и порохе, а на своем дощанике он установил маленькую скорострельную пушечку.

Излюбленный остров стал для Еропкина как бы ритуальным местом. Он всякий раз подходил к сосне, где стоял под расстрелом, и предавался воспоминаниям. Это дерево, когда он проводил ладонью по коре, словно обновляло жизненные силы и внушало невообразимое желание сойтись в смертельной схватке с убийцами, которые, пользуясь беспомощностью невооруженных людей, превращают их в жертвенных овец.

9

Неуютно чувствовал себя в Сургуте воевода Еропкин и мечтал вырваться на волю от неблагоприятных забот и уехать домой в поместье. Целый год он добивался этого в прошениях, посылаемых в Сибирский приказ. Но, то ли оценили его бескорыстные служебные старания, то ли из каких-то злокозненных побуждений свыше, он не был отпущен из Сибири.

19 февраля 1746 года появился указ, повелевающий направить Еропкина с 1 января следующего года на воеводство в город Тару, а на его место определить в Сургут титулярного советника Василия Колтовского.

Очерки

Атаманы Сургута

Тугарин Федоров и Темир Иванов

К счастью, сохранилось немало свидетельств о жизни и деяниях казачьего атамана Тугарина Федорова. Первые сведения о нем связаны с началом основания города Сургута в 1594 году воеводами Федором Борятинским и Владимиром Оничковым.

В челобитной царю Михаилу Федоровичу в 1626 году Тугарин писал: «Служу я, холоп твой, в Сибири... тридцать пять лет... А как, государь, в Сибири города Пелым и Сургут ставили, и я, холоп твой, был с твоими государевыми воеводами и тебе, государю, служил». Указанный срок службы позволяет определить год его появления в Сибири, т.е. в 1591 году.

Сразу возникает вопрос — откуда и каким образом Тугарин оказался в Сибири? На этот счет есть некое предположение. В 1591 году существовал острог на реке Лозве, где воеводою был Иван Григорьевич Нагой. Только там мог появиться Тугарин, если признать достоверной его службу в Сибири 35 лет. Однако в челобитной об этом не упоминается. Поэтому я склонен к версии, приняв за основу 1592 год.

Именно в этом году воеводе Чердыни было поручено царским указом идти в Сибирь для отвращения набегов пелымского князца. Для этого Никифору Васильевичу Троханиотову надлежало взять 50 стрельцов из крепости и 100 человек ратных людей от купцов Строгановых, о чем указывалось в грамоте: «От царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси, на Орел и Чусовую Максиму да Никите Строгоновым. По Нашему указу велели взять с вашего соляного промысла, с Орла и Чусовой сто человек ратных людей и отдать воеводе Микифору Троханиотову... А не отпустите... тот час и замешкаете, и вам от Нас быть в великой опале и в продаже. Писана на Москве лета 7100 июля в 5 день».

Известно, что для защиты своих городков и крепостей от набегов пелымцев, ногайцев и татар Строгановы всегда нанимали вольных казаков,

искусных воинов, до тысячи человек. Поэтому из их числа и могли быть отданы Троханиотову три или четыре станицы, возглавляемые атаманами Тугариным Федоровым, Темиром Ивановым и Денисом Базаровым.

Все трое в последующем участвовали в строительстве города Сургута под началом воевод Борятинского и Оничкова. Но до того Базаров отбыл с Троханиотовым на строительство города Березова, а Тугарин и Темир ставили острог Пелым под началом воеводы Петра Ивановича Горчакова в 1593 году, а в 1594 году они были отданы Владимиру Оничкову.

Темир Иванов недолго служил в Сургуте. Его станица стремилась вернуться в Пелым. Об этом известно из царской грамоты 1595 года:

«А атаману Темиру Иванову и его прибору казакам терским, и волжским, и донским сказать государево жалованное слово, чтобы они ныне потерпели и государю послужили, а государь их за службу и терпение пожалует своим великим жалованьем и перемену на их место к новому году пошлет и отпустит их в (...Пелым)». Это обещание было выполнено. Темира сменил атаман Богдан Сидорович Зубакин.

По сравнению с другими сибирскими городами Сургуту отводилась особая роль. Правительство создало некий форпост для дальнейшего продвижения в глубь Сибири и приведения к шерти непокорных племен. Конкретное осуществление этой задачи в значительной степени легло на плечи Тугарина Федорова.

Принято считать, что острог Нарым был построен Тугариным в 1598 году, т.е. в предполагаемое время разгрома селькупских князей Вони и Кичея. Но, на мой взгляд, такое утверждение ошибочно. Уже в 1596 году в 16 верстах от нижнего устья Кети было сооружено временное городище, позволяющее взять под контроль русло Оби. Следует заметить, что еще со времен Ивана Грозного установилась традиция — заведомо до военных действий ставить остроги вблизи со ставками врага. Так было и при взятии Казани в 1552 году, и при покорении народов Приуралья, где была возведена крепость Чердынь. Подтверждением подобной политики в Сибири служит грамота царя Федора Ивановича сургутскому воеводе Осипу Тимофеевичу Плещееву в 1596 году об организации похода на Пегую орду под предводительством головы И.И. Колемина. Привожу фрагменты из нее:

«...в нынешнем в 104 году посылали вы в Пегую орду князю к Воне нашего ясаку собирать на нынешний 104 год и на прошлый 103 год... И Воня князь в Пегую орду наших ясачников к себе не пустил... и отказал, что ясак с себя и своих людей не даст».

«...и в Пегой бы орде поставить острог на одну осень, покамест приведут под нашу под царскую руку и ясак возьмут сполна».

«Да вы ж писали к нам, что сказывал вам Бардак, что Кучум царь подкочевал к Пегой орде и с Вонею ссылаетца и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со всеми своими людьми, к городу Сургуту и на нашу казну и на запасы приходить».

«А только будет из Березова ратных людей казаков... не пришлют... и ты бы, Осип, взял и послал с Иваном в поход сургутских остяков... 150 человек и сказал им наше жалованное слово: как они сходят в поход и нам послужат, и мы их пожалуем своим великим жалованьем и в ясаке им велим польготить. И запасу им в поход из наших житниц дал, сколько будет пригоже», «да сургутских стрельцов и казаков 100 человек».

«А прибыть бы в Пегую орду безвестно, а пришед... добывать языки, а добыв языки, расспрашивал и пыткую их крепко пытал, сколько у Вони князя людей и в собраньи ли он стоит или не в собраньи, и есть ли про наших служилых людей про походу у Вони князя весть или нет, и нет ли у Вони князя с Кучумом царем ссылки и где Кучум царь кочует, сколь далече от Пегой орды. А добыв языки и расспрошав и допытався прямых вестей... и скажут, что Воня князь стоит в собраньи и только будет лучше Воню князя СПЕРВА приходити всеми людьми, НЕ ПОСТАВЯ ОСТРОГУ».

Не мог воевода Сургута пренебречь указом царя и нависшей над городом угрозой. Поэтому весною 1597 года, несомненно, был послан в Нарым довольно многочисленный отряд, чтобы воспрепятствовать замыслам князя Вони. Именно тогда было разгромлено войско Пегой орды и был сооружен острог между нижним и средним устьями реки Кети.

Недоумение историков, что нет никаких свидетельств о походе в 1598 году, легко объяснить, так как в действительности его и не было. Когда в Москве 31 января 1597 года подписывался наказ новым сургутским воеводам Лобанову-Ростовскому и Ржевскому, то еще не было известно о событиях в Нарыме, происшедших осенью.

Согласие с указанным годом сразу снимает гадание о том, когда Тугарин Федоров основал первое русское ясачное зимовье на Томи. Это, безусловно, произошло осенью 1598 года, или на шесть лет раньше строительства там города, осуществляемого в 1604 году сургутским головой Гаврилой Ивановым.

Теперь о походе Тугарина на Енисей. Об этом походе историки ничего не знали. Однако что говорит об этом сам Тугарин: «Да меня ж, государь, холопа твоего, посылали из Сургута твои государевы воеводы князь Федор Тимофеевич Долгорукой да Алексей Иванович Голохвастов на Енисею, и я, холоп твой, ясашных людей привел под твою царскую руку и ясак с них взял. А которые, государь, енисейские остяки твоего госуда-

рева указу не послушали и ясаку не дали, и мне, холопу твоему, велено их воевать и побивать. И я, холоп твой, по твоему государеву указу их воевал и многих побил, а иных князцов и лучших людей в Сургут привел».

Для того чтобы отправиться на Енисей, Тугарин должен был прибыть в Сургут с Тыми. Такое расстояние можно было преодолеть не менее чем за 12 недель. Покинув Тымь весной 1599 года, он мог появиться в Сургуте только осенью. Поэтому поход на Енисей следует считать с весны 1600 года по осень 1601.

После зимы воевода Яков Петрович Борятинский направляет Тугарина Федорова в 1602 году в Нарым — для подавления бунта кетских селькупов, возглавляемого Басаргой, братом князя Кичея, бежавшего в верховья Кети после разгрома его войска в 1597 году. Повесив Басаргу с десятью его бунтовщиками, Тугарин поднимается по реке Кети на 216 верст и ставит там острог.

В скором времени после своего возвращения, видимо, в 1604 году, Тугарин едет в Москву с соболиной казной. Предположительно, что тогда он женился и привез в Сургут жену, которая в 1606 году родила ему сына Петра.

Следующие сведения о Тугарине Федорове мы имеем также из его челобитной: «...и служил тебе, государю, многие службы: был в полку с твоим государевым боярином и воеводою со князем Михаилом Васильевичем Скопиным-Шуйским под Калугою и с твоими государевыми изменниками бился явственно и языки многие имал. Да из-под Калуги, государь, был послан под Лихвинскую засеку твой государев стольник и воевода Василий Иванович Бутурлин, а у него был в полку голова Гаврило Посевьев, и я, холоп твой, был у Гаврилы в сотне под Лихвинскою засекою и тебе, государю, служил и языки многие имал и был ранен... и Лихвинскую засеку взяли и твоих государевых изменников всех побили, а достальных переимали и привели к Москве».

Исключено, что Тугарин прибыл в Москву в результате поступления в Сибирь в 1610 году воззвания московских бояр о защите государства, разоряемого самозванцами и поляками. Видимо, это была очередная поездка с соболиной казной во время царствования Василия Ивановича Шуйского, после изгнания самозванца из Тушино, т.е. после 1608 года, но не позже 1609 года, так как в апреле 1610 года двадцатилетний Михаил Скопин-Шуйский, которого народ в восторге называл отцом отечества, был отравлен на обеде у Дмитрия Шуйского, брата царя, мечтающего о престоле.

Вернуться в Сургут Тугарин мог только после октября 1612 года — времени освобождения Кремля от поляков — или после 4 марта 1613 года, когда царем был избран шестнадцатилетний Михаил Федорович Романов.

О том, что Тугарин участвовал в войне против поляков с группой своих товарищей, говорит тот факт, что в 1611 году он вместе с казаком Первушей Колпашником побывал во дворце Казанского приказа, куда был призван для консультации по поводу переноса на другое место острога Нарым.

Прибыв в Сургут, Тугарин безвыездно служил в остроге. Многие ранения давали о себе знать. О его участии в деле изъятия подговорных женок в 1626 году у князя Богдана Белкина, помощника воеводы Никиты Пушкина, мы узнаем из отписки последнего царю Михаилу Федоровичу. В этом же году Тугарин Федоров обращается к царю с челобитной и просит пожаловать его на старости лет за службу и пролитую кровь:

«...Да я ж, холоп твой, был под Москвою с твоими государевы бояры без съезду, как сидели в Москве литовские люди, и с твоими государевыми изменниками, и с поляками, и с литовскими людьми, и с русскими воры бился явственно и многжды был ранен. А твоего царского жалованья денежного мне, холопу твоему, за мое службишка идет по пятнадцати рублей денег да хлеба по пятнадцать четвертей. И ныне я, холоп твой, ото многих служб и ран увечен и твоей царской службы служить не смогу. Милостивый государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, пожалуй меня, холопа своего, за мои службишки и за кровь, вели поверстать во свою государеву царскую службу сынишка моего Петрушку. А сынишко мое, государь, двадцати лет, пожалуй его своим царским жалованьем денежным и хлебным из моего окладу, как тебе Бог известит, чтобы я, холоп твой, с женишкой и с детишками, бродя меж дворов, голодною смертью не умер. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Помета: «135 год февраля в 7 день».

Есть основание утверждать, что, освободив Тугарина от службы, правительство вынесло решение оставить за ним посмертно размер жалованья. Что же касается его сына Петруши, то сведений об этом нет. Видимо, ему пришлось самому зарабатывать себе на жизнь.

Умер Тугарин Федоров осенью 1640 года. Об этом мы узнаем из челобитной сургутского атамана Горбунова:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси бьет челом холоп твой дальние твоей государевой отчины из Сибири Сургутского города атаман Кузьма Васильев сын Горбунов... Служил я, холоп твой, в Тарском городе в станице проезжие караулы и отъезжие караулы осьмнадцать лет. Был, государь, в Сургутском городе атаман Тугарин Федоров, и он лежал в расслаблении двадцать пять лет, и я за него служил всякие твои государевы зимние и летние и струговые и все службы, обнищал и задолжал великим долгом, вконец погиб. И того, государь, Тугарина не

стало, преставился... пожалуй меня, холопа своего, ...за мое службишко и за кровь и за язышной привод своим царским жалованьем, того Тугаринова окладом хлебным и денежным. Царь государь, смилуйся, пожалуй».

Помета: «149 г. ноября в 28 день».

Кузьма Васильевич Горбунов

В приведенных выше строках челобитной Горбунова усматриваются несомненные преувеличения, чтобы убедить царя назначить ему повышенное жалованье. Не мог он обнищать и, как говорит, «вконец погиб», так как атаманы получали жалованье не менее 7 рублей, тогда как семейные казаки получали 5 рублей 25 копеек и не бедствовали. И Тугарин не «лежал в расслаблении 25 лет», поскольку известна его дееспособность во времена воеводы Пушкина в 1626–1627 годах. Поэтому Горбунов мог быть назначен на его место не ранее 1628 года. К моменту смерти Тугарина он прослужил в Сургуте лет 12, а в Сибири — с 1614 года.

Его отец был одним из участников дружины Ермака и в последующем с другими казаками служил в Тобольске, откуда осуществлялись походы против Кучума и силами людей которого построен город Тара. В 1614 году Кузьма Васильевич Горбунов служил в Таре в конном литовском полку и участвовал в боях с калмыками. Также против калмыков он воевал с 1618 по 1628 г., о чем пишет в своей челобитной. Это лишний раз подтверждает, что начало его службы в Сургуте могло состояться не ранее чем в 1628 году.

Богдан Сидорович Зубакин

Предположительно Зубакин появился в Сургуте в 1596 году, когда правительство прислало туда пополнение в количестве 112 человек для подготовки похода на Пегую орду. Возможно, он участвовал в походе 1597 года, так как Тугарин Федоров в это время отсутствовал в Сургуте.

В 1602 году воевода Яков Петрович Борятинский, ознакомившись с прошлым царским указом о приведении к шерти кунной самоеди, жившей на реке Пур, что не было исполнено, решил осуществить это. Он отправил к самоедским князьям Акубе, Скамге и Салыму с жалованным царским словом и предложением платить ясак в Сургут атамана Богдана Зубакина. До сего времени остяцкий князь Бардак делал набеги на Пур и забирал себе погромный ясак. Царь в своей грамоте воеводам С.М. Лобанову-Ростовскому и И.И. Ржевскому в 1597 г. высказал по этому поводу недовольство: «...а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бардаку и тово, что ему своими людьми владети. И велети тое кунную и асицкую самоедь з Бардаковыми братьею и с людьми повоевать и ясак с них со-

брать и заклады у них поимать и к шерти их привести». На основании такого указания с Зубакиным были посланы остяки под предводительством сына князя Бардака Тынги (по разным источникам — Кинема, Тонем, Тонья). Однако самоеды в оплате ясака отказали, так как его уже платили в новый город Мангазею.

Прошло около двадцати лет, и Тынга из союзника русских властей превратился в непримиримого врага. Вместе с братом Суемой он поднял бунт, но его не поддержали соплеменники, кроме близких родственников и друзей в количестве 30 человек. Фактически это была банда, порвавшая отношения с русскими из-за потери льгот. Бандиты нападали на одиночные суда, грабили и убивали казаков.

Осенью 1616 года воевода Иван Зубатой снарядил карательную экспедицию под руководством атамана Богдана Зубакина, который самого Тынгу не нашел, а захватил семьи бунтовщиков.

Летом 1618 года Тынга захватил томскую станицу из шести человек, которые везли в Томск жалованье в сумме 400 рублей, несколько мешков, набитых самой большой в те времена монетой — копейками. Казаки были убиты, а деньги увезены.

На этот раз воевода Иван Зубатой принял неординарное решение. Он не послал атамана Зубакина в новый карательный поход, а поручил возглавить экспедицию подьячему Ивану Афанасьеву и толмачу Ивану Парабельскому. Об Афанасьеве мало кто слышал, а ведь он был необыкновенно яркой личностью, наделенной недюжинным умом. Будучи пристрастен к конной охоте, он в то же время в совершенстве владел любым видом оружия. Избрав его для выполнения столь важного и трудного дела в необъятных просторах Сибири, где поиск бунтовщиков можно сравнить с поиском иголки в стоге сена, воевода не ошибся в своем выборе. Афанасьев справился с поставленной перед ним задачей. Часть бандитов была уничтожена, а остальные взяты в плен, в том числе сын Тынги Сана Тынгиреев. Были найдены и возвращены в царскую казну 400 рублей.

Правительство Москвы высоко оценило подвиг Ивана Афанасьева и пожаловало его великим жалованьем — 17 рублей. Такого не получал даже Тугарин Федоров, которому за все заслуги платилось жалованье в сумме 15 рублей, а атаман Богдан Зубакин продолжал служить с неизменным жалованьем в 7 рублей. Это был беспрецедентный случай во всей истории Сургута.

По косвенным соображениям до и после 1626 года Зубакин занимался проезжими и отъезжими караулами и был, по существу, атаманом без войска. Так, например, в одном и том же году казаки могли быть распределены следующим образом: годовальщиками в Кетск и Томск — по 20

человек, для сопровождения хлебных запасов на Енисей — 40 человек, на Ямыш-озеро за солью — 30 человек, за хлебными запасами в Тюмень — 30 человек, по сбору ясака — 20 человек, в Москву с царской соболиной казной — 6 человек, и не менее 6 человек — с почтовыми отправлениями. Так что в Сургуте оставалось 30–40 человек, которые целиком были заняты на круглосуточной караульной службе.

У Богдана Сидоровича Зубакина была жена Катерина. Известно, что она была организатором похищения у проезжего бухарского муллы его красавицы жены, татарки Кузаки, для князя воеводы Богдана Белкина, который держал у себя одновременно трех подговорных женок. Не верится, что об этих действиях жены не знал муж, Богдан Сидорович Зубакин.

Терентий Деев

С самого начала рождения Сургута Терентий Деев безвыездно возглавлял караульную службу в остроге в качестве стрелецкого пятидесятника.

В 1602 году, когда селькупский князь Кичей, бежавший в 1597 году, после разгрома его войска, в верховья реки Кети, решил принять русское подданство, Терентий Деев с двенадцатью казаками сопровождал его в Москву.

Во времена царствования Василия Ивановича Шуйского, а именно в 1609 году, Деев был назначен атаманом над «литвой и черкасами», входившими в состав сургутского гарнизона. Видимо, его назначение было связано с тем, что Тугарин Федоров отбыл в Москву и принял там участие в войне с поляками. Таким образом, продолжительное время атаманами в Сургуте были только Деев и Зубакин, приблизительно до 1614 года.

После возвращения Тугарина в Сургут Деев был отправлен в Кетск.

С 1640 года документальные сведения об атаманах весьма скупы.

Евдоким Алексеевич Ботолин

Упоминается в именных книгах 1649–1650 года. Умер не позднее 1687 г., т.е. когда атаманом был назначен его сын Яков. В его бытность произошло нашумевшее дело о попытках «порчи» сургутского воеводы Константина Нефедовича Щербатова и его семьи.

Первой Самойлов

В отписке сургутского воеводы Никифора Мещерского царю Алексею Михайловичу от 24 июля 1654 года о посылке ясачной казны в Москву назван сопровождающим стрелецкий и казачий голова Первой Самойлов.

Яков Боталин

В 1687 году указом и грамотой государя был назначен атаманом в возрасте сорока лет с жалованьем 10 рублей. В это время он имел пятилетнего сына Якова. Верстан Боталин был в Сургуте при стольнике воеводе Петре Кондыреве в 1659 году в 12-летнем возрасте, т.е. служил в казаках 28 лет до назначения атаманом. Он посылался за солью на Ямыш-озеро, в Томск на полтора года, и был в других всяких посылках.

Умер Яков Боталин в возрасте 54-х лет, в 1701 году. «А в его место никто не поверстан».

Алексей Торопчанинов

Служил в казаках 24 года, с 9-летнего возраста. В 1683 году был назначен указом государя атаманом. Дважды сопровождал в Енисейск ссыльных. Бывал в посылках за солью и прочих. Служил в одно время с атаманом Евдокимом Боталиным, а затем с его сыном Яковом. Получал жалованье 10 рублей. Имел сыновей Андрея и Петра. Умер в возрасте 64 лет, в 1698 году. На его место до 1702 года никто не был поверстан.

Андрей Торопчанинов

В январе 1705 года он бил челом государю. Он писал, что его отец Алексей Торопчанинов служил в Сургуте «всякие государевы службы» и был атаманом 15 лет, а он сам с 1683 года служит в десятниках. «А в прошлом, государь, 1702 году, будучи в Москве, сургутский десятник казачий Петр Батошков бил тебе челом, государь, чтоб ему быть на месте отца моего в атаманах, в челобитье своем он, Петр, меня и брата моего Петра утаил. Да в том же своем челобитье написал, будто он, Петр, послан был на Красной Яр, а он, Петр, в том году и в службе не был и пришел в Сургут не в давних летах... и по тому ложному челобитью», по словам Андрея, поверстали в атаманы Батошкова. Торопчанинов просил назначить атаманом его, а Батошкова «отставить».

Челобитную Андрей подал собственноручно в Сибирский приказ в Москве. Казаки Тимофей Тарасов и Афанасий Кайдалов, которые были с ним, дали ему в приказе такую характеристику: «Сургуцкой-де десятник Андрей Торопчанинов человек доброй... служит беспорочно, а атаман де Петр Батошков пьет безобразно».

Тогда Андрею исполнилось 32 года.

Разбираясь в этом вопросе, в Сибирском приказе обнаружили, что содержание в Сургуте атаманов отменено: «А по розметным тетратем, каковы розметал... Виниус в 1703 году, написано: в Сургуте атаманам

быть не велено, а велено быть сотникам 2 человекам». Поэтому было принято решение: Петра Батошкова «от службы отставить», а Торопчанинова определить в сотники.

В записке «О казаках сибирских», от 17 марта 1764 г., говорится: «Понеже во всей Сибири уповательно счисляется казаков до 60000, которые все люди добрые и исправные и весьма мало от солдат различиваются, кроме что не учреждено между ими регулярства, в прочем имеют также своих старшин, а именно... полковника, что называют по их голова, под ним есаулы, сотники, яко капитаны, поручики, яко пятидесятники, прапорщики же называются прапорными. Имеют своих урядников, капралов и барабанщиков, знамена, наподобие армейских, ружья с штыками... шпаги... жалованье же имеют больше, нежели армейские...».

Однако в 1708 году в Сибирский приказ поступила челобитная от сургутских казаков, подписанная сотником Андреем Торопчаниновым и др. от имени всех служилых людей, в которой заявлялось:

«...у нас, служилых людей, пожитченков и торгов, и промыслов никаких нет, и людишка мы скудные, и кормимся работишкою своею, а которые, государь, про себя рыбы промыслят или скотишко убьем, и на те деньги покупаем к твоему... к хлебному жалованию у проезжих людей и в Тобольску хлебные ж запасы, чтобы нам с женишками и с детишками в год было чем прокормица и твоих государевых служб не отбыть; да на те ж, государь, деньги покупаем одежду и обувь, потому что, государь, в Сургуте место непашенное, да и промышленных никаких людей нет...».

Согласно городовому списку 1701 г. оклад атамана (сотника) составлял 10 рублей деньгами, 5 четвертей ржи, две четверти овса и 3 пуда соли. В 1722 году Андрею Торопчанинову было за 50 лет, а его дети по возрасту значились: Петр — 31 год, Михайло — 26 лет, Андрей — 8 лет, Алексей — 5 лет.

Одновременно с Торопчаниновым служил сотником в 1722 году 47-летний Герасим Новосильцев. Видимо, он был поверстан на место умершего Ботолина.

В 1712 году город Сургут был полностью уничтожен пожаром. Сгорели и укрепления, и воеводская канцелярия с царскими грамотами и указами, и амбары с запасами, и дома жителей. На протяжении шести лет, до 1718 года, Торопчанинов и Новосельцев занимались восстановлением города. В 1720 году они подавляли бунт остяков, в 1736 г. участвовали в усмирении башкирского бунта.

В 1743 году, при воеводстве титулярного советника Уара Еропкина, Торопчанинову было уже 74 года. В это время разыгрались трагические события, в результате которых воевода Еропкин был захвачен во время

рыбалки беглыми колодниками, поставившими его под расстрел. Спасло его чудо — за него вступилась каторжанка Дарья: «Бога вы не боитесь, изверги! За что губите неповинного старика?» — крикнула она разбойникам, которые намеревались захватить и разорить Сургут. Вот тогда-то и пришлось воеводе и сотнику Торопчанинову принимать экстренные меры по охране города.

Подробно об этих событиях говорится в моем рассказе «Еропкин на воеводстве» в книге «Сургутские истории».

Помимо вышеназванных сургутских атаманов, известно еще о существовании в 1800 г. Алексея Пробочникова и прапорщика Алексея Проводникова, который был определен в атаманы в 1793 году обер-комендантом князем Мещерским.

В результате конфликта с городничим Гервартом тот отстранил от должности Проводникова, но по решению уездного судьи Дежефи городничий превысил свои права и поэтому был смещен, а атаман восстановлен на прежнее место. В январе 1804 года атаман прапорщик Алексей Проводников «по повелению главного начальства» убыл в Тобольск.

Упоминается также в 1803 году сотник Максим Голощاپов.

Алексей Пробочников в 1800 году подал рапорт в Тобольск о «пришедших ко определению в казачью службу лета детях», в котором называл 13-летних Гаврилу Проводникова и Павла Торопчанинова.

В 1805 году в городской команде Сургута состояли в сотниках Андрей Ильин сын Кайдалов 77 лет и Иван Павлов сын Перфильев 70 лет.

Пожалуй, на этом следует закончить повествование об атаманах — из-за отсутствия у меня данных.

Во имя Живоначальной Троицы

(История сургутских церквей)

По наказу царя Федора Ивановича о строительстве города на реке Оби воевода Федор Петрович Борятинский и голова Владимир Оничков, доплыли до местности, называемой Сургутом*, которой владел остяцкий князь Бардак. Здесь они и решили поставить город Сургут в устье речки, ныне называемой Саймой. Это произошло в середине июля 1594 года.

Закипела работа. Привлеченные из ближайших поселений остяки рубили лес, а казаки возводили рубленный город — государевы житницы, амбары и погреба, воеводский двор, тюрьму и церковь. Все эти сооружения помещались внутри острога, за высокими крепостными стенами с глухими башнями по углам и одной проезжей, на которых размещались пушки. А жилые дома ставились вне стен острога, но в следующее лето и они были обнесены стеною из вертикальных заостренных бревен.

С первых дней служилые люди делали все возможное, чтобы создать условия для отправления христианских треб. Построив церковь, они тут же согласились содержать священнослужителей за счет своего заработка, наняв на первых порах одного попа и просфирницу. Но не было еще богослужебных книг, церковной утвари, ладана и воска, свечи изготавливали сами из животного сала. А главное — церковь не была освящена.

Это знаменательное событие произошло в 1595 году, в день Святой Троицы, когда из Тобольска прибыл священник. Он обошел вокруг церкви, окропляя ее стены святой водой, и прочитал молитву:

«Создателю и Содетелю человеческого рода. Дателю благодати духовная. Подателю вечного спасения. Сам, Господи, последи Духа Твоего Святаго с вышним благословением на церковь сию, яко да вооружена силою небес-

* Рыбное место.

ного заступления хотящим ю употребляти. Помощна будет к телесному спасению и заступлению и помощи, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь».

Внутри церкви в центре иконостаса разместили икону Живоначальной Троицы, зажгли перед нею свечу и прочитали молитву:

«Пресвятая Троице, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша. Владыко, прости беззакония наша. Святой, посети и исцели немощи наша. Имене Твоего ради. Господи, помилуй».

С этого дня церковь стала называться Троицкой.

Из года в год население города возрастало. Если с самого начала было 155 служилых людей, то в 1601 году сургутский гарнизон насчитывал уже 280 человек. У многих казаков и стрельцов появились семьи. В связи с этим возросли потребности в осуществлении христианских треб, и население было вынуждено взять на свое содержание дополнительно церковных служителей.

В книге окладного жалованья сургутским служилым людям, ружникам и оброчникам за 1625 год числились:

— черный поп Илинарх и белый поп Дмитрий Тарасьев. Им был положен годовой оклад — по семи рублей денег, по семи чети* ржи, по чети круп, по чети толокна** и по два пуда соли;

— церковный дьячок Семейка Михайлов Колмогорец, с окладом — пять рублей двадцать пять копеек денег, пять чети ржи, по осмине круп и толокна и пуд с четвертью соли;

— пономарь Гурей, с окладом — три рубля денег, пять чети ржи, по осмине круп и толокна и пуд с четвертью соли;

— просфирница Пелагеица, с окладом — два рубля с полтиною денег, четыре чети ржи, по осмине круп и толокна и пуд с четвертью соли.

Для сравнения следует заметить, что атаман Богдан Сидоров Зубакин получал годовое жалованье в размере — семь рублей денег, восемь чети с полуосминою ржи, по чети круп и толокна и два пуда соли, то есть близко к окладам черного и белого попа. А, например, семейные казаки получали — по пяти рублей 25 копеек денег, по семи чети ржи, по чети круп и толокна и полтора пуда соли.

В 1626 году в Сургуте случился пожар, пострадали многие строения, в том числе приказная изба, где хранились все документы, и церковь. Однако она была быстро восстановлена. Кроме того, через двенадцать лет служилые люди «по своему обещанию», без оплаты, построили вто-

* Четь равна 8 пудам.

** Ячменная мука.

рую церковь. Этот храм был освящен во имя святителя Василия Кесарийского и преподобного Михаила Малеина, а из Москвы, от имени царя Михаила Федоровича, были присланы богослужебные книги и иконы. Этот храм стал приходским, а Троицкая церковь — соборной. Но еще долгие годы церкви оставались без колоколов.

В июле 1654 года казачий и стрелецкий голова Первой Самойлов, атаман Евдоким Алексеев и все служилые люди послали царю Алексею Михайловичу челобитную с просьбой прислать колокола и решить вопрос по содержанию церковного притча. Они писали: «Государь, мы, холопы твои, в твоём государеве Сургуцком беспашенном городе оскудали, стали бедны и нужны, и семьянисты». У служилых людей не доставало средств, чтобы прокормить свои семьи, и они не могли нанять священнослужителей для приходской церкви. В ней перестали проводиться богослужения. Поэтому сургутские жители просили прислать кроме колоколов еще и попа со служками и установить им государев оклад. Они писали: «Церковь ныне стоит пуста, без пения».

По данным 1646 года, в Сургуте при соборной Троицкой церкви были два священника и один дьячок. Вместо прежних был черный поп Меркурий и белый поп Афанасий, который впоследствии под челобитной 1654 года приложил свою руку за основную массу безграмотных духовных детей, так как только 15 человек смогли подписаться собственноручно.

Поп Афанасий был человеком в высшей мере порядочным и самоотверженным. Эти его качества проявились в деле о праздновании царских именин. Тогда, в 1646 году, между воеводой Измайловым и группой казаков во главе с головой Поповым существовал конфликт. Желая навредить воеводе, заговорщики послали царю донос, в котором извещали, что 16 марта 1646 года, на государев ангел, в приходской церкви Василия Кесарийского после вечерни «за государево многолетнее здоровье молебствовали и Бога молили», а в соборной Троицкой церкви воевода Измайлов после вечерни не велел служить молебен за здоровье государя и не ставил свечи из «государева воска» перед образом государева ангела — иконой святого Алексея, человека Божия. Однако позже на следствии в Тобольске челобитчики признались, что молебен с участием воеводы состоялся, но только в сам праздник после заутрени. Поп Афанасий, рискуя оказаться в опале, заявил, что воевода тут ни при чем, а виноват он сам, изменив установленный канон празднования дня ангела государя. При разбирательстве также выяснилось, что в Троицкой церкви не было иконы святого Алексея и поэтому свеча «из государева воска» была поставлена перед иконой Живоначальной Троицы.

Нужно сказать, что священники Сургута помогали первым воеводам в наведении надлежащего порядка. Примечательны коллизии, которые разыгрывались в 1626 году между воеводой Пушкиным и вторым воеводой Белкиным. Последний был человеком неукротимого нрава и развратником. Из Тобольска он увез к себе в Сургут жену стрельца Макарки Ортемьева, а у муллы бухарского забрал татарку Кузаку, и была у него еще подговорная женка Анютка, которую он на время отослал в Нарым. По этому поводу Пушкин бил челом государю Михаилу Федоровичу. Он писал:

«И в нынешнем, государь, году посылал я, холоп твой, к Богдану Белкину на двор Сургуцково города Троицкого черного священника Илинарха да подьячего Офонася Кондакова да атамана Тугарина Федорова да служилых людей и казаков. И как к нему, Богдану, на двор пришли и он с людьми своими... вышел пьян на крыльцо с саблями и с пищалями. И священник, государь, и подьячий и атаман и десятники... Богдану говорили: отдай подговорную Макарову жену Иринку тобольского стрельца. И Богдан Белкин им сказал: у меня-де женки никакой нет, и учал лаять матерно и подьячего Офонася Кондакова побил до полусмерти и за бороду драл и на голове волосы выдрал. И служилых, государь, людей десятников бил, а человек его... Максимку колол саблею».

Подобные и иные конфликты нередко возникали между горожанами — и всякий раз священнослужители отважно вмешивались в мирские дела.

Миновало 103 года со дня основания города Сургута — и в Городовом списке за 1697 год горестно повествовалось:

«А в остроге церковь Святые Живоначальные Троицы, и та церковь ветха и огнила, и в алтаре и трапезе потолок местами обвалился».

Эта церковь была построена в 1619 году взамен сгоревшей первой.

Как же выглядела первая церковь Сургута? Об этом можно только догадываться, так как рисунка мы не имеем. Однако, имея фотографии других сохранившихся рубленых церквей, построенных в шестнадцатом веке и очень похожих друг на друга, следует предположить, что сургутская Троицкая церковь ничем не отличалась от них.

В 1700 году сгорели две Троицкие церкви, старая и новая. Поэтому при церкви Рождества Богородицы в 1703 году состоял небольшой церковный клир, но и эта церковь сгорела при пожаре 1712 года, уничтожившего полностью острог и жилую часть города.

В 1733 году в Сургуте была одна церковь Рождества Богородицы, построенная на деньги «боголюбцев-прихожан». Велось еще строительство деревянной соборной Троицкой церкви — отчасти на церковные сред-

ства, и в 1742 году она появилась «во имя Пресвятыя Троицы четверопрестольная».

Видимо, и церковь Рождества Богородицы, построенная в 1733 году, сгорела, так как на ее месте в 1750 году была воздвигнута новая деревянная, которую в 1759 году сменила каменная церковь. Ее клир содержался «доброхотным подаянием» прихожан.

В 1801 году взамен обветшавшей Троицкой церкви возвели каменную за счет казны.

В 1850 году в городе была одна каменная церковь, а к началу XX века их было две.

Из-за пожаров в Тобольске и Москве погибло немало документов, но те, которые сохранились, дают нам некоторые сведения о церковных служителях. Известно, например, что в 1722 году при церкви Рождества Богородицы служили: дьячок Григорий Тверитинов 48 лет, пономарь Ерофей Серебренников 40 лет и церковный староста Иван Новосильцев 41 года.

В истории Сургута чаще всего фигурируют священнослужители Кайдаловы. В 1761 году протопоп Иоанн Кайдалов писал в прошении на имя епископа Варлаама:

«...дед мой покойной бывшей сургуцкий заказчик священник Алексей Данилов сын Кайдалов по указу Петра Великого... просветил святым крещением северной страны идолопоклоннических народов сот до семи человек, почему в награждение для утверждения православия велено ему старатца детей своих удостоивать в чин священнический...».

Сын Алексея Кайдалова Иоанн 40 лет трудился на посту священника.

В 1742 году Иоанн Алексеевич стал протопопом новой соборной Троицкой церкви и, желая сделать ее привлекательной, нанял из Тобольска живописца Петра Ковалева, чтобы писать иконостас. Это привело к тому, что протопоп испытал сильное потрясение, так как живописец обвинил Иоанна в государственной измене.

Воевода Уар Еропкин отправил доносчика и священника в Сибирскую губернскую канцелярию. Там Ковалев не смог доказать обвинения, посему Кайдалова из-под стражи освободили. Выяснилось, что живописец украл 30 рублей церковных денег и, чтобы избежать суда за кражу, совершил донос, надеясь этим отвлечь внимание расследователей.

Сын Иоанна Алексеевича Кайдалова тоже стал протопопом, но только позорил свой род. Он был плохим священником и дурным человеком. Посещая дома прихожан, он затевал ссоры, выкрикивал оскорбления и упреки по поводу того, что его не приглашают в свои компании. Иоанн

Кайдалов второй не проявлял ни малейшей заботы о церкви и «довел до такого состояния, што в короткое время совсем и сходить в нее будет невозможно».

Ко всему он постоянно пьянствовал и буйствовал, участвуя в избииении девиц комиссаром Акишевым. В результате в 1770 году его сослали в отдаленную волость к Рождественской церкви, а его место занял дядя бывшего протопопа Никифор Алексеевич Кайдалов.

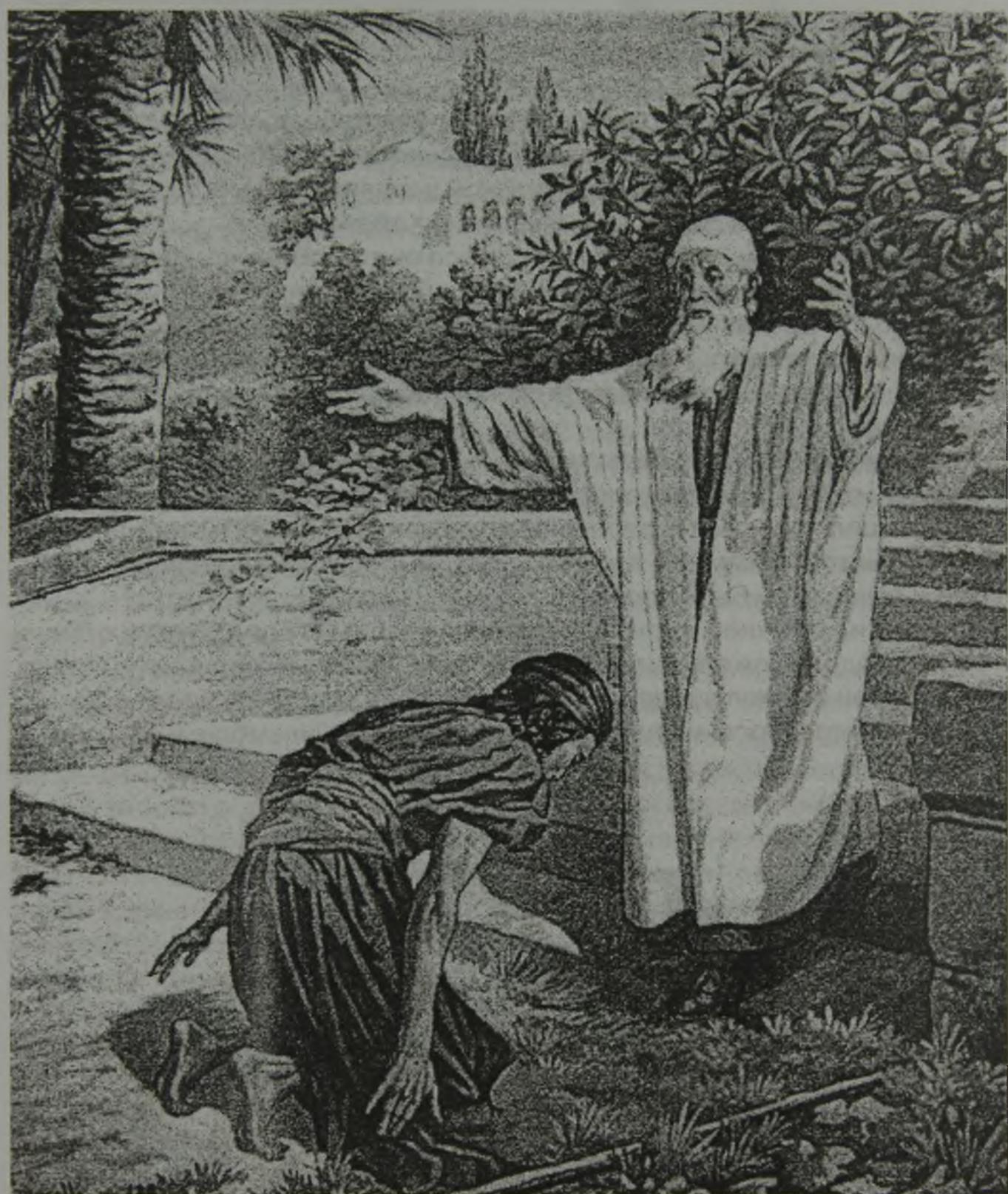
Каковы бы ни были духовные лица, все они занимались хозяйством и предпринимательством, сколачивая хорошее состояние от торговых операций, но это не влияло на авторитет у прихожан. В целом сургутяне уважительно относились к церкви и духовенству. Они охотно жертвовали деньги на строительство храмов, пришедших в негодность от времени или пожаров.

Когда появился указ Александра I о замене деревянных церквей каменными, сургутский протопоп Попов высказался за то, чтобы в его уезде разрешили сооружать деревянные церкви, поскольку материалов для строительства из камня в этом крае нет. Император согласился с доводами и начертал: «Быть посему».

Так и жил обычной жизнью сибирский уездный город Сургут, отличаюсь от городов Руси служилым казачеством. Люди рождались и умирали, одни церкви сменялись другими, обеспечивая христианские требы.

Многое менялось, но православие оставалось незыблемым.

Христианство в Западной Сибири

Нерушимым был и остается мифологический, сказочный мир ханты и манси, разделенный на три божественных уровня — верхний, средний и нижний. В верхнем мире обитает главное божество — Торум, в среднем, на земле, наблюдает за людьми и является их посредником с другими богами седьмой сын Торума — Мир-Сусне-Хум — За миром наблюдающий мужик, а хозяином нижнего мира — преисподней — является младший брат Торума.

Самым сказочным божеством можно считать Мир-Сусне-Хума. Для обских угров он был еще как «Золотой богатырь», «Сын золотого света», «Сынок женщины», «Всадник на семикрылом коне», «Золотой гусь». Облик последнего, тождественного с конем, как символа триединого мира, обнаруживает сходство с индоиранским, скифо-сарматским миром, имеющим общие корни с мифологией славян.

Когда на сибирской земле появилась дружина Ермака, то аборигенам открылись удивительные образы на полковых знаменах казаков. На них взирали не только умиротворенные лики святых и христианского Бога, но и близкие к их пониманию сказочноподобные, мифические существа. На синем полотнище, обрамленном кумачовой полосой с золотым шитьем и розетками цветов по углам, были изображены две фигуры — Инрог, олицетворяющий Белого Бога — символ света и чистоты, и лев, стоящий на задних лапах грудью к рогу, символизирующий Черного Бога, властелина тьмы, дьявола, врага. На другом знамени был разрисован Святовид — Добрый Бог, имеющий четыре головы и две груди. В одной руке он держал рог с вином, а в другой лук. Это древнее изображение являлось прародителем христианского Святого Вита. Был еще Немиза — повелитель ветра — и другие.

Смешение языческих и христианских представлений о мире, преподнесенное красочным шитьем, не могло не оказать воздействия на воображе-

ние народов, пребывающих в родстве с природой и слагающих поистине художественные сказы. Как, например: «Когда Мир-Сусне-Хум поднимает локоны своих волос и солнце стоит в его волосах, на Оби вскрывается лед».

Видимо, местное население ощутило некое духовное родство с русскими уже при первых контактах. Кроме того, казаки Ермака уважительно относились к верованиям ханты и манси (остяков и вогулов), к их деревянным божкам, и не разоряли капищ. Ведь совсем иное испытывали они, пребывая во власти хана Кучума, насильно насаждающего ислам и называющего их божков «деревянными болванами».

Ермак не был христианским подвижником. Товарищество вольных казаков, состоящее из христиан, католиков и мусульман, не признающих над собою какую-либо верховную власть, было крепко спаяно дружбой. Несмотря на различия в вере, казакам было чуждо вмешательство в духовный мир аборигенов.

Однако нельзя исключить исторический факт в заинтересованности казаков овладеть главными идолами остяков. Но для чего? Конечно, не для того, чтобы их уничтожить, а из желания укрепления власти над инородцами.

Повествование «Сибирской летописи» отражает суть происшедшего события.

Пятидесятник Богдан Брязга, соратник Ермака, спустился по Иртышу к его устью на Оби. Казаки ворвались в самое сердце языческих святынь и захватили идола Рача, но остяки и вогулы отбили его и спрятали в лесу. Затем казаки обложили укрепленное городище князя Нимьяна, пошли на штурм, но безуспешно. Тогда послали к остякам своего лазутчика чуваша, знавшего местные обычаи. Вернувшись, он рассказал, что увидел великое моленье Золотой бабе. Ему показалось, что Золотая баба находится в серебряной чаше, наполненной водой, из которой воины торжественно пили воду, чтобы обрести силу и храбрость. Есть предположение, что на самом деле Золотая баба держала чашу в руках.

Казаки снова пошли на штурм и захватили городище. Но Золотая баба исчезла. Ее увезли на Конду под охрану князя Агая.

Но есть и другие сведения согласно летописанию о кумире городища Нимьяна (Демьяна), о которых пишет историк Г.Ф. Миллер: «...есть у них Кумир, о котором сказывают, что вывезен из России во время Владимирово крещения, и в России под именем Христа ему молятся. Оной Кумир вылит из золота и сидит в чаше, в которую остяки воду наливают, и как они сию воду пьют, то твердо надеются, что им никакое несчастье приключиться не может...»

Имея известие, что вниз по Иртышу плывут казаки Ермака, остяцкий князь Самар с восьмью князцами засел в своем городке близ устья и оказал сопротивление. Однако ранним утром казаки перебили спящих караульщиков и ворвались в городок. Первым выстрелом князь Самар был убит пулею, а остальные ударились в бегство. В надежде, что беглецы вернутся в свои жилища, казаки пробыли в городке целую неделю. И не напрасно, так как ожидание их оправдалось.

Князец Алач, который явился с богатыми дарами, был назначен на место убитого Самара. Об этом князе подробно будет сказано ниже.

Затем, выйдя на Обь, казаки закончили свой путь у святилища в Белогорье. Это название было дано по белому берегу на нагорной, восточной стороне Оби. С древних времен там было мольбище большой богини, которая с сыном сидит нагая на стуле и принимает от остяков жертвы с дарами. Здесь, кроме пустых юрт, не оказалось ни кумира, ни остяков. Все они разбежались.

Впоследствии, после указов царя Петра I о крещении инородцев, разжалованный полковник Григорий Новицкий узнал, что в районе Конды находится главный идол — Золотая баба. Десять лет он скитался по Конде, разыскивая ее, пока люди, давшие клятву оберегать святыню, не убили его вместе со священником Сентяшовым. Так не была дописана митрополичья ризница «Описание о народе остяцком».

Впервые проникновение христианства в Западную Сибирь началось после гибели Ермака, когда правительство Москвы приступило к колонизации завоеванного края, к строительству городов и острогов, в каждом из которых одновременно возводились церкви, что делалось по инициативе первопоселенцев для исполнения христианских треб. При этом на первом этапе государство не выделяло средств на содержание священнослужителей, в связи с чем служилый люд брал эту нагрузку на себя за счет своего жалованья. Такое положение в некоторых городах и острогах длилось не только годами, но и десятилетиями. Например, в Сургуте, основанном в 1594 году, жители обратились с челобитной в 1654 году с просьбой освободить их от тяжкого бремени содержания церковников. Они писали: «Государь, мы, холопы твои, в твоём государеве Сургуцком беспашенном городе оскудали, стали бедны и нужны, и семьянисты».

Длительное время православная вера служила опорой только для русского населения. На аборигенов не оказывалось давление в христианизации, как со стороны царской администрации, так и патриархии.

Случаи крещения инородцев были редки — только по добром изъятию. В основном это были люди, которые, пожелав освободиться от

Ермак

ясака, становились служилыми толмачами (переводчиками), или желающие быть поверстанными в казаки. Наибольшую склонность к признанию православия проявляли остяцкие князцы, но не из религиозных убеждений, а из политических соображений выгоды. В этом отношении показательна история рода Алачевых Кодского княжества.

Князя Алача Ермак поставил во главе княжества, состоящего из 12 городков, расположенных на правом берегу между реками Ендырь и Северная Сосьва, с центром в городище Кода (ныне село Октябрьское Ханты-Мансийского автономного округа).

Русское правительство использовало род Алачевых в политических и административных целях, наделив их исключительными льготами. После смерти отца княжество унаследовал его сын Игичей. Он ездил в Москву и там принял крещение в христианскую веру, участвовал в военных походах на непокорных князей Конды и Нарыма. В результате в 1594 году ему была дана царская жалованная грамота: «Се язъ царь и великий князь Федор Иоаннович всея Руси Самодержец... пожаловал есьми отчины своей Сибирские земли остяцкого Игичея Алачева, да брата его Онжу Юрьева за их службу в Сибирской земле волостью Васпалукук, да волостью Колпулукук со всеми угодыями и ясаком... Игичею князю с братьею теми волостями и всякими угодыями и людьми владети, и ясак с них забирать себе. А нашим сибирским воеводам и приказным людям их ни в чем не судити, а владеть и судить князь Игичей да брат его Онжа».

В 1602 году Игичей построил в Коде церковь во имя святых Зосимы и Савватия. В 1603 году крестился его сын Михаил. Он пристроил к своей вотчине Коде церковь во имя Живоначальной Троицы и пожертвовал туда разные священные сосуды и книги. На серебряном потире была надпись, что серебряные сосуды даны в церковь Живоначальной Троицы кн. Михаилом Алачевым 1629 г. 1 сентября. Сам Михаил постоянно жил в Тобольске и здесь построил церковь во имя Живоначальной Троицы. Будучи в Москве, он был произведен в стольники и женился на русской девице из знатного рода, но вернулся в Тобольск. Тут он и умер. А в Коде его жена остячка родила ему сына Дмитрия, который вырос и стал княжить в Сибири.

Ему принадлежала вся Ваховская волость Сургутского уезда. Отправившись однажды в Коду, он ограбил церковь, построенную его отцом, которая долгое время оставалась без пения из-за отсутствия священника, и начал распродавать в Тобольске священные сосуды и книги. Об этом сообщил царю в своей отписке архиепископ Герасим.

Петр Буцинский знакомит с этой отпиской в своих сочинениях.

«В нынешнем 1644 г. ведомо мне учинилось, что князь Димитрий, пограбя в церквах Божиих отца своего церковные серебряные сосуды и служебные книги, начал продавать их в Тобольске. Я велел ему принести то церковное строение к себе посмотреть, будто для купли, и он принес — потир, три блюда, звезду, копие и лжицу, да книг печатных — 12 ми-ней, два октая, а триоди — постную и цветную — продал самаровским ямщикам. И те сосуды, книги я взял и положил в софийскую казну до твоего государева указа, а отдать ему не смел, чтоб он кн. Димитрий не осквернил, не продал бы их иноверцам; русским же людям тех сереб. сосудов выменять некому, потому что в Сибири люди все бедные и места церковныя все скудныя...»

На отписку Герасима последовал царский указ: «Велено из Сибири кн. Димитрия Мих. Алачева с матерью, женой и детьми отпустить в Москву, отчину его Коду отписать на государя, а пограбленные церковные сосуды и книги отослать в Коду, в церковь Живоначальной Троицы...»

В Москве Дмитрий был произведен в стольники. Впоследствии ему была дана волость Лена на реке Вычегде Вологодской губернии. Там и скончался.

Однако, несмотря на царские льготы, не все князья сохранили верность Руси. В свое время они приняли православие с христианскими именами, но, воспользовавшись неурядицами на Руси, призвали свой народ к бунту, чтобы полностью освободиться от ясака, обрести свободу. Подняли восстание князь Василий Обдорский, Шатров Лугуев, Онжа Юрьев, брат Игичея, и вдова Игичея Анна Алачева. После их двухмесячной попытки взять Березов осада была сорвана подоспевшими на помощь казаками во главе с бывшим соратником Ермака Черкасом Александровым. Повесили 30 бунтовщиков, в том числе зачинщиков — Василия Обдорского и Шатрова Лугуева. А княгиню Анну посадили в тюрьму. Когда ее выпустили, она вновь взялась за подстрекательство к бунту — ездила к сургутским остякам и на Иртыш к татарам, чтобы договориться вместе идти войной на Тобольск. Она умерла в 1649 году. Как известно из воеводских грамот, с ее смертью «роду и племени Алачевых никого не осталось», «Кодский городок стал впусе, и церковь божия стоит без пения».

Приступив к колонизации Западной Сибири, русские служилые люди и переселенцы сразу столкнулись с тем, что удивительная жизнь и подвиги Ермака стали достоянием туземных легенд сразу же после его гибели. В основном его имя вошло в сознание и этнос татар. Следует отметить, что сибирские татары лишили поддержки Кучума и дружелюбно перешли на

сторону русских. Это они возвысили и восславили побежденного героя, что отвечало их мировоззрению и тысячелетним традициям.

Суть легенд о Ермаке я отразил в своем историческом романе в стихах «Кучум». Вот о чем повествует 26 глава романа:

Вблизи от Епанчинских юрт,
Где берег волною размыт,
Рыбачил татарин Яныш —
Он ставил в реке перемет.
Вдруг видит — торчат из воды
Сафьяновых два сапога.

Он ловко забросил петлю
И тело на берег втащил —
И понял, что это батыр
В медяной кольчуге утоп.
Он сразу позвал Кайдулу —
Мурзу, что в соседстве живет.

Недолго гадали они,
Кого им Иртыш подарил.
По сбруе узнали легко,
Кто мертвым рекою приплыл.
И радость была велика —
Аллах им принес Ермака.

И стали они раздевать
Батыра великой Руси,
И панцири стали делить,
Но чудо повергло их в страх:
Из носа и рта Ермака
Живая вдруг хлынула кровь.

Янышу сказал Кайдула:
«Пред нами нетленный лежит —
Он божий посланник небес.
Его водрузим на лабаз,
Гонцов по улусам пошлем
И тело святое почтим».

Сбежались татары на юрт
С колчанами жертвенных стрел,
И каждый по телу стрелял,
Воздавши святому почет.
Живицей бежала из ран
Нетленная алая кровь.

И так три недели лежал
Ермак на лабазе нагим,
Но птицы летали вдали,
Не смея коснуться его.
И ворон-вещун стороной
Пугливо его облетал.

Янышу сказал Кайдула:
«Не будем его погребать,
Он так же, как знатный шаман,
С воздушной стихией един.
Мы небу его отдадим,
Всевышним небесным богам!».

Яныш Кайдуле отвечал:
«Ты что, про Аллаха забыл,
Припомнив древнейший обряд?
Виденье мне было вчера —
Явился Ермак предо мной
И требовал, чтоб погребли».

«Быть может, и правда твоя, —
В раздумье сказал Кайдула, —
Лежит на лабазе Ермак —
И духом стал грозным для нас.
Один из татар, что стрелял,
Сегодня лишился ума».

Их спору конец положил
Прибывший с уланами хан.
Не стал он стрелять в мертвеца,
А выслушал всех и сказал:

«С почетом заройте его
В могилу, где шейхи лежат».

Исполнили хана наказ
Абызы, мурзы и князя —
И стали поминки справлять:
Зарезали десять овец
И тридцать забили быков,
И жарили их на кострах.

Хвалебные песни врагу
Ахуны слагали всю ночь,
Абызы твердили мольбу:
«Аллах, возроди Ермака
На землях татарской орды
И сделай эмиром его».

...

Паломники с разных краев
К могиле пошли Ермака.
Там брали щепотку земли,
Бросали в серебряный чан,
Ее заливали водой
И пили целебный бальзам.

А многие, там побывав,
Другим говорили шепча,
Что зрели вершину чудес —
Как к небу вздымается столб
Подземной стихии огня,
А свечка, не плавясь, горит.

...

Историк Ремезов все эти чудеса отнес к вмешательству «христианского бога», который «дивом» решил вразумить язычников, так как христианство имело очень слабый успех у инородцев.

Говоря об инородцах, сразу следует заметить, что в документах Посольского приказа XVII и последующих веков все язычники именовались остяками, к которым относили и селькупов, и часть вогулов. Что же каса-

ется татар, то их называли своим именем, так как они были мусульманами и веровали в единого Бога — Аллаха. Только барабинские татары были язычниками, коими и оставались вплоть до XVIII века.

Первый архиепископ Киприан, прибывший в Тобольск в 1621 году, решил использовать предания о чудесах в интересах церкви, в прославлении своей епархии. Киприан высоко оценил факт исключительной популярности Ермака, который стал и героем сказаний русских переселенцев. Он задумал канонизировать местных подвижников, чтобы облегчить задачу христианизации языческого края.

Владыка Киприан оказался деятельным и целеустремленным человеком. Он стяжал славу стойкого борца за интересы Руси, еще будучи архимандритом Хутынского монастыря в Новгороде, который в то время был захвачен шведами, претерпев и гонения, и тюрьмы. Теперь же он был послан в Сибирь в высоком сане архиепископа патриархом Московским и всея Руси Филаретом. Филарет — Федор Никитович Романов, крупный государственный деятель, отец царя Михаила Федоровича и старший сын боярина Никиты Романовича Юрьева, брата первой жены Ивана Грозного Анастасии, соперник Бориса Годунова на царский престол, которым насильно пострижен в монахи в конце 1600 года. Принимал участие в свержении царя Василия Шуйского в 1610 году. Как духовный деятель укрепил власть и авторитет Московской патриархии. Принял в 1620 году решение об учреждении Тобольской и Сибирской архиепископии.

В 1622 году Киприан приказал «кликати» Ермаку и его погибшим товарищам «вечную память» наряду с прочими пострадавшими за православие. Чтобы составить синодик (запись имен умерших для их церковного поминания) «убиенным», Киприан обратился к уцелевшим сподвижникам Ермака, жившим в Тобольске.

Прошло сорок лет со времени похода Ермака, и потому в казачьих сказках были черты фольклора, характерные для былин и исторических песен. Поэтому духовенству пришлось подвергнуть «списки» их речей основательной переработке. Былинный зачин воспоминаний сменился рассуждениями о том, что Бог избрал Ермака «очистити место святыни и победити бесерменского царя Кучума и разорити их богомерзкие капища».

Начало местному летописанию положили книжники, привезенные Киприаном из Казанской епархии. Расспросив ермаковцев, дьяк и его помощники сначала написали синодик, а затем краткую летописную «Повесть о сибирском взятии».

По приказу архиепископа в тобольских церквях стали петь вечную память ермаковцам, но его начинание было отвергнуто патриархом Фила-

Софийский кафедральный собор в Тобольске

ретом, который считал Ермака и его казаков ворами. Поминание так называемых разбойников было отменено.

Точка зрения Киприана получила признание только через два года после смерти Филарета, в 1633 году.

В начале 1636 года священный собор назначил архиепископом Сибири Нектария, своенравного и жестокого человека, который быстро снискал ненависть служителей архиепископского дома. Лишь один из служителей пришелся ему по душе — главный дьяк Савва Есипов. Нектарий оценил в нем рачительного хозяина и любителя книжной премудрости. При всех недостатках характера Нектарий был образован, изучал греческий и латинский языки, риторику и философию. В Савве он увидел единомышленника и поведал ему сокровенное желание написания подробной летописи о миссии казаков Ермака в Сибири. В результате Есипов рьяно приступил к работе, вновь призвав ермаковцев, оставшихся в живых.

Судьба сочинения тобольского дьяка превзошла все ожидания. Она приобрела общерусскую известность, стала любимым чтением в разных концах России. Но повлияла ли Есиповская летопись на процесс христианизации местных племен? Нет — никаких существенных сдвигов не произошло. До начала восемнадцатого века продолжался период застоя, который закончился 9 января 1701 года с появлением указа Петра I «О расширении в сибирских иноверцах святого крещения до самого государства Китайского», «чтоб православная вера в Сибирской епархии управляла без всякого препятствия». В 1703, 1706, 1710 и 1711 годах вышли дополнительные указы. Царь повелевал местным властям оказывать содействие духовным лицам, направляемым «в сибирские города верховные и низовые от Тобольска по Оби реке до Березова вниз и в ясашные вогульскую и остяцкую земли, в татары, якуты, тунгусы и в другие неведущие истинного Бога иноверческие волости к крещеным ради надзирания, исправления и утверждения в христианской вере, а к некрещеным для призывания и приведения через проповедь слова Божия в душеспасительное крещение и истребления по юртам мнимых их богов шайтанов, кумирниц и прочих нечестивых чтилищ...»

Как видно из приведенного текста, правительство не добилось за десять лет значительного успеха по внедрению православной веры в среду инородческих племен. Большая часть местного населения не была охвачена святым крещением, а те, кто его принял, возможно, были вынуждены уступить христианским подвижникам, испытав некое давление. Если это не так, то почему потребовались надзор за крещеными, их исправле-

ние и утверждение в христианской вере, уничтожение капищ и мнимых богов?

В книге «Древний город на Оби: история Сургута» (Екатеринбург: Терзис, 1994) известный историк И.И. Огрызко подвергся критике за утверждение о том, что обских остяков крестили силой, со ссылкой на то, что его высказывания были в годы расцвета сталинской исторической науки. Не очень веский довод, с весьма странным толкованием грамоты 1710 года. Мол, «казнь смертная» ожидала того, кто осмелится нарушить царский указ, а не того, кто не пожелает креститься.

Ознакомимся с выпиской из этой грамоты, адресованной «богомольцу нашему бывшему митрополиту Сибирскому и Тобольскому Федору», то есть Филофею Лещинскому, ушедшему из-за болезни в Тюменский монастырь:

«Ведомо нам...учинилось, что некоторые новокрещенные тобольские и березовские, вогулецкие и сургуцкие остяки жили в Березове... непрестанно бывают в юртах, в которых идолы остяцкие суть. И как сей наш... указ получишь, то выбрав по своему рассмотрению из монахов или священников человека доброго, и велеть ему... ехать вниз великой реки Оби до Березова и вогуличи, и где найдут по юртам остяцким... шайтанов, тех огнем палить и рубить, и капища их разорять, а вместо тех капищ часовни строить и иконы постановляти, и их остяков и вогулич приводить ко крещению и ко познанию... истинного Бога. И которые остяки малые и великие уверуют и крестятся, тем остякам нашего великого государя милость: ясачные доимки все оставлять указами и впредь не спрашивать... А если возможно, то того ради из правления и самому тебе, богомольцу нашему, ехать в вышеписанные места и приводить тех идолопоклонников ко истинной ко христианской вере, а по крещению им кафтаны белые и рубашки из нашей казны и хлеб по рассмотрению також давать указами, а если кто из вогулич и остяки учинят противность сему нашему великого государя указу, и тем будет казнь смертная...»

Царь четко предписал, каким образом воздействовать на вогулов и остяков креститься — выбором между льготами по ясаку, вознаграждениями и смертью. Поэтому вызывает удивление вывод, что «казнь смертная» ожидала только того, кто осмелится нарушить царский указ, а не того, кто не пожелает креститься. При этом автор такого высказывания не поясняет, в чем он усматривает нарушения указа, хотя в нем недвусмысленно сказано: «а если кто из вогулич и остяки учинят противность... указу, и тем будет казнь смертная...», то есть нежелание принять православную веру.

В 1716 году Лещинский прибыл в Сургутский уезд и обратил в христианство 3500 человек. Столь же успешно прошло крещение и в других уездах, но достоверных сведений нет — каким образом это вдруг удалось свершить знаменитому богомольцу. Бытовало мнение, что он распространял христианство в Сибири «огнем и мечом», но известный историк П.Н. Буцинский это отвергал, ссылаясь на отсутствие архивного подтверждения применения силы. Можно только предположить, что местное население вместо «кнута» предпочло «пряники».

Верне мся назад и проанализируем обстановку целого столетия до времен Петра I. Способна ли была Сибирская епархия и светская власть осуществить христианизацию инородческого населения Западной Сибири?

Следует заметить, что большинство сибирских татар уже было обращено в магометанскую веру, кроме татар Барабинских степей, которые остались язычниками. Какие причины способствовали внедрению веры в единого Бога в этот народ?

Их существует две.

Во-первых, общность сибирских татар возникла значительно позже коренного населения Сибири за счет пришлых тюркских племен, имеющих более высокий уровень развития. Можно сказать — из более цивилизованных народов. К таким относятся кипчаки, которых русские называли половцами, киргизы, уйгуры, телесы и другие. Многие из них были не только скотоводами, но и рудознатцами, умели плавить металл и изготавливать из него оружие. Люди каждого такого племени не были разобщены и имели своих предводителей.

Заселяя Прииртышье и Притоболье, пришлые племена вели между собою войны, захватывая новые земли. Сильные покоряли слабых, и со временем в Сибири образовалось Тюменское ханство, а затем и Сибирское ханство со столицей Сибирь (Кашлык, Искер).

В эти времена сибирские татары оставались язычниками, но их социальный уровень развития уже был подготовлен для принятия более совершенной веры.

Во-вторых, появление проповедников новой веры. В связи с захватом власти Кучумом, потомком Чингисхана, представителем Золотой Орды, Бухарским эмиром трижды посылались миссии проповедников ислама в Сибирь, которые успешно привели к магометанской вере татар.

В то же время принудить остяков и вогулов отказаться от своих языческих верований и обычаев хану Кучуму не удалось. Почему? Тут можно теряться в догадках, но, видимо, была причина, которая так же не способствовала должному успеху, как и при христианизации остяков русскими властями.

Вид Тобольского кремля и площади у губернаторского дома

Об этом следует высказать некоторые соображения.

После завоевания Сибири Ермаком в конце XVI века и почти на протяжении всего XVII века не ставилась задача крещения инородцев. Их крестили только по доброму изъявлению. Но такое изъявление обычно исходило от князей, владеющих значительными территориями, на которых проживали племенные группы во главе со своими князьями.

Как уже было сказано, основными причинами, побуждающими их принять православие, являлись политические и материальные выгоды. Такие поместные князья, в отличие от своих соплеменников, проживали в городках значительными по тогдашним меркам группами до тридцати человек, состоящими преимущественно из родственников, искусных воинов, называемых богатырями. Независимо от новой веры они продолжали повелевать своими подданными, частично собирая с них дань для себя.

В ином положении находились рядовые остяки. Крестившись, они уже не могли вернуться в свои юрты и пребывать в сообществе братьев-язычников, а вынуждены были поселиться в городах русских и быть поверстанными на государеву службу. Они говорили, «...что им никак нельзя жить со своей братией, что они от своей веры отстали и их в свою землю не пустят, потому что крещены». Поэтому отказчиков от своей веры были считанные единицы. В основном эти люди становились толмачами, а реже верстались в казаки. Побудительным мотивом для таких остяков являлась возможность улучшить материальное положение за счет денежного и хлебного жалованья, избавиться от трудностей добычи пропитания для своей семьи и от обязанности платить ясак.

Создавая Сибирскую епархию, правительство Москвы ставило в первую очередь задачу удовлетворить христианские требы русского населения, численность которого значительно возрастала с каждым годом не только за счет гарнизонов острогов. Со всей Руси в Сибирь стекался всякий люд. Это были торговые и промышленные люди, крестьяне, ремесленники, плотники и прочие.

В каждом городе служилые казаки строили церкви за счет собственных средств, но, как правило, священнослужителей найти не могли, и многие церкви пустовали. Еще в 1634 году архиепископ Макарий в отписке царю, перечисляя нехватку церковников, просил в том числе прислать в Сургут белого и черного попа.

Первому архиепископу Киприану пришлось пережить большие трудности по обеспечению священниками сибирских городов. Извещая патриарха Филарета о своем прибытии в Тобольск, Киприан писал, что во

время пути видел по сибирским городам попов, и те «попы — воры и бражники, да и быть им нельзя, только быть им по великой нужде, потому что переменить некем».

Вместе с Киприаном в Сибирь ехали: протопоп, протодиакон, ключарь, три священника, дьякон, два пономаря, два звонаря, восемь старцев, просфирница, пять певчих дьяков, шесть поддьяков, приказный человек, дьяк, два подьячих, пятеро детей боярских — десятильников, два иконописца, деревщик, книжный писец, два плотника, кузнец, истопник, переплетчик, два конюха, водовоз, хлебник и четыре сторожа — всего 59 человек. Многие из них ехали по указу государя и патриарха, а не по своей воле. Поэтому кто-то отстал от Киприана, а кто-то скрылся, получив наперед годовое и хлебное жалованье и прогонные деньги. Убежал и дворцовый повар. А подьячий Григорий пил и бражничал и закупил хлеб, не пригодный ни на семена, ни на еду.

В результате получилось так, что в Верхотурье архиепископ прибыл почти без штата. Из духовного чина с ним остались только несколько старцев, а остальные потерялись в дороге. Как выяснилось потом, попы ехали весело, «как кто хотел, для самовольства и пьянства».

Однако основные беды начались по прибытии Киприана в Тобольск 19 июня 1621 года. Воевода Матвей Годунов и его товарищ Волконский встретили архиепископа враждебно.

Царь Михаил Федорович предписал воеводе: «Как архиепископ приедет в Тобольск и ты бы тот двор, на котором ныне стоишь, очистил для архиепископа, а сам съехал на другой двор до тех пор, пока в городе поставят архиепископский двор». Это предписание сразу породило раздор, который не прекращался на протяжении всего пребывания Киприана в Тобольске. Хотя он не настаивал на исполнении воеводой царского указа и стал строиться не в городе, а на старом городище, Годунов ему мстил, чем только мог — не давал соли, дров, подвод и т.п.

Главная причина, побудившая Киприана разместиться на старом городище, заключалась в том, что там уже была недостроенная церковь, которую он купил. Название этой пятиглавой церкви присвоено во имя Софии Премудрости Божией согласно условию продавца-священника.

Управившись на первых порах с хозяйственными заботами, Киприан обратился к деятельности религиозно-нравственной и общественной. О том, с какими трудностями он встретился, можно судить по его донесению патриарху: «во всех сибирских городах всякие люди — служилые, казаки и казачьи жены и всяких чинов люди стригутся в болезнях... и постригшись живут в своих домах по-прежнему с своими мужьями, а мужья

Колокольня при Софийском соборе в Тобольске

с женами, а иные многие и монашеское платье снимают и живут с мирскими людьми вместе и по-прежнему всякое дурное делают... Да сибирские казаки, будучи на Москве и по городам, как назад поедут, подговаривают женок и девок, знаменуются образами, что они женятся на них, но, привезши в Тобольск, продают их воеводам, немцам, татарам и пашенным крестьянам в работу...», и далее: «...женки и девки, видя свою погибель, бьют ему челом на тех служилых людей в насильстве и подговоре, а когда он хочет наказать последних за насильство и растление по правилам св. отцов или дать свободу женкам и девкам, то служилые люди приходят к нему с великим шумом и говорят, что будто у них есть царская грамота, чтоб им делать так, как они делают. Да и боярин Матвей Михайлович Годунов с товарищами утверждает, что у них в разряде есть грамота, которою велено так делать...

А которые попы и мирские люди приезжают в Москву и бьют челом о церковном строении — о книгах, ризах, колоколах, иконах и т. п. — и те попы и мирские люди, вымая, то церковное строение пропивают...».

В ответ на донесения Киприана в 1622 году была отправлена в Сибирь грамота патриарха Филарета Никитича. Вот некоторые выдержки из нее:

«В сибирских городах многие служилые и жилецкие люди живут не по-христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцов, а по своей воле, по своим скверным похотям; многие русские люди и иноземцы, принявшие православие, крестов на себе не носят, постных дней не хранят, а едят мясо всякие скверны вместе с татарами, остяками и вогулами».

«Некоторые же бедных и убогих вдов и девиц беспомощных берут себе для воровства насильно и у мужей работных людей отнимают жен и держат у себя для воровства и крепости на них берут заочно; а те люди, у которых жен поотнимают, отдаются в холопы, в неволю всяким людям, и женятся на иных женах, а отнятых жен выдают за других мужей, или продают, или отдают в заклад и в холопы всяким людям. А попы сибирских городов черные и белые не только такие беззакония не запрещают, но и говорят молитвы, а иных венчают без знамен, не по христианскому закону».

«Многие православные люди живут с некрещеными инородками как бы со своими женами и детей с ними приживают; иные женятся на сестрах двоюродных и родных, блудом посягают на своих матерей и дочерей, чего в поганных и не знающих Бога не обретается, о чем не только писать, но и слышать гнусно».

«А воеводы того не брегут и тех людей от такого воровства, незаконных и скверных дел не унимают и не наказывают, покрывая их для своей бездельной корысти, а иные воеводы и сами таким ворах потакают и попам приказывают говорить им молитвы и венчать их насильно...»

Но есть примеры, когда сами воеводы подавали пример разврата и беззакония, о чем говорится в одной из отписок о нарымском воеводе:

«Он жен служилых людей брал насильно к себе в постель, а когда мужа их хотели писать на него грамоту и обратились с этою целью к своему попу, то воевода бил кнутом и попа, и служилых людей...».

Такова была печальная картина нравственного состояния сибирского общества в описываемый период, чего не наблюдалось в первые годы колонизации Сибири. Результатом такого падения нравов послужило то, что Сибирь превратилась в место ссылки всякого рода преступных элементов — мошенников, воров, грабителей, убийц и др., которых привозили в кандалах, а затем освобождали от пут и верстали на государеву службу. Подобными мерами правительство само способствовало растлению нравов русского населения, что являлось для инородцев отталкивающим фактором в признании православия, высокодуховной веры, оскверненной выродками, заполонившими Сибирь.

Значительную помехой в распространении слова Божия была и местная светская власть. Не только Киприан испытал на себе вражду и притеснения со стороны воевод, но в подобных условиях зачастую оказывались и последующие архиепископы. Воеводы видели в них царских доносчиков о злоупотреблениях, препятствующих в осуществлении корыстных замыслов, и поэтому всячески вредили им. Да и интерес крещения инородцев не совпадал с их интересами по сбору ясака. Ведь известно, что пленных остяков, оказавших сопротивление при завоевании новых земель, служилые люди стремились насильно крестить, чтобы сделать их холопами, но отписками воевод и царскими указами повелевалось вернуть этих пленников в их юрты.

Кроме того, частая смена воевод в городах Сибири, которые чувствовали себя временщиками, не способствовала успешному осуществлению общегосударственных интересов. Даже указами грозного царя Петра I многие воеводы имели смелость пренебрегать.

Какие же трудности мешали еще целое столетие донести до инородцев слово Божие? О том, каковы были священнослужители в большинстве, уже сказано. Архиепископ Киприан понимал, что бесполезно добиться каких-либо успехов духовного воздействия на инородцев, не имея проповедников высокообразованных и знающих местные языки.

Он пытался создать для этого школу, но его задумка так и не была осуществлена.

Однако основная причина практически безрезультатного итога внедрения православия в среду инородцев заключалась в том, что все население жило разрозненно. На бескрайних просторах, по многочисленным речкам, на значительных расстояниях друг от друга были разбросаны так называемые городки или юрты, в которых проживало всего лишь по одной семье. Люди, которые занимались испокон веков промыслом пушного зверя, селились рядом со своим личным угодьем. Они собирались в группы только в определенное время в местах рыбной ловли, чтобы обеспечить себя и своих собак запасом на весь год. Без этого они были бы обречены на голод.

При такой разобщенности и дальности проживания, на десятки и сотни верст от русских городов, где были церкви, можно ли сомневаться в невозможности регулярных контактов между священнослужителями и инородцами? Поэтому нарекания и упреки той или иной стороны не имеют никакого основания. Однако они имели место, и о них еще будет сказано.

Оправдывая в этом отношении и тех и других, необходимо все же обратить внимание на великую лень сибирских язычников, на которую указывали многие исследователи и наблюдатели их быта.

Следует отметить, что остяки находились в полудиком состоянии и пребывали в нем и во времена русского владычества. Что мешало им, например, строить дома по примеру русских? Их окружали леса, у них были топоры, но они предпочитали мерзнуть зимою в холодных грязных юртах и в лучшем случае делали землянки. Что мешало им при заготовке на зиму рыбы и мяса птиц и зверей делать тщательную обработку припасов — хотя бы очищать, промывать водой и коптить? Но они просто вялили как есть, складывали в ящики юколу и мясо, зарывали в землю, а потом ели гнилье, подобное падали, болели и умирали. Летом они питались преимущественно сырой рыбой и сырым мясом. Взвар из неочищенных внутренностей рыбы для них являлся лакомством. Большинство остяков в зимнюю стужу ходили в рубахах из крапивного холста и одежде из рыбьих шкур и очень редко в меховых парках, о которых мы привыкли говорить. Ведь встречались в их среде и зажиточные люди, имеющие, помимо прочего, олени стада. Но это были исключительные случаи.

Проживая в местах, богатых рыбой и всяким зверьем, остяки могли бы не жаловаться на свое жалкое существование, на «великий голод»,

побуждающий их поедать друг друга и своих детей, о чем они неоднократно писали в челобитных царю, «чтобы у него волос дыбом стал». Не сдавая положенный оклад по ясаку, они часто ссылались на скудость их угодий, хотя в тех же самых местах менее опытный русский охотник добывал соболей в 20–30 раз больше.

Поэтому трудно признать, что своим жалким существованием остяки целиком обязаны русским, хотя со стороны последних были и постоянные притеснения, и грабежи инородцев.

Почитая своего высшего бога Торума как создателя всего земного и только лишь созерцателя, остяки не делали ему подношений. Для них важны были те боги, от милости которых зависели промыслы и которых они наделяли чудодейственной силой, заключенной в кумирах. Им они приносили в жертву не только зверя, но и человека, выпивая его кровь. Есть много примеров обращения остяков к сибирским воеводам с просьбой разрешить убийство для моления у лиственницы.

Если же говорить о положительных чертах характера и обычаях, то к ним можно отнести:

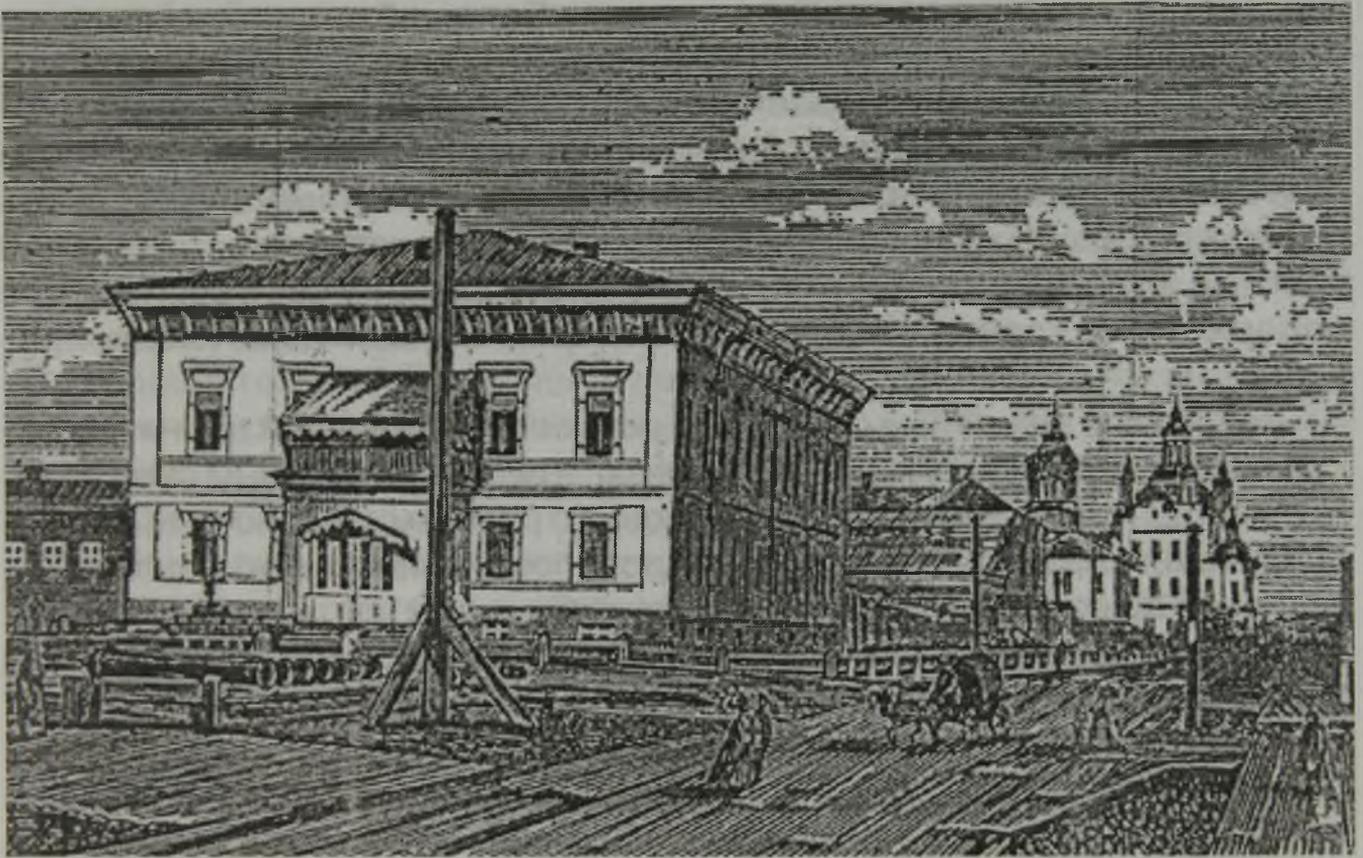
1. Почитание своих предков и память о них, духи которых будто бы живут в тех или иных предметах или в вырезанных из дерева болванчиках.
2. Остяк гостеприимен и никогда не оставит в беде своего соплеменника, он всегда готов поделиться с ним последним куском.
3. Остяки обладают высокой духовностью и склонностью к выдумке или пересказыванию сказок, преданий и легенд. Быть может, в уходе от реальности в прошлое и кроется причина их лени?

Так или иначе, но этот народ сам обрекал себя на вымирание, оставаясь в полудиком состоянии. Вывести его из этого состояния могли только изменения условий жизни и новая вера.

Как же укреплялась вера в единого Бога после стараний Лещинского и были ли положительные результаты в этом направлении?

О последствиях христианизации красноречиво говорят высказывания тобольского архиепископа Варлаама в 1793 году: «...а из приказов Туруханского, Сургутского, Нарымского, Томского, Туринского рапортов в присылке не имеется. А известно, что остяки в церковь редко ходят, да и священники понаровку чинят им — приобщают их по домам запасными святыми дарами, без всякого приготовления. Почему многие из остяков не только Закона Божия и молитв не знают, но и о вере православной понятия никакого не имеют, да и в церковь в год раз бывали».

Другие свидетельства также подтверждают, что остяки являлись христианами «только по имени».

Губернаторский дом в Тобольске

В тайной переписке Тобольской консистории за 1757 год имеется донос священника на крещеных остяков — Сергея Шергу, Ивана Колываева и Алексея Пангля из Шапшинских юрт. Они приносили жертвы тщательно скрываемому «шайтану» и были избранными по сбору дани для Золотой бабы.

Однако с течением времени, к середине девятнадцатого века, стало проследиваться влияние христианства на остяков. Видимо, этому способствовали не проповеди священнослужителей, а контакты с русскими какой-то части населения и участие в христианских праздниках. Но абсолютное признание единого Бога наблюдалось в весьма редких случаях, хотя со времени указов Петра I прошло 150 лет. Протоиерей А. Сулоцкий сетовал: «все они чрезвычайно суеверны, многие у себя имеют шаманов, благоговеют перед медведем, волком и другими предметами поклонения их предков и соплеменников, очень редко посещают храмы и призывают священников для исправления треб, не знают своих христианских имен, не имеют у себя св. икон или содержат их в крайнем небрежении и иные не знают даже имени Христа».

Некоторые крещеные суеверные остяки после удачной охоты на всякий случай делали подношения и иконам, и своим священным символам. Были и такие, которые поселялись рядом с русскими и доносили на идолопоклонников. Чтобы скрыть свое идолопоклонство, многие остяки устраивали в лесу «приклады», опасаясь как русских частных комиссаров, так и своих сородичей-доносчиков. Наступило время, которое историки называют периодом двоеверия. Но можно ли это признать за истину? Изменился ли на самом деле духовный мир аборигенов? По просторам Сибири гуляла молва о том, что «...в Третьюганской волости умерла одна женщина и ожила, села и говорила, чтоб обвести все волости, дабы делали по старому их остяцкому обыкновению привесы из имени к деревьям; а буде сего не сделают, то не будет счастья в звериных, рыбных и прочих промыслах».

В свою очередь, остяцкий десятник Сергей Ратаев, очень богобоязненный человек, во время командования в Сургуте комиссара Силина говорил, что «...комиссар велел объявить ясашным, чтоб делали приклады к богу, а то, ежели не будут того чинить, сгорят небесным огнем». Семен Игнатьев из Верхних Ларынских юрт подтверждал это, так как сам явился к месту действия «по повеске» десятника, и они с Василием Сенкиным «на домбре играми выигрывали и кричали, просили бога, чтоб бог им дал в промыслах зверя и рыбы».

Из приведенных примеров следует вывод, что имело место не безоглядное приятие православной веры большинством остяков, а допуск ими из страха в свой языческий пантеон христианского Бога.

Став подследственными в результате доносов, остяки заявляли: «...веру ж российскую и святую церковь, в которую крещены, твердо сохраним и впредь в ней непоколебимо останемся, и отныне более идолослужения чинить отнюдь не будем». Они, конечно, хитрили, чтобы избежать наказания. Венчаясь в церкви, они кроме законной жены имели и других жен. Автор жизнеописания Филофея Лещинского утверждал: «Нива, обработанная руками митрополита Филофея в Березовском крае, впоследствии, без нового удобрения и сеяния слова Божия, начала за-растать (и заросла) так, что во многих местах едва заметны стали признаки трудов деятеля Христова». Лещинскому лишь в кошмарном сне могла привидеться картина: собравшиеся в лесу остяки подношениями, криками и непривычной для русских музыкой задабривают Господа или сбегаются на ворожбу шаманов, которым «явно показывается диавол и сказывает, получают или не получают» они зверя или рыбу.

Любознательный читатель может более подробно ознакомиться с фактами неурядиц в христианизации Западной Сибири, извлеченными из архива Тобольска и изложенными в книге «Древний город на Оби: история Сургута», часть из которых приведена автором.

В борьбе за души нерусской паствы, продолжающей поклоняться «шайтанам», церковь постоянно обращалась к светской власти за помощью. Достоверно известны отдельные факты публичных наказаний остяков при воеводской канцелярии. Только в 1822 году уставом впервые было предписано, что «кочующие инородцы», к которым относилось и население Сургутского края, могут пользоваться свободой вероисповедания. Фактически этот устав положил конец так называемому вынужденному двоеверию, хотя, как повествуют данные за 1899–1903 годы, элементы русской культуры органично вписались в традиционный быт народа. Отмечалось, что какая-то часть остяков обрусела и русское влияние проступало «в религии, в нравах, обычаях и в чувствовании и в мышлении». А также: «Языческих верований и обрядов держатся все остяки, даже те, которые считаются православными и посещают храмы. На почве этого двоеверия разные апокрифические сказания о потопе, о жизни Христа и Божией Матери находят себе среди них большое распространение, причем христианских святых остяк сплошь и рядом отождествляет со своими богами: так, апостол Петр отождествляется с Обским мужиком — древним божеством рыб с безобразным лицом и руками, жестяным носом и стеклянными глаза-

ми... Посредниками между богами и обыкновенными смертными являются шаманы, то есть люди, одаренные от природы особой силой, дающей им возможность сноситься с духами».

Наступил двадцатый век. В «Инструкции Кондинской миссии» параграфом четвертым предписывалось требование разыскать «идола, слышущего под названием Троицкого, к которому, как к центру идолопоклонства, стекаются отовсюду инородцы-самоеды и остяки-идолопоклонники, и христиане, и тщательно следить за сборщиками в пользу сего идола, поддерживающего в инородцах суеверные убеждения, донося секретно епархиальному начальству об нем, что будет дознано относительно сего общепочтительного инородцами идола».

После революции 1917 года остяки и вогулы стали называться ханты и манси и вели полукочевой образ жизни. Они тоже, как и русское население, подвергались воздействию коммунистической идеологии, отрицающей Бога. Кроме того, в 1941–1943 годах началась кампания по массовому переводу коренных жителей с кочевого уклада на оседлый, чтобы приобщить их к земледелию и коллективному хозяйству. Однако полугодовая работа агитаторов не дала желаемых результатов. Только 55 семей Сургутского района дали соответствующее согласие.

Главной причиной отказа от оседлой жизни аборигенного населения явилось нежелание ломать привычные устои, рушить традиционный многовековой уклад, гарантировавший их существование и поклонение своим символам. Подтверждением этому может служить одно из интереснейших событий, изложенных А. Зенько в альманахе «Югра» за № 1 в январе 1992 г.:

«В 1989 году (!), когда лесной пожар подошел к поселку Кинямино на Малом Югане, жители поселка пустили встречный огонь, предварительно совершив жертвоприношение Най-анки. В костре, разведенном для встречного пала, был сожжен небольшой красный сах. Интересно отметить, что шил его самый старей в поселке мужчина. Обряд сопровождался просьбой защитить людей от чужого огня.

Полагали, что, встречаясь, Пай-най и Най-анки вступают в борьбу друг с другом. Сильный треск, раздающийся при столкновении двух огней, — свидетельство этой борьбы. В единоборстве всегда побеждает Най-анки, так как хантыйский огонь сильнее лесного».

Неоднократно отмечалось, что «в нравственном отношении все остяцкое население славится строгою честностью, необыкновенною услужливостью, добродушием и человеколюбием».

Еще в 1881 году член-секретарь Тобольского губернского статистического комитета писал: «Остяки добросердечны, услужливы и гостеприимны; остяк никогда не оставит в нужде своего ближнего, и поэтому у них никогда не бывает нищих, просящих по юртам и чумам подаяния... Верность остяцких платежей безупречна; они выплачивают не только собственные, но отцовские и даже дедовские долги». Преступления среди остяков были чрезвычайно редки, соплеменники одевали виновных в безобразную одежду, водили по «юртам напоказ» и телесно наказывали на сходках.

Своим предком ханты считают древнейший народ «арьях» — песенный и былинный. И на это есть основание. Этнос ханты насыщен легендами, сказаниями и песнями. Позади дорога тысячелетних традиций, которые оказались практически незыблемы, несмотря на четырехвековые старания их выкорчевывания. Коллективная душа ханты продолжает жить в своем особом сказочном мире, подобном жемчужине в море христианском.

Оглавление

Рассказы

Бунт Тынги	8
Соболиная лихорадка	39
Похождения воеводы Белкина	73
Порча семьи воеводы Щербатова	110
Еропкин на воеводстве	137

Очерки

Атаманы Сургута	158
Во имя Живоначальной Троицы	169
Христианство в Западной Сибири	177

РИХТЕР Олег Борисович

Сургутские истории
Невыдуманные рассказы, очерки

Корректор Н.В. Тиунова

Подписано в печать 27.03.2007 г.
Формат 70x100/16. Гарнитура «PragmaricaC».
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл.-печ. л. 16,77. Тираж 400. Заказ №485.

ИП Мандрика Юрий Лукич
ОГРН 305720302800142

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru
<http://www.tmn.ru/~mandrika>

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ООО ПК «Зуралье».
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

101602010

Государственная библиотека Югры

